

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

**Профессура
им. Малхаза Абдушелишвили
факультета антропологии ЕУСПб**

КОНСТРУИРУЯ «СОВЕТСКОЕ»?

**Политическое сознание,
повседневные практики,
новые идентичности**

Материалы научной конференции
студентов и аспирантов

14-15 апреля 2011 года, Санкт-Петербург

УДК 321.74
ББК 66.1(2)61
К65

К65 **Конструируя «советское»? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности : материалы научной конференции студентов и аспирантов (14–15 апреля 2011 года, Санкт-Петербург).** — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. — 192 с.

ISBN 978-5-94380-113-6

Издание представляет собой сборник материалов пятой конференции «Конструируя “советское”?», состоявшейся 14–15 апреля 2011 года в Европейском университете в Санкт-Петербурге. В конференции участвовали студенты, аспиранты и соискатели из Санкт-Петербурга, Москвы, Петрозаводска, Перми, Челябинска, Магнитогорска, Тюмени, Харькова, Киева, Минска, Риги, Будапешта, Дюссельдорфа и Билефельда. Участники конференции стремились осмыслить феномен «советского», привлекая различные типы источников и используя междисциплинарный подход. В сборнике представлены работы по следующим темам: «советский» интернационализм и национализм, история СССР в европейском контексте, рабочие как объекты и субъекты «советского», религиозные отношения, идентичности, практики репрезентации и коммеморации «советского», а также вопросы морали, права и легитимности в советскую эпоху.

УДК 321.74
ББК 66.1(2)61

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Альберт Глеб</i> Мировая революция как стимул: интернационализм большевистских активистов первых лет советской власти	5
<i>Антипин Николай</i> «Советизация» памяти: образы Русско-японской войны в 1920-е — 1950-е годы	14
<i>Васильев Павел</i> Наркотизм в Петрограде — Ленинграде в 1917–1929 годы: пути решения социальной проблемы.....	21
<i>Винокуров Игорь</i> Другой «другой»: альтернативность советских образов Польши 20-х годов XX века.....	27
<i>Гаврилова Ксения</i> Марийская вышивка в позднесоветский период: промышленное воспроизводство образов национального.....	32
<i>Гирик Сергей</i> Иллюзия неразрешимости. Диалектика классового и национального в украинском национал-коммунизме	40
<i>Глушаев Алексей</i> Спецконтингент и религиозная ситуация в Прикамье в 1950-е годы	45
<i>Годунов Константин</i> Памятник Ю.В. Андропову в Петрозаводске: парадоксы репрезентации и восприятия советского	52
<i>Гумерова Мария</i> «Непрерывка» и антирелигиозная агитация.....	58
<i>Дроздова-Пичурина Надежда</i> Советские фотовыставки 1920–30-х годов: конструирование новой визуальности.....	64
<i>Дугушина Александра</i> Советское в современных письмах властям.....	70
<i>Еремеева Екатерина</i> «Украинец» и «хохол»: Герой и Антигерой в советских политических анекдотах	77
<i>Жабенко Алиса</i> «Лесбиянства не было»: нелегитимный гендерный контракт в советской России.....	85
<i>Зайцева Оксана</i> Государственная пропаганда как средство подавления забастовок на промышленных предприятиях в начале 1920-х годов (на примере газет «Петроградская правда», «Красная газета», «Смена»)	92

<i>Иванова Анна</i>	
Моральная оценка «привилегий» и «экономических преступлений» в советском обществе: дискуссия о магазинах «Березка» в конце 1980-х годов ...	99
<i>Карпова Юлия</i>	
Декоративное искусство СССР: конструирование официального дискурса о советском искусстве и материальной культуре в конце 1950-х — начале 1960-х годов	106
<i>Ковалева Алина</i>	
«Кино-силуэты» декабристов: «реализм», «натурализм» и война за топосы в советском обществе 1920-х годов.....	115
<i>Кочеткова Елена</i>	
«Новые советские финны» Карелии 1930-х годов и вопрос рабочего сопротивления	122
<i>Кузнецова Людмила</i>	
Советский курорт как место памяти	128
<i>Любавский Роман</i>	
«Создадим Новый Харьков!»: идея создания «социалистического городка» для рабочих Харьковского тракторного завода в 1930-е годы.....	134
<i>Лях Екатерина</i>	
«Запорожец»: концепт и воплощение идеи создания первого советского массового автомобиля.....	139
<i>Мухаматулин Тимур</i>	
«Присвоение Испании»: Испания в советском обществе в 1936–1939 годах.....	145
<i>Николенко Юрий</i>	
Советская Латвия 60-х на политическом плакате	151
<i>Резник Александр</i>	
Активная (оп)позиция: политический протест рабочих во внутривластной борьбе 1923–1924 годов.....	155
<i>Синяк Сергей</i>	
Проблема самоопределения несформировавшихся наций: белорусы (1917–1919 годы).....	162
<i>Сухарев Анатолий</i>	
«Хозяин города» или «бесполезный угол комхоза»: образ Тюменского городского Совета в 1920–1925 годах глазами власти и общества	168
<i>Хриун Вячеслав</i>	
Иностранцы в вузах Ленинграда в 1950-е — середине 1960-х годов. Теория и практика повседневности.....	174
<i>Чернобривец Иван</i>	
Влияние Нюрнбергского процесса на правосознание советской элиты.....	183

Альберт Глеб

Билефельдский университет
Институт аспирантуры истории и социологии, аспирант
gleb.albert@uni-bielefeld.de

МИРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ КАК СТИМУЛ: ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ БОЛЬШЕВИСТСКИХ АКТИВИСТОВ ПЕРВЫХ ЛЕТ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

«Архивная революция» в России начала 1990-х годов дала исторической науке возможность по-новому взглянуть на советский период. Сталинизм является центром этого процесса переосмысления истории на базе архивных материалов, но Октябрьская революция и период «военного коммунизма» также не остались обделенными вниманием. Несмотря на то, что исследовательский фокус расширился от чисто «политической» истории в сторону социальной и культурной истории первых лет Советской власти, включающей региональный и локальный уровень¹, историки оказались в гораздо меньшей степени заинтересованы историей собственно коммунистического движения. Большевизм представляется в историографии в основном как нечто свалившееся на голову населению России. Исследования раннесоветского общества, выходящие за рамки сугубо политической истории, большей частью фокусируются на отношении различных слоев общества к коммунистической политике — от сопротивления до «конформизма» (С. Яров) и соучастия.

В то же время те, кто «делали» революцию и составляли «пехоту» коммунистического движения, остаются аморфными. Мы имеем пока только слабое представление о том, что именно представлял из себя советский коммунизм не столько как партия власти, сколько как социальное движение. В то время как организационная история раннесоветского коммунизма продолжает разрабатываться², социальная и культурная

¹ См., напр.: *Karsch S. Die bolschewistische Machtergreifung im Gouvernement Voronež. 1917–1919. Stuttgart, 2006; Яров С. Конформизм в Советской России. Петроград 1917–1920-х годов. СПб., 2006; Нарский И. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001.*

² *Павлюченков С.А. «Орден меченосцев». Партия и власть после революции. 1917–1929 гг. М., 2008.*

история РКП(б) еще не написана, не говоря уже об истории коммунизма/большевизма как социального движения³.

Чтобы осмыслить раннесоветский коммунизм в этом измерении, необходимо выработать не только социальный состав и репертуар социальных практик движения, но также и его «collective frames» — коллективные интерпретационные рамки, используемые движением для восприятия действительности и мобилизации его членов⁴. Что служило мотивацией активистов, ассоциирующих себя с коммунизмом, и как они видели окружающий мир? Парадигма насилия как мотивации и динамики действия⁵ представляется автору важной, но не исчерпывающей сущность движения. Фокусировка на насилии как интегральный момент советского коммунизма вписывает Октябрьскую революцию в контекст «бессмысленных и беспощадных» российских бунтов, но одновременно упускает из вида общеевропейское измерение⁶. Это касается как общеевропейского феномена революционного брожения после Первой мировой войны⁷, так и общеевропейских традиций социалистического движения, которые играли важную роль не только для руководителей РКП(б), но и для «функционеров-энтузиастов» (Б. Колоницкий)⁸ более низких рангов. Что касается первого аспекта, то, вместо фокусирования на национальных особенностях русской революции⁹, автору видится

³ В то время как зарубежная историография приблизилась к изучению западного коммунизма именно в этом плане. По межвоенному коммунистическому движению в Германии, см.: *Mallmann K.-M. Kommunisten in der Weimarer Republik. Sozialgeschichte einer revolutionären Bewegung. Darmstadt, 1996; Eumann U. Eigenwillige Kohorten der Revolution. Zur regionalen Sozialgeschichte des Kommunismus in der Weimarer Republik. Frankfurt am Main, 2007.*

⁴ *Snow D. Framing Processes, Ideology, and Discursive Fields // The Blackwell Companion to Social Movements. Malden, 2004. P. 380–412.*

⁵ *Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. 2-е изд. М., 2010.*

⁶ См.: *Holquist P. Violent Russia, Deadly Marxism? Russia in the Epoch of Violence. 1905–21 // Kритика. 2003. N 4(3) P. 627–652.*

⁷ Европейские революции отнюдь не ограничиваются «областью истории идей», вопреки утверждению В. Булдакова («Красная смута», с. 176), а представляли из себя реальный феномен европейской истории. См., напр.: *Challenges of Labour. Central and Western Europe. 1917–1920 / Ed. by C. Wrigley. London; New York, 1993; Ср. также Kenez P. A History of the Soviet Union from the Beginning to the End. Cambridge, 2006. P. 31.*

⁸ *Kolonitskii B.I. «Revolutionary Names». Russian Personal Names and Political Consciousness in the 1920s and 1930s // Revolutionary Russia. 1993. N 6(2). P. 219.*

⁹ *Булдаков В.П. Красная смута. С. 626.*

плодотворной перспектива вписывания России и ее революционного движения в контекст европейских революций и их «блокированной транснациональности» (М. Гейер)¹⁰. А что касается второго аспекта, то автор, в отличие от В. Булдакова, видит в использовании местной властью событий мирового социалистического движения в качестве легитимационных аргументов не только курьез и «неожиданный фактор»¹¹, а, напротив, один из интегральных мотивационных и легитимационных компонентов раннесоветского коммунистического движения.

Здесь автор не намерен обсуждать аспекты глобального, заложенные в исходных текстах коммунистического движения и играющие роль в идеологической продукции и политических действиях российских «вождей»¹². Вместо этого вопрос состоит в том, какую роль «революционный интернационализм»¹³, т. е. представление о необходимости и реальности классовой борьбы на глобальном уровне, играл в восприятиях и политических практиках активистов первых лет Советской власти на региональном и локальном уровне.

Разговор с Ф. Раскольниковым о международном измерении Февральской революции представляется в мемуарах В. Солского, польского левого социалиста, сотрудничавшего с большевиками в революционном Минске 1917 года, как своеобразный момент посвящения:

То, что говорил Раскольников, произвело на меня довольно большое впечатление. Я впервые почувствовал мировое, историческое значение русской революции. <...> Мы видели чаще всего только отдельные ступени <...> [н]о всей лестницы мы не видели, и редко задавали себе вопрос, куда она ведет¹⁴.

¹⁰ Ср. о национальных и транснациональных аспектах Германской революции 1918 г.: *Geyer M. Zwischen Krieg und Nachkrieg. Die deutsche Revolution 1918/19 im Zeichen blockierter Transnationalität // Die vergessene Revolution von 1918/19 / Hg. A. Gallus. Göttingen, 2010. S. 187–222.*

¹¹ *Булдаков В.П. Красная смута. С. 462.*

¹² См., напр.: *Ватлин А.Ю. Международная стратегия большевизма на исходе Первой мировой войны // Вопросы истории, 2008, № 3. С. 72–82.*

¹³ Здесь автор следует предложенному политологом Ф. Хэллidayем делению интернационализма на «либеральный», «гегемониальный» и «революционный» (*Halliday F. Three Concepts of Internationalism // International Affairs. 1988. N 64(2). P. 187–198*), в то время как исторический термин «пролетарский интернационализм» за счет многократных трансформаций его содержания представляется негодным для использования в качестве аналитической категории.

¹⁴ *Солский В. 1917 год в Западной области и на Западном фронте. Минск, 2004. С. 111.*

Именно за счет глобальной революционной перспективы российский революционный процесс обретал смысл для активистов, и тот факт, что в этом случае проводником этой перспективы является большевик Раскольников — не случайность. Именно большевики являлись в ландшафте радикальной политики между Февралем и Октябрем воплощением глобальной, антинациональной революционной перспективы: так они презентировали себя (напр., в «Правде» этого периода понятия «большевик» и «интернационалист» — синонимы)¹⁵, так их, в конечном счете, воспринимали представители других левых партий. Хотя и левые меньшевики-интернационалисты, и левые эсеры имели свою программу международной революции¹⁶, но, например, в заявлениях представителей и тех и других о желании перейти в ряды РКП(б) большое ударение делалось именно на международную компетенцию РКП(б) как «единственной социалистической интернациональной партии»¹⁷.

Но интернационализм был больше чем «кодом» коммунистического движения. Как и для остальной Европы, Первая мировая война являлась для России и ее жителей эпохальной и травматической цезурой. Последовательное отрицание «бойни народов» большевиками и их призыв к всеобщему миру были одним из важнейших факторов, ответственных за усиление их сил, и, в конце концов, за пришествие их к власти в октябре. И когда революция не только не вывела Россию из мировой войны, но превратила ее в гражданскую, «интернациональная вера»¹⁸ в то, что продолжение октябрьского сценария в мировом масштабе может преодолеть переживаемые невзгоды, была вполне действенна. Анализ дискурса мировой революции в низовых документах коммунистического движения первых лет Советской власти демонстрирует если не доминантность «пацифистских» тенденций, то хотя бы их равновесие с тен-

¹⁵ Анализ «Правды» межреволюционного периода ставит под вопрос высказывание Л. Троцкого о происхождении агитационной формулы «большевики-интернационалисты» от «большевики и интернационалисты» (т. е. левые меньшевики). См.: *Троцкий Л.Д.* О Ленине. Материалы для биографа. М., 2005. С. 44.

¹⁶ См., напр., прокламацию меньшевиков с лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» от июля 1919 г. (Российский государственный архив социально-политической истории [РГАСПИ], Ф. 17. Оп. 4. Д. 42. Л. 3).

¹⁷ Прошение бывшей эсерки о принятии ее в РКП(б), 13.10.1923. Цит. по: Новгородская земля в эпоху социальных потрясений 1918–1930. СПб., 2006. С. 253–254. Ср. различные письма бывших членов ПЛСР в РКП(б), 1923 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 495. Л. 42–58.

¹⁸ *Collette C.* The International Faith. Labour's Attitudes to European Socialism 1918–39. Aldershot, 1998.

денциями прославления «мировой классовой войны». Лозунг «Да здравствует Мир всего Мира!»¹⁹ не был одиночным явлением, а выражал те надежды на конец войны и насилия, которые активисты могли вкладывать в революционную риторику. Комплект раннесоветского коммунистического мышления включал в себя не только местами кровожадную риторику «классовой ненависти», но и уверенность в том, «что пролетариат Западной Европы соединившись и идя за одно с нами[,] мы как один человек скорее закончим эту кровавую войну»²⁰. В этом контексте даже явная описка приветственной телеграммы «Да здравствует мирная революция и социализм»²¹ выглядит как нечто более последовательное, чем просто ошибка.

Благодаря свойственной участникам социальных движений «паноптической картине мира», выстраивающей все жизненные факторы по порядку одной всеобъемлющей логики²², активисты могли связать идею всемирной революции через ее «пацифистский» компонент с личной жизненной ситуацией. Рабочий «от станка», мелкий партийный работник Иосиф Голубев, разлученный со своей семьей, которая осталась в оккупированном германскими войсками Минске, так отреагировал на известия о революции в Германии личном дневнике:

Как на меня угнетающе подействовало письмо, что мои дети голодают и болеют. <...> Одно меня радует, что в Германии настоящая революция развивается. Это значит, что у нас скоро фронта с ней не будет, можно будет приехать в Минск, дела немного наладить. Можно будет успокоить детей и быть уже при одном месте. Это что-либо значит. Немецкий пролетариат начинает приходить в сознание, давно пора порядок восстановить, буржуев отстранить, а народ освободить от векового рабства. Это необходимо²³.

¹⁹ Резолюция 1-й беспартийной конференции Усольского уезда, 13.9.1920 // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 7. Л. 2.

²⁰ Приветственная телеграмма Новоузенского уездного съезда [РКП(б)] в честь Германской революции, 12.11.1918 // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1235. Оп. 93. Д. 8. Л. 5.

²¹ Приветственная телеграмма Вятского исполкома в ВЦИК, 13.11.1918 // ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 93. Д. 10. Л. 74.

²² О концепции «паноптической картины мира» в контексте ранней германской социал-демократии, см.: *Welskopp T.* Das Banner der Brüderlichkeit. Die deutsche Sozialdemokratie vom Vormärz bis zum Sozialistengesetz. Bonn, 2000. S. 530.

²³ «Счастье мое...». Дневники Иосифа Голубева. 1916–1923 гг. Минск, 2002. С. 171.

Шаблонная, поверхностно-марксистская риторика конца этой записки не может скрыть факт гармонирования «интернациональной веры» с конкретными реалиями жизненного мира в представлениях рядовых активистов на местах. Причем эта гармония могла состоять и в «негативном» контексте. Концовка приветственной телеграммы локальной профорганизации «Да здравствует красный террор[,] да здравствует единение пролетариата всего мира»²⁴ не была парадоксальной: интернационализм и насилие как аргументы могли идти рука об руку, первое могло даже служить оправданием последнего²⁵.

Следующим важным компонентом «интернациональной веры» низовых коммунистических активистов была надежда на помощь «революционных братьев» извне. Всеобщая нищета, нехватка провизии даже в «верхушке» партии, враждебность заграничной «буржуазной» общественности к Советской России, концентрированно преподносимая центральной печатью, — все это способствовало тяге активистов к поиску реальных и воображаемых «классовых союзников» за границей, что вписывалось в парадигму мировой революции. Описание партийного быта весны 1918 года в письме коммунистки из омского комитета РКП(б) заканчивается выражением надежд на интернационалистский исход событий:

Мы ждем вестей с Запада. Ведь не может быть, чтобы наши старшие по революционному опыту товарищи надолго оставили одних бороться с международной буржуазией своих младших товарищей — российский пролетариат. Нет. Я так верю в скорый приход к нам на помощь товарищей с Запада, считаю часы...²⁶

Здесь мы сталкиваемся в меньшей степени с ранней формой «говoreния по-большевистски»²⁷, т. е. с подстраиванием под риторику власти, а скорее с реальным убеждением, мотивированным желанием придать

²⁴ Приветственная телеграмма профсоюза поваров и официантов поселка и станции Грязи в ВЦИК, 20.9.1918 // ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 93. Д. 2. Л. 153–154.

²⁵ См., напр.: *Вихавайнен Т.* Заметки о восприятии финской революции 1918 г. в России // Россия и революция 1917 года. Опыт истории и теории. Материалы Всероссийской научной конференции 12–13 ноября 2007 г. СПб, 2008. С. 48–50.

²⁶ Письмо из Омского комитета в Секретариат ЦК РКП(б), позднее 1 мая 1918 // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 23. Л. 81. (Цит. по: Переписка секретариата ЦК РСДРП(б)-РКП(б) с местными партийными организациями. М., 1967. Т. 3: март–июль 1918 г. С. 213–214)

²⁷ *Kotkin S.* *Magnetic Mountain. Stalinism as a Civilisation.* Berkeley, 1995.

переживаемым трудностям одновременно реальный и мифический смысл.

Как активисты представляли себе конечный результат мировой революции? Центральные партийные медиа первых лет Советской власти рисовали, в соответствии с классическими марксистскими установками, перспективу единого мирового государства²⁸, или как минимум «Европейской советской республики», как титулировала «Правда» в начале 1918 года²⁹. Трудно сказать, насколько четкими были представления о грядущем мировом обществе у рядовых активистов партии. В первую очередь мировая революция представляла перед ними как реальный процесс, современниками и очевидцами которого они себя ощущали. Ноябрьская революция в Германии в ноябре 1918 года и возникновение многочисленных кратковременных советских республик в Европе (наиболее известные — Баварская с апреля до мая и Венгерская с марта по август 1919 года) создавали фон этого восприятия.

Ожидания развития мирового революционного процесса при этом нередко предвосхищали реальный ход вещей. Так, например, член военной инспекции Красной Армии телеграммой поздравлял ВЦИК в ноябре 1918 года с «победой мировой революции» как реально свершившимся событием³⁰. А активисты — авторы резолюции собрания в Архангельской губернии в апреле 1919 года выражали уверенность, «что к нам на помощь скоро придут трудящиеся всех стран, как пришел уже пролетариат Венгрии и Баварии»³¹, притом что Баварской советской республике суждено было пасть уже несколько дней спустя, а венгерские революционеры, хотя и продержались до августа, также не спешили «прийти на помощь» активистам советской провинции.

Восприятие революционных событий в Европе как синхронного процесса мировой революции позволяло коммунистическим активистам вписывать в интернациональный контекст как свое положение, так и свою собственную деятельность. Оратор, выступающий на 14-й московской губконференции РКП(б) в апреле 1919 года, связывал с венгерской и баварской республиками улучшение положения Советской России «с каждым днем»; далее он предлагал «послать революционерам западных

²⁸ Goodman E.R. *The Soviet Design for a World State*. New York, 1960.

²⁹ Европейская Республика Советов // *Правда*. 1918. 26 (13) янв.

³⁰ Приветственная телеграмма члена военной инспекции Реввоенсовета Республики Иреньева ВЦИКу, 15.11.1918 // ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 93. Д. 2. Л. 318.

³¹ Резолюция общего собрания граждан Спасско-Марецкого района, 21.4.1919 // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 1. Л. 149–150.

советских республик приветствие, сказать им, что мы готовы с ними объединиться для общей борьбы с империалистами и что мы создадим новый строй»³². В ситуации существования нескольких параллельных коммунистических проектов этот «новый строй» не обязательно мыслился как некий союз коммунистических государств с Советской Россией во главе. В документах активистов среднего иерархического уровня он представлялся скорее как некая гомогенная наднациональная конструкция: «Не далек тот день, когда исчезнут все национальные перегородки и мы сольемся под знаменами III интернационала в общую мировую семью труда»³³, писали профсоюзные активисты — авторы приветственной телеграммы бастующим украинским железнодорожникам в августе 1918 года.

Любопытно, что представление о «новом», «третьем» интернационале играло важную роль в массовом коммунистическом дискурсе не только за восемь месяцев до его фактического основания как организации в марте 1919 года, но даже еще в период между февралем и октябрём 1917 года³⁴. Как известно, Ленин еще в конце 1914 года в связи с тем, что Второй интернационал не устоял перед искушением национализма, требовал основания нового революционного интернационала. Но как мог весьма абстрактный и специфический организационный концепт международной социал-демократии приобрести такую популярность, что активисты на региональном и локальном уровне использовали его как лозунг и апеллировали к интернационалу как высшей цели? Источники указывают на то, что активисты вкладывали в понятие интернационала гораздо более широкий смысл, чем просто «организация». Уже упомянутый Иосиф Голубев, рабочий, примкнувший к большевикам лишь весной 1917 года и явно не просвещенный в делах международной социал-демократии, в дневниковой записи весной 1918 года отмечает свою принадлежность «к партии социал-демократической, которая основывается на принципе интернационала»³⁵. При этом речь не идет об организационных принципах. Свое представление об «интернационале»

³² Протокол заседания 14-ой Московской Губернской Конференции Р.К.П., 12.–13.4.1919 // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 151. Л. 10.

³³ Приветственная телеграмма 6-го Конгресса железнодорожных депутатов в Москве бастующим украинским железнодорожникам, 18.8.1918 // ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 93. Д. 2. Л. 138.

³⁴ См., напр., лозунги демонстраций: *Sanders J. Russia 1917. The Unpublished Revolution. New York, 1989. Pp. 35, 108.*

³⁵ «Счастье мое...». С. 105.

Голубев артикулирует еще в мае 1917 года: «Наше братское предложение всей Европе — интернационал, лозунг любви и братства, жизнь социальная на демократических началах»³⁶.

Как известно, меньше чем через десятилетие внешнеполитический курс под эгидой Сталина изменился в сторону «построения социализма в одной отдельно взятой стране». Перспектива мировой революции ушла на задний план. Ударничество, «бдительность» и советский патриотизм сменили «мировой пожар» и «всемирное братство» в роле главных мотиваторов коммунистического активиста³⁷. Это не значит, что интернационализм целиком исчез из агитационного арсенала (ведь даже ввод в Прагу советских танков в 1968 году легитимировался как «акт пролетарского интернационализма»), и это также не значит, что в раннесоветском политическом дискурсе не было предпосылок руссоцентризма (мотив РКП(б) как руководящей силы в международном плане присутствует уже в первые годы Советской власти). Тем не менее, идея интернациональной солидарности и соучастия в мировой революции являлась центральным и специфическим компонентом мышления и деятельности коммунистических активистов именно раннесоветской эпохи. Интернационализм как «альтернативный <...> путь осмысления информации о внешнем мире»³⁸ — явно недооцененный исторической наукой фактор. Он представляется особенно важным не только при составлении наиболее полной картины политической жизни и политического мышления первых лет Советской власти, но и при осмыслении последующих внутривластных конфликтов 1920-х годов.

³⁶ Там же. С. 69.

³⁷ Дубровский А.М., Прудникова Е.П. Идеиное перевооружение. Патриотизм и идеология большевиков. 1920–1940-е гг. // Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX веков. Вып. 3. Брянск, 2004. С. 55–91; Brandenberger D. Proletarian Internationalism, ‘Soviet Patriotism’ and the Rise of Russocentric Etatism During the Stalinist 1930s // *Left History*. 2000. N 6(2). P. 80–100.

³⁸ Brooks J. Official Xenophobia and Popular Cosmopolitanism in Early Soviet Russia // *American Historical Review*. 1992. N 12. P. 1441.

Антипин Николай

Челябинский государственный университет
исторический факультет, аспирант
antipin87@mail.ru

«СОВЕТИЗАЦИЯ» ПАМЯТИ: ОБРАЗЫ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ В 1920-е — 1950-е ГОДЫ

Согласно исследованиям французского социолога и историка Мориса Хальбвакса и немецкого египтолога Яна Ассмана, память является социальным феноменом, она подвижна и тесно связана с современностью¹. Теория памяти находит продолжение в концепции «образа войны», которую разработала Е.С. Сенявская². Названные теории возможно использовать в качестве методологической основы для изучения восприятия Русско-японской войны в 1920-е — 1950-е годы.

В период Русско-японской войны 1904–1905 годов в российском обществе сложилось несколько образов дальневосточной кампании, которые соответствовали политическому спектру. Последующие события Первой мировой и Гражданской войн, революционные потрясения повлияли на содержание коллективной памяти российского/советского общества. Произшедшие в обществе политические и социокультурные трансформации определили параметры конструирования нового прошлого. В конце 1910-х — начале 1920-х годов в России произошла смена элит, что М. Хальбвакс считал одним из определяющих факторов трансформации памяти.

В советской России до середины 1950-х годов выделяется два этапа трансформации образов Русско-японской войны. Первый из них выпал на 1920-е — начало 1930-х, когда историк М.Н. Покровский развил активную деятельность по написанию и изданию работ по русской истории³. В своих работах он также касался войны с Японией и до определенной степени ориентировался на высказывания В.И. Ленина о войне

¹ См.: Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007; Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004.

² См.: Сенявская Е.С. Психология войны в XX в.: Исторический опыт России. М., 1999.

³ См.: Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1923. Ч. III. Вып. I; Покровский М.Н. 1905 год. М., 1930, и др.

1904–1905 годов. М.Н. Покровский представлял Русско-японскую войну как продолжение захватнической и колониальной политики. Россия изображалась виновником войны, а Япония, напротив, представлялась жертвой конфликта. Соответственно, русская армия изображалась отсталой, разложившейся на всех её этажах. Историк вписал войну в контекст революции 1905–1907 годов, придавая конфликту значение катализатора революционных процессов. Кроме того, М.Н. Покровский позволил себе не согласиться с характеристикой Русско-японской войны как империалистической, придерживаясь концепции «торгового капитала».

Работы М.Н. Покровского неоднократно переиздавались, а идеи историка нашли отражение в учебной литературе. В 1927 году опубликован «Учебник истории классово-борьбы. XVIII–XX века»⁴, рассчитанный на учащихся техникумов, рабфаков, совпартшкол и школ II ступени и выдержавший несколько изданий. В это же время изучением Русско-японской войны занимался историк Б.А. Романов, который в 1920-е — 1950-е годы выпустил три монографии по истории войны и связанным с ней дипломатическим отношениям великих держав⁵. Историк придерживался позитивистской методологии. Б.А. Романов пришел к выводу, что Русско-японская война явилась одним из актов европейской международной игры на пути к Первой мировой войне. Война проходила в управляемом режиме под контролем Англии, Франции, Германии и США с целью определения блоковой принадлежности России в грядущей войне, хотя были и другие частные цели. Исследования Б.А. Романова образовали самостоятельное направление в советской историографии Русско-японской войны, однако его труды не имели такого широкого распространения, как работы М.Н. Покровского.

В первой половине 1930-х годов начинается следующий этап в трансформации восприятия Русско-японской войны. Внутриполитические изменения, утверждение у власти И.В. Сталина и формирование национальной идеологии, понятия советского патриотизма⁶, а также обострение

⁴ См.: *Бочаров Ю.М.* Учебник истории классово-борьбы. XVIII–XX века. Под ред. Ю.М. Бочарова, А.З. Иоаннисиани. Изд. 5-е, испр. и доп. М.; Л., 1931. Вып. 2.

⁵ *Романов Б.А.* Россия и Маньчжурия (1892–1906): Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л., 1928; *Романов Б.А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895–1907. М.; Л., 1947; *Романов Б.А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895–1907. Изд. 2-е испр. и доп. М.; Л., 1955.

⁶ См. подробнее: *Данилов В.Н.* Власть и формирование исторического сознания советского общества в первые послереволюционные десятилетия // Историческое сознание и власть в зеркале России XX века. СПб., 2006. С. 133–147.

ситуации на дальневосточных границах СССР (советско-японские конфликты в 1938–1939 годах) привели к трансформации в историографии оценок Русско-японской войны. В данных условиях работы М.Н. Покровского не могли послужить основой для конструирования патриотических символов⁷. В обществе ощущалась потребность в героическом прошлом⁸, ибо развитие «революционных» взглядов на историю провоцировало кризис идентичности. Память же, согласно М. Хальбваку, является одной из важнейших основ идентичности.

В 1938 г. И.В. Сталин выразил свои взгляды в кратком курсе истории ВКП(б)⁹. Данная работа положила начало созданию героической истории. Любопытно, что в истории ВКП(б) И.В. Сталин называл Русско-японскую войну столкновением двух хищников, кроме того, он отметил неподготовленность русской армии, бездарность военачальников. Формирование героических образов войны продолжил Е.М. Ярославский¹⁰. Он выделил героев войны — рядовых и некоторых военачальников, и постарался девальвировать победу Японии, обуславливая её отсталостью России, а также помощью союзников Японии.

В формируемой концепции истории Русско-японской войны закладывался ряд противоречий: во-первых, признание Японии агрессором и пораженческая позиция большевиков в годы войны; во-вторых, героизация некоторых эпизодов войны и негативная ленинская трактовка событий. Проблемы разрешились «верной» интерпретацией высказываний В.И. Ленина, а также связыванием героизма русской армии с войной, а поражения большевиков с революцией. Таким образом, солдаты-герои воевали с внешним врагом, а большевики-революционеры с внутренним — «царизмом».

Поиски доблестного прошлого привели к созданию новых учебников истории. В 1937 году появился учебник истории «Краткий курс истории СССР» под ред. А.В. Шестакова¹¹. В нем уже заметно начало процесса возвращения героических символов прошлого. Из истории войны

⁷ См.: Сидоров А.Л. Ошибки М.Н. Покровского в оценке Русско-японской войны 1904–1905 годов // Историк-марксист. 1937. № 3. С. 99–125.

⁸ См., например: Гуревич А.Я. История историка. М., 2004. С. 86.

⁹ См.: История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Под ред. комиссии ЦК ВКП (б). М., 1938. С. 52–54.

¹⁰ См.: Ярославский Е. Русско-японская война и отношение к ней большевиков. М., 1939.

¹¹ См.: Краткий курс истории СССР: Учебник для 3-го и 4-го классов. Под ред. А.В. Шестакова. М., 1937. С. 112.

устранились наиболее одиозные оценки конфликта. Вина за развязывание войны была возложена на Японию, что сопровождалось сдержанными характеристиками японской и русской армии. Более подробно Русско-японская война была описана в учебнике «История СССР», подготовленном в 1941 году коллективом авторов для десятого класса средней школы¹².

На базе Военной академии имени М.В. Фрунзе в середине 1930-х годов комбригом Н.А. Левицким была подготовлена книга «Русско-японская война 1904–1905 гг.»¹³, выдержавшая три переработанных переиздания. Работа Н.А. Левицкого явилась первой попыткой написать популярную историю Русско-японской войны. Однако труд в большей мере носил специальный характер: важно было изучить потенциальный театр боевых действий, географические условия, возможности разнообразных видов вооружения в данных условиях и т. п. Сохранение в работе рудиментов концепции М.Н. Покровского не позволило ей получить широкое распространение.

Грядущая Великая Отечественная война, беспокойная обстановка на дальневосточных границах СССР, разгорающаяся мировая война в Европе еще более актуализировали героические символы. В 1939 году появились две небольшие книги¹⁴, посвященные дальневосточному конфликту начала XX века, **которые в полной мере отвечали запросам общества и власти и были необходимы в условиях всеобщей милитаризации, ожидания войны.** В годы войны, в 1942-м, опубликована работа П.Д. Быкова¹⁵. В названных изданиях война с Японией приобрела ожидаемую героическую основу. Появились «живые» солдаты и моряки, младшие офицеры — герои войны и примеры их героизма — Путиловская сопка (сражение на реке Шахэ), оборона Порт-Артура. Популяризация успешных эпизодов войны 1904–1905 годов — это экстраполяция прошлого на прогнозируемые в будущем героические и удачные бои с японцами.

¹² См.: *Базилевич К.В.* История СССР: Учебник для 10 класса средней школы. Ред. К.В. Базилевич, С.В. Бахрушин, А.М. Панкратова, А.В. Фохт. 7-е изд. М., 1948. С. 16–20.

¹³ См.: *Левицкий Н.А.* Русско-японская война 1904–1905 гг. М., 1935.

¹⁴ См.: *Левин Н.М.* Атака Путиловской сопки: Эпизод из сражения на реке Шахэ Русско-японской войны 1904–1905 гг. М., 1939; *Лунин Б.В.* Донские казаки в Русско-японской войне 1904–1905 гг. Ростов-на-Дону, 1939.

¹⁵ См.: *Быков П.Д.* Русско-японская война 1904–1905 гг. Действия на море. М., 1942.

Параллельно историографическому осмыслению событий войны с Японией происходила их художественная интерпретация. В 1930 году А.С. Новиков-Прибой опубликовал первые главы романа «Цусима». В 1940 году впервые опубликован роман А.Н. Степанова «Порт-Артур». Оба произведения были удостоены Сталинской премии: «Цусима» в 1941 году, а «Порт-Артур» — 1946 году. Писатель К.М. Симонов в своих размышлениях не для печати отмечал по поводу присуждения премии А.Н. Степанову: «Этот очень интересный факт подтверждает утилитарность сталинского взгляда на исторические произведения. <...> В сорок втором или в сорок третьем году Сталин мог вполне сказать об этой нравившейся ему книге: нужна ли она нам сейчас? Нужно ли было, особенно до начала сорок третьего года, до капитуляции Паульса в Сталинграде, напоминание о падении Порт-Артура? А в 46 Сталин считал, что эта книга нужна как нечто крайне современное, напоминание о том, как царь, царская Россия потеряла 40 лет назад то, что Сталин и возглавляемая им страна вернули себе сейчас»¹⁶.

В художественной литературе складывается ожидаемый образ Русско-японской войны. Война представляется, с одной стороны, империалистической, но для народа она интерпретируется как защита своего отечества. Более четко героическая характеристика войны просматривается в романе «Порт-Артур», ибо в нем центральной сюжетной линией является оборона крепости. В романе «Цусима» героическая линия войны проявилась не так ярко, хотя автор поместил сюжеты, отражающие доблесть и храбрость русских солдат и матросов.

Японцы представлялись исключительно в негативном свете. Отмечается не только их низкая культура, но и низкие боевые качества, ибо они воюют при активной поддержке союзников (Англии и США). Образ русской армии представлялся развернуто, так как он особенно актуализировался в обстановке разворачивавшейся мировой войны. Солдаты, матросы, рядовые воины — это герои, несмотря на то, что они мало образованы, не очень хорошо владеют оружием, плохо разбираются в технике, но храбрость не этим определяется. Рядовым близки младшие офицеры, они находятся в постоянном соприкосновении с солдатской и матроской массой, хотя и среди офицеров встречаются отрицательные персонажи. Основное скопление негативных действующих лиц находится среди старшего офицерства и генералитета.

¹⁶ Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине. М., 1988. С. 185–186.

Советско-японская война подвела черту под определенным этапом трансформации образа русско-японского конфликта 1904–1905 годов. Речь И.В. Сталина 2 сентября 1945 года по случаю капитуляции Японии явилась рубежной. Она оказалась не менее парадоксальной, чем краткий курс истории ВКП(б): если ранее историки, публицисты, политики отмечали, что Русско-японская война — это преступление царизма, то теперь И.В. Сталин изменил свое отношение к войне. Он связал войну 1904–1905 годов с последующими актами агрессии в отношении СССР со стороны Японии, а также признал, что летняя война 1945 года с Японией явилась реваншем за прошлые поражения¹⁷.

В 1946 году на экраны советских кинотеатров вышел фильм «Крейсер “Варяг”» (сценарист Г.Э. Гребнер, режиссер В.В. Эйсымонт)¹⁸, удостоенный Сталинской премии в 1946 году. Фильм транслировал упрощенный, популярный образ войны. Русские воины — это матросы, офицеры, капитаны судов. В их образе нет пренебрежительных ленинских оценок: все они герои. Воплощением лучших качеств офицера является В.Ф. Руднев. Он храбр, достойно держится в окружении офицеров и матросов, не преклоняется перед командующими иностранных судов. Он патриот и четко представляет свою задачу. Битва в корейском порту преподносится как защита отечества, а не империалистическая война.

Образ русского воина дополняется эпизодами проявления героизма матросов непосредственно в бою. Примечательно, что неоднократно режиссер подчеркивает единство команды «Варяга». Образ врага — японцев, напротив, выражен слабо, хотя с первых кадров фильма противник присутствует (корабли, военные, шпионы). Враги многочисленны, но эта многочисленность на фоне двух русских кораблей говорит об их трусости, низких боевых качествах, уступающих храбрости русских. Существенный негативизм образу врага придает использование им шпионов, что говорит о нечестности противника. Рядом с образом врага возникает образ третьей силы — иностранцев, чьи суда стоят в Чемульпо. Если французский и итальянский командиры кораблей выступают против действий японцев, то англичане предстают неявными союзниками Японии.

¹⁷ Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. 5-е изд. М., 1948. С. 204–205.

¹⁸ См.: Гребнер Г.Э. Песнь о «Варяге»: Киносценарии. М., 1946.

Послевоенная историография Русско-японской войны восприняла новые идеи И.В. Сталина, которые воплотились в ряде работ¹⁹. История войны получила законченный героический образ. Однако начало «холодной войны» поставило вопрос о разоблачении империалистической, захватнической сущности США. В рамках истории Русско-японской войны историки начинают акцентировать внимание на экспансионистской политике США в Восточной Азии. Популяризации героических образов войны способствовало открытие памятников героям войны в 1954 году, когда отмечалось 50-летие сражения в порту Чемульпо, а также награждение правительственными наградами ветеранов Русско-японской войны.

Итак, в 1920-е — 1950-е годы историческая память в СССР пережила сложные трансформации, вызванные поиском новой идентичности, необходимостью оперировать позитивным прошлым. Происходит возвращение в коллективное сознание традиционных героических образов прошлого: по В.З. Паперному, это смена «культуры 1» «культурой 2»²⁰. Возвращаются активно забываемые в 1920-е годы символы дореволюционной России, которые призваны связать настоящее с относительно далеким прошлым. Однако изменение внешнеполитической ситуации и назревание «холодной войны» спровоцировало новые метаморфозы в исторической памяти, которые отразились и на восприятии Русско-японской войны.

¹⁹ См., например: *Сидоров А.Л.* Русско-японская война (1904–1905 гг.). М., 1946; *Сидоров А.Л., Панкратова А.М.* Русско-японская война. Первая буржуазно-демократическая революция в России (1905–1907 гг.): Лекции, прочитанные в высшей партийной школе при ЦК ВКП(б). М., 1951; *Сорокин А.И.* Оборона Порт-Артура. М., 1947; *Сорокин А.И.* Оборона Порт-Артура: Русско-японская война 1904–1905 гг. М., 1948, и др.

²⁰ См.: *Паперный В.З.* Культура Два. 2-е изд., испр., доп. М., 2006.

Васильев Павел

Санкт-Петербургский институт истории РАН
отдел современной истории России, аспирант
p.a.vasilyev@gmail.com

НАРКОТИЗМ В ПЕТРОГРАДЕ — ЛЕНИНГРАДЕ В 1917–1929 ГОДЫ: ПУТИ РЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМЫ

В настоящее время исследователи — медики, социологи и девиантологи — могут с полной уверенностью констатировать, что за последние двадцать лет рост потребления наркотиков в России привел к обострению серьезной социальной проблемы. Государство оказалось не в состоянии найти успешные меры противодействия увеличению числа потребителей наркотических средств. Между тем, по меткому выражению Я.И. Гилинского, социальные девиации представляют собой своеобразное «зеркало социальной действительности»¹, и властные структуры ни в коем случае не должны избегать смотреться в него.

Потребление наркотиков переросло в грандиозную социальную проблему, одностороннее решение которой явно неприемлемо. Неудачными оказываются попытки, предлагающие трактовать этот вопрос только в узких рамках каких-либо социологических или медицинских теорий, равно как и методы исключительно юридического, административного воздействия. Термины «наркотик», «наркоман», «наркомания», «наркотизм» употребляются в несколько упрощенном смысле, как однозначное «социальное зло», что затрудняет объяснение самого феномена. Также недостаточное внимание уделяется социальным, психологическим, экономическим и иным мотивам, побуждающим индивида к потреблению наркотиков.

Таким образом, очевидно, что необходим некий обобщающий, комплексный подход, и в поисках его необходимо обращаться и в прошлое, к исследованию потребления наркотиков в России в исторической перспективе.

В фокусе нашего исследования — проблема наркотизма в России в годы «военного коммунизма» и НЭПа. Именно в этот период, по словам

¹ Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.): Тенденции и социологическое осмысление / Под ред. Я. И. Гилинского. СПб., 2000. С. 7.

врачей, наблюдалось «ужасающее распространение» кокаинизма, эфимомании и морфинизма². Эволюцию основных мер борьбы, с помощью которых властные структуры пытались победить наркотизм, можно проследить на примере Петрограда — Ленинграда в 1917–1929 годы.

Прежде всего следует особо отметить предпосылки столь широкого распространения наркотических средств, которые еще в начале 1910-х годов были популярны лишь в узких кругах художественной и салонной элиты. Немалую роль сыграл тот факт, что многие солдаты Первой мировой войны пристрастились к морфию, который врачи впрыскивали после тяжелых ранений. Не в меньшей степени подверженные военным неврозам, эти врачи, фельдшера, медсестры злоупотребляли наркотиками и сами становились зависимыми от морфия.

Не забудем и об экономических предпосылках: общий хозяйственный кризис в стране в Петрограде обострялся особенно высоким уровнем безработицы, а в 1919 году — дезертирством и беженством по причине близости фронта³. Заболевания, переутомление, хроническое недоедание⁴ были постоянными спутниками населения во времена Гражданской войны и в первые годы НЭПа (в этой связи на первый план выдвигается свойство кокаина создавать иллюзию сытости).

Наконец, в условиях сухого закона такие наркотики, как кокаин, морфий и опиум, оказались значительно доступнее алкоголя: значительная часть населения нашла в кокаине с его эйфорическим воздействием на организм достойную замену привычной водке.

Именно в таких условиях необычайную популярность в Петрограде приобрел кокаин. Часто именно к этому наркотику прибегали проститутки, мелкие воришки, рабочая молодежь⁵. Не избежали искушения попробовать конфискованного кокаина многие работники комендатур, красноармейцы и революционные матросы⁶. Распространился кокаинизм и среди интеллигенции и бывшего офицерства. С 1920 года кокаинизм набирает популярность среди беспризорников; уже вскоре он «стал

² Шоломович А.С. Наркотизм как социально-патологическое явление и меры борьбы с ним среди рабочих // Вопросы наркологии: Сб. № 1 / Под ред. А.С. Шоломовича. М., 1926. С. 49.

³ Мусаев В.И. Преступность в Петрограде в 1917–1921 г. и борьба с ней. СПб., 2001. С. 201.

⁴ Аронович Г.Д. Наблюдения и впечатления среди кокаиноманов // Научная медицина: Сб. 1920. № 6. С. 684.

⁵ Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии: 1920–1930 годы. СПб., 1999. С. 31, 32.

⁶ Аронович Г.Д. Наблюдения и впечатления среди кокаиноманов. С. 679.

угрожать работе детских учреждений»⁷. В районах компактного проживания китайцев существовали подпольные опиумокурильни, из которых наркотик проникал также и в другие социальные группы⁸. Морфинизм был распространен не только в медицинской среде, но и у проституток и посетителей увеселительных заведений.

Меры борьбы с наркотизмом в этот первый период существования советской власти отличались известной хаотичностью. В.И. Мусаев пишет об отсутствии четких юридических норм и отмечает, что на практике «государственные органы основывались на собственном понимании того, что может и что не может быть терпимо в новом обществе»⁹. В ведомостях арестов и задержаний по Петрограду в 1918 году присутствует устойчивое определение: «торговля неразрешенными вещами (карты, наркотические вещества)»¹⁰. Несколько позднее мы наблюдаем такие формулировки: «за продажу кокаина», «за торговлю кокаином» и даже «за употребление кокаина»¹¹. Судя по имеющимся у нас данным, практика репрессивных мер по отношению к продавцам кокаина и кокаинистам принесла некоторые плоды.

После окончания гражданской войны гонения на продавцов наркотиков несколько ослабли. В 1922–1923 годах был реализован комплекс мер, направленных на искоренение проституции и безработицы, что косвенно способствовало снижению числа наркоманов.

Абсолютно необходимо упомянуть о Первой научной конференции по вопросам наркотизма, состоявшейся в декабре 1923 года в Москве. По ее итогам была принята набатная резолюция врачей (где заявлялось о том, что употребление наркотических средств в советской России приняло характер эпидемии). Что самое главное, врачи оценили все разрозненные меры борьбы как низкоэффективные и наметили свою программу действий, которая по многим пунктам и была реализована властными структурами в 1925–1929 годах. Так, звучали призывы к борьбе с беспризорностью, закрытию притонов наркоманов. Декларировалась необ-

⁷ Шкаровский М.[В.] Семь имен «кошки»: расцвет наркомании в 1917–1920-е годы // Невский архив: Историко-краеведческий сб. Т. III. СПб., 1997. С. 472.

⁸ Петроград на переломе эпох: Город и его жители в годы революции и гражданской войны. Под ред. В.А. Шишкина. СПб., 2000. С. 82, 93.

⁹ Мусаев В.И. Преступность в Петрограде в 1917–1921 г. и борьба с ней. С. 169.

¹⁰ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 142. Оп. 3. Д. 18. Л. 4, 5, 12, 13, 18, 19, 24, 25, 30, 31, 36, 37, 43, 45.

¹¹ ЦГА СПб. Ф. 33. Оп. 1. Д. 32. Л. 417; ЦГА СПб. Ф. 33. Оп. 1. Д. 33. Л. 108; ЦГА СПб. Ф. 33. Оп. 1. Д. 34. Л. 196, и др.

ходимость пропаганды здорового образа жизни, учреждения диспансеров, организации лабораторий и библиотек, проведения бесплатных консультаций. Врачи видели необходимость жесткого контроля над ввозом и продажей наркотиков. Имелись также требования экономического плана.

Однако в юридической сфере продолжал царить хаос. Уголовный Кодекс РСФСР, изданный в июне 1922 года, не содержал статей, предусматривающих наказание за продажу наркотиков. Впрочем, деятельность лиц, занимавшихся продажей кокаина, морфия, опия и других сильнодействующих веществ, подпадала под статьи 136, 139 и 141 УК, регулировавших правила торговли и предписывающих наказание в виде тюремного заключения на срок до года. Лишь в конце 1924 года (6 ноября и 22 декабря) были изданы декреты «О мерах регулирования торговли наркотическими средствами» и «О пополнении Уголовного Кодекса статьей 140-д». Таким образом, «изготовление и хранение с целью сбыта и самый сбыт кокаина, опия, морфия, эфира и других одурманивающих веществ, без надлежащего разрешения» стало официально караться лишением свободы на срок до трех лет, а то же преступление, «совершаемое в виде промысла, а равно содержание притонов, в коих производится сбыт или потребление — лишением свободы на срок не ниже трех лет»¹².

Итак, с начала 1925 года советская власть усиливает репрессивные меры по отношению к продавцам наркотических средств. Однако меры эти, по свидетельству современников, были недостаточно энергичны и систематичны¹³.

Как представляется, помимо положительного результата общая систематизация и упорядочивание уголовного права принесло и свои неожиданные печальные результаты. Подтверждение этому мы можем найти в достаточно неожиданном месте: в истории болезни одного из своих пациентов врач-нарколог Р.Я. Голант допускает такую фразу: «Любовь, революция и наркотические средства вызывают подъем и дают более острое ощущение жизни»¹⁴. После того, как хаотическая романтика ре-

¹² О дополнении Уголовного Кодекса статьей 140-д // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. 1925. № 4. С. 58-59.

¹³ Футер Д. О детях-наркоманах // Московский медицинский журнал. 1925. № 10. С. 62.

¹⁴ Голант Р.Я. Проблемы морфинизма: (Клинические и диспансерные наблюдения, экспериментальные исследования) // Труды государственного института медицинских знаний (ГИМЗ) / Под ред. Н. К. Розенберга. Вып. V. Л., 1929. С. 24.

волюции постепенно уступила место более тихому и размеренному функционированию налаженного государственного механизма, у многих людей могло возникнуть «желание уйти от действительности, сделать жизнь ярче, интересней»¹⁵. И здесь, в этом аспекте, наркотические средства действительно заменили революцию.

Социальный состав морфинистов, как отмечают врачи¹⁶, начинает постепенно изменяться в сторону преобладания деклассированных элементов и рабочей молодежи над врачами и медперсоналом. Среди других черт наркотизма в 1925–1929 годах можно выделить усиление героинизма и распространение анаши («собачки») ¹⁷. По-прежнему среди потребителей наркотиков доминируют проститутки¹⁸ и бандиты.

Однако в целом вторая половина 1920-х годов демонстрирует постепенный спад наркотизма в советской России в целом и в Ленинграде в частности. Причинами этого послужили как принимаемые советской властью меры против контрабанды, так и медицинская пропаганда, издание популярных книжек о вреде употребления наркотиков. В Ленинграде были организованы специальные диспансеры, с марта 1927 года постоянно функционировало совещание по борьбе с алкоголизмом и наркотизмом¹⁹.

Немалую роль сыграло и введение дешевой водки (т. н. «рыковки») с 1925 года и ужесточение таможенных барьеров в связи со свертыванием НЭПа²⁰.

Подводя итоги, следует отметить, что потребление наркотиков в Ленинграде, разумеется, не исчезло с началом 1930-х годов. Вплоть до 1934 года не действовали специальные запрещения касательно анаши, и этот наркотик получил активное распространение. И позднее мы можем наблюдать случаи потребления наркотиков²¹, хотя они и скрыты от

¹⁵ Там же. С. 21.

¹⁶ Там же. С. 40.

¹⁷ *Шкаровский М.[В.]* Семь имен «кошки»: расцвет наркомании в 1917–1920-е годы. С. 476.

¹⁸ *Лебина Н.Б., Шкаровский М.В.* Проституция в Петербурге: (40-е гг. XIX в. — 40-е гг. XX в.). М., 1994. С. 90; *Шкаровский М.[В.]* Семь имен «кошки»: расцвет наркомании в 1917–1920-е годы. С. 476–477.

¹⁹ *Шкаровский М.[В.]* Семь имен «кошки»: расцвет наркомании в 1917–1920-е годы. С. 475.

²⁰ *Лебина Н.Б., Чистиков А.Н.* Обыватель и реформы: Картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевского десятилетия. СПб., 2003. С. 117.

²¹ Например: кража наркотиков из аптеки Ленметаллстроя в 1935 г. (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 2-с. Д. 60. Л. 250).

нас стеной перечисления успехов по искоренению «пережитков прошлого». Исключительно важным и знаковым является тот факт, что властные структуры не смогли искоренить среди населения само желание прибегать к искусственным психическим стимуляторам. Репрессивные меры помогли загнать социальную болезнь внутрь, но не более того.

Винокуров Игорь

Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина
исторический факультет, магистрант
ivynokurov@gmail.com

ДРУГОЙ «ДРУГОЙ»: АЛЬТЕРНАТИВНОСТЬ СОВЕТСКИХ ОБРАЗОВ ПОЛЬШИ 20-х ГОДОВ XX ВЕКА

Образы окружающего мира являются важной характеристикой сознания их коллективных носителей. Они служат самоидентификации и укреплению солидарности последних, а в конфронтационных условиях взаимодействия с «*другими*» — мобилизации против них¹. Существующими образами в значительной мере руководствуются те, от кого зависит принятие социально значимых решений². Схемы восприятия друг друга российским и польским обществами, сложившиеся в конце 1910-х — середине 1920-х годов, наложили заметный отпечаток на отношения двух народов в течение последующих десятилетий, вплоть до настоящего времени.

В существующей историографии констатируется складывание в Советском государстве в межвоенный период канонической версии образов **II Речи Посполитой, включающей ее видение как основного непосредственного (фактического или вероятного) военного противника, врага, и бинарную оппозицию в ее социально-классовой структуре**³. Однако следует учитывать, что образы создавались, транслировались и

¹ Гудков Л. Идеологема «врага». «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // *Образ врага*. М., 2005. С. 7–80.

² Хорев В.А. О живучести стереотипов // *Россия–Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре*. М., 2002. С. 17–44.

³ Голубев А.В. Ресурс сотрудничества или источники конфликта? Образы Польши в советском обществе межвоенного и военного периода // *Россия и Польша: долг памяти и право забвения. Международная научная конференция: тезисы докладов*. М., 2009. С. 18–19; Костылев Ю.С. Образ поляка в официальных советских текстах // *Политическая лингвистика*. 2006. № 19. С. 131–149; Лазару А. де. Поляки и русские глазами друг друга (постановка проблемы на материалах политической карикатуры) // *Slavic Eurasian Studies*. 2008. № 17. Р. 111–129; Матвеев Г.Ф. «Польские империалисты», «польские паны», «белополяки» (некоторые аспекты польского направления советской пропаганды в конце 10-х — начале 20-х гг. XX в.) // *Актуальные проблемы славянской истории XIX и XX веков*. М., 2003. С. 10–19; Хорев В.А. О живучести стереотипов, и др.

усваивались людьми с различным культурным и образовательным уровнем, нетождественной политической ориентацией, неравными доступом к информации и способностью к ее критическому осмыслению, а сам канон находился в процессе становления. Цель данного исследования — изучить содержание и глубину расхождений в советских пропагандистских репрезентациях Польши и поляков, а также их маргинальные образы в массовом сознании.

В период польско-советской войны корреспонденты официальной печати, помимо вновь создаваемого образа классового противника — «буржуазно-помещичьей Польши», — прибегали к эксплуатации образов врага, генетически связанных с антипольскими этническими стереотипами дореволюционного периода. По-видимому, именно потенциал последних имел в виду министр иностранных дел Чехословакии Э. Бенеш, когда в конце февраля 1920 года писал, что «война против Польши, несомненно, будет популярной в России»⁴. За месяц до эскалации конфликта, в конце марта 1920 года, К. Радек, руководивший печатной агитацией по польскому вопросу, предсказывал, что возможное наступление Польши позволит советскому правительству опереться на национальные чувства русского народа⁵. Вопреки введенным ограничениям⁶, на страницах органа военного ведомства появилась статья тогдашнего начальника оперативного управления Полевого штаба РВСР Б. Шапошникова «Первые боевые шаги Маршала Пильсудского», в которой «природное иезуитство ляхов» противопоставлялось «честному и открытому духу великорусского племени», что повлекло разбирательство в Революционном военном трибунале⁷. Сочетание классовой и национальной терминологии в призывах к борьбе с польским противником отражалось в гибридных формулировках: «Поднимись, Пролетарская Русь, размахнись по-мужицки, со всего плеча — да шарахни!»⁸ Тем временем боевые действия на польском фронте, а также диверсии в тылу, спровоцировали неприязненное отношение части коренного населения страны к полякам, в период мировой войны переместившихся вглубь

⁴ Цит. по: *Croll K.D. Soviet-Polish Relations, 1919–1921. Glasgow, 2008. P. 18.*

⁵ *Радек К.* Пусть Польша это знает // *Правда. 1920. 25 марта.*

⁶ См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. М., 1970. Т. 51. С. 193.

⁷ *Дьяков Ю.Л.* Неизвестные документы об отношениях СССР (России) и Польши в XX веке // *Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия: сб. ст. М., 2004. С. 61.*

⁸ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 16. Оп. 9. Д. 9028. Л. 15.

России в качестве беженцев⁹. Апелляция к умеренному этническому стереотипу не исчезла и после окончания войны: встречавшиеся советскому читателю в литературе «*типичные поляки*», одетые в военную форму, накладывали на традиционные структуры сознания читателей оболочку милитаризованного противника¹⁰.

В майских (1920 года) тезисах ЦК РКП(б) «Польский фронт и наши задачи» утверждалось, что итогом текущей войны будет провозглашение социалистической республики польским пролетариатом¹¹, иными словами, последний выступал как главный *субъект* осуществления этой задачи. Однако уже через неделю после опубликования документа на митинге в Шлиссельбургском уезде агитатор провозглашал: «*водрузим красное знамя [в] Варшаве, устроим советскую власть в Польше*»¹² (курсив мой. — *И.В.*), т. е. пропаганда носила мотивационный характер¹³, субъектом социальных изменений в соседнем государстве должна была стать российская Красная армия, а польские трудящиеся выступали как нуждающиеся в ее поддержке. Принятое спустя полтора месяца большевистским руководством решение о вступлении советских войск на этнически польскую территорию означало закрепление именно этой схемы восприятия на высшем уровне¹⁴, давая недвусмысленный ответ на вопрос, заданный примерно в это же время слушателем публичной лекции о научном социализме в Петрограде: «...когда начнется революционное движение соседних стран, будем ли мы пассивны, или пошлем свою Красную Армию на помощь?»¹⁵

Одним из наиболее распространенных клише, описывающих польского противника, в рассматриваемый период являлось слово «шляхта» и производные от него. Постоянно повторяемое в устной и письменной речи, оно было понятно жителям территорий, входивших в состав I Речи Посполитой до ее разделов, но население остальной части Советского государства могло усваивать его вне первоначального контекста. В связи

⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 11504. Л. 1об.

¹⁰ *Прилежаев Р.* В панской Польше. Правдивый рассказ комсомольца. М., 1926. С. 51.

¹¹ Тезисы ЦК РКП(б) «Польский фронт и наши задачи» // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). М., 1983. Т. 2. С. 291.

¹² ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 9. Д. 8998. Л. 7.

¹³ См.: *Kossecki J.* Totalna wojna informacyjna XX wieku a II RP. Kielce, 1997.

¹⁴ Польско-советская война. 1919–1920. (Ранее не опубликованные документы и материалы). М., 1994. Ч. 1. С. 142.

¹⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 9. Д. 9053. Л. 63.

с этим в агитации на низовом уровне становились возможными такие конструкции, как «*шляхта польских панов*»¹⁶, отражавшие, по-видимому, не социальную, сословную, а некую другую коллективную отрицательную характеристику противника, неопределенную для тех, кто их озвучивал.

Несмотря на глубину отчуждения, предпосланного борьбой на полях сражений и в информационном поле, между двумя народами существовали объединяющие стержни, воспроизводившиеся в печати, которые касались общности в историческом, этноязыковом и культурном развитии, а также включенности польских земель в российский хозяйственный организм до мировой войны¹⁷. Примечательно, что в упомянутых выше тезисах ЦК Польша была отнесена к «*окраинным государствам*»¹⁸, что указывало на ее геополитическую связь с Россией в прошлом и настоящем. Герой одного из пропагандистских произведений 1920-х годов, стилизованного под беллетристику, комсомолец, отправляется вершить революцию именно в Польшу только потому, что «там, как будто, еще говорят по-русски»¹⁹.

Заслуживает внимания также и то, что устойчивый образ Польши как врага Советской России в массовом сознании не обязательно содержал негативную коннотацию. Тогда как люди, чьи семьи были затронуты войной, например, крестьяне северо-запада России, у которых мобилизация отняла сыновей и работников, летом 1920 года посылали проклятия в адрес «польской шляхты»²⁰, в Сибири оппоненты советского режима смотрели на нее как на силу, способную единолично либо в союзе с другими державами (Японией, Англией, Америкой) изменить существующий порядок в благоприятном направлении. Периодически распространявшиеся слухи о военных действиях и успехах поляков до и после заключения Рижского мирного договора могли являться почвой как для обеспокоенности, так и для социального оптимизма²¹. Часть населения советских республик оставалась достаточно индифферентной к происходящим событиям: так, по словам заведующего Суджанским уездным отделом Центропечати (Курская губерния), польское наступле-

¹⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 9. Д. 8998. Л. 6–6об.

¹⁷ Громов А.М. Польша и поляки. М., 1924. С. 9, 22.

¹⁸ Тезисы ЦК РКП(б) «Польский фронт и наши задачи». С. 290.

¹⁹ Прилежаев Р. В панской Польше. С. 5.

²⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 9. Д. 8998. Л. 43об.

²¹ См., напр.: Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939: документы и материалы: в 4 т. М., 2000. Т. 1. С. 261–262.

ние весной 1920 года не вывело из летаргического состояния местных крестьян, которые рассуждали примерно так: «ну что ж, посмотрим и этих»²². Для них армия Ю. Пилсудского являлась не более чем очередным персонажем многолетнего противостояния, современниками которого они являлись.

²² Письма во власть. 1917–1927: заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. М., 1998. С. 178.

Гаврилова Ксения

Европейский университет в Санкт-Петербурге
факультет антропологии, аспирант
cassieparissie@mail.ru

МАРИЙСКАЯ ВЫШИВКА В ПОЗДНЕСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: ПРОМЫШЛЕННОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО ОБРАЗОВ НАЦИОНАЛЬНОГО

В русле советской этнографии сформировались устойчивые концептуальные рамки описания *традиционного костюма* как элемента материальной культуры данной этнической группы («этноса», «народа», «нации»), постулирующие обусловленность костюма и его элементов физическими условиями существования группы («природными условиями»), материальной культурой («типом хозяйства»), «мировоззрением» группы. Концептуальные рамки предполагают наличие особого метаязыка описания, который в советские годы усваивался и воспроизводился этнографами и популязаторами костюма, а в постсоветскую эпоху — активистами национальных движений и представителями большинства локальных экспертных сообществ. Под *костюмом*, как правило, понимается одежда и обувь, бывшие в употреблении у членов рассматриваемой группы в период XIX — начало XX века (до революции 1918 года) и подвергшиеся целенаправленной модификации (или искоренению) в годы советской власти. Традиционный костюм описывается и анализируется с точки зрения техники его изготовления, сочетания деталей костюма (идея «костюмного комплекса»), системы орнаментации и украшения; особую популярность в рамках советской этнографической парадигмы приобрел подход, предполагающий расчленение «национальных» орнаментов (вышивок) на отдельные составляющие элементы — «мотивы», называние их, интерпретацию, объяснение мотивов определенными «объективными» условиями существования группы¹.

¹ Рационалистическая интерпретация деталей вышивки базируется на двух presuppositions: восприятию любого фрагмента орнамента как иконического знака и представлении об обязательном существовании «естественно-исторической» его мотивировки; ср., например, «Воспроизведение животных и птиц в орнаменте марийской вышивки объясняется их ролью в хозяйстве в определенный исторический период. Культ оленя, например, имеет доземледельческое происхождение» (*Соловьева Г.И. Орнамент марийской вышивки. Йошкар-Ола, 1982. С. 74*).

Западные исследования по социальной антропологии, посвященные «народному костюму» (folk costume), определяют предмет своего изучения как любой способ манипуляции человеческим телом (одежда, украшение, нанесение рисунка) посредством выработанных традиций, культурно узнаваемых символов и образов — кода, позволяющего отождествить человека с определенным сообществом. Костюм, таким образом, артикулирует актуальную или приписанную идентичность его «физического» носителя, указывая на группу, к которой относится индивид, при помощи этнических, региональных знаков. Пытаясь выделить ядро функций костюма в рамках какого-либо сообщества, авторы краткого обзора истории изучения костюма Л. Хортон и П. Джордан-Смит выделяют три базовых: практическую (костюм обеспечивает защиту тела, он должен быть комфортен и экономически доступен), функцию самопрезентации индивида в сфере социального взаимодействия и, наконец, функцию выражения коллективной идентичности группы (репрезентация единства группы, трансляция её базовых ценностей)².

Изменения, произошедшие в течение XX века в одежде, квалифицируемой как *традиционно марийская*, согласно этнографическому обзору Т.Л. Молотовой³, сводились к последовательному исчезновению тех или иных элементов костюма (головного убора, халата), переходу к использованию фабричных тканей, изменению покроя сохраняющихся предметов (например, от рубах к платью), изменению способов орнаментации и отделки костюма, наконец, — модификации вышивки⁴. С начала XX века постепенно уменьшается площадь вышивки, для вышивания начинают использоваться фабричные нити и, как результат, изменяется цветовая гамма вышивки (новые, более яркие цвета), упро-

² Horton L., Jordan-Smith P. Deciphering Folk Costume: Dress Codes among Contra Dancers // The Journal of American Folklore. 2004. Vol. 117. N 446. P. 415–440. В качестве примера обзора работ (опубликованных за один год — 2004), посвященных изучению одежды, в том числе традиционного костюма, в развивающихся странах, приведем следующую публикацию: Hansen K.T. The World in Dress: Anthropological Perspectives on Clothing, Fashion, and Culture // Annual Review of Anthropology. 2004. Vol. 33. P. 369–392.

³ Молотова Т.Л. Марийский народный костюм. Йошкар-Ола, 1992.

⁴ Естественно, тенденции выбора одежды — фабричной или дотканной, стилистически ориентированной на «традиционные» образцы или на «городскую» (усредненно советскую) одежду — зависели от возрастных, гендерных переменных, от места проживания группы (городское население или сельское, более или менее удаленное от центра).

щается техника. Изменение техники вышивки началось в конце 1920-х годов: «традиционные» техники — *роспись*, *набор* и *счетная гладь* — стали сочетаться с новым видом — *крестик* — и постепенно были вытеснены им; с 1950-х годов техника *крестик* стала постепенно, но повсеместно (на территории Республики Марий Эл, далее РМЭ) вытесняться *гладью*. С распространением новых техник вышивки изменились и орнаментальные *мотивы*: помимо геометрических узоров («антропоморфных», «зооморфных» и др.) популярными становятся изображения цветов и растительных композиций, выполненные крестиком или гладью. В 1930-е годы появляется новый тип костюма, который, видоизменяясь, за вторую половину XX века распространяется практически по всей территории расселения луговых марийцев (в РМЭ и, occasionally, за ее пределами). Этот костюм включает два обязательных элемента: платье из белой фабричной ткани с отложным воротником, украшенное по подолу яркой плиссированной оборкой, лентами, кружевами, расшитое крестиком или гладью (чаще всего по подолу и у выреза на груди вышиваются «цветы» гладью), а также передник с грудкой из однотонной яркой ткани (украшенный аналогичной вышивкой); такой тип костюма получил название *йошкар-ола тувыр* (йошкар-олинская рубаха).

В конце 1920-х годов в новообразованной Марийской автономной области (МАО) стали возникать артели, объединявшие «народных мастеров», ремесленников, в том числе опытных вышивальщиц; позже, в 1950-е годы, такие артели и объединения были преобразованы в комбинаты бытовых услуг (сельские филиалы комбинатов, службы быта). По данным этнографических работ, посвященных марийскому костюму, спрос на «современную национальную» одежду у марийского населения, в особенности сельского, в 1950-е — 60-е годы был достаточно высок. Предложения же исходили из двух источников и различались существенно. Первое исходило от уже упомянутых комбинатов бытовых услуг, районных предприятий бытового обслуживания или «народных мастеров» («мастеров-надомников», прикрепленных к предприятиям, или независимых мастеров, реализующих свои изделия на рынке). Такие организации предлагали раскрой и пошив «национальной одежды», причем ассортимент (и по покрою, и по цветовой гамме, и по орнаментации) был практически идентичен одежде, изготавливаемой марийским сельским населением самостоятельно: «платья из белых фабричных тканей, с оборкой на подоле и вышивкой гладью, атласные и шелковые фартуки (костюм «йошкар-олинская рубаха». — К.Г.), летние белые кафтаны из сатина и коленкора, свадебные зеленые кафтаны из сукна, <...> зимние

и демисезонные кафтаны»⁵. Оговорюсь сразу, что указанные выше предметы одежды до сих пор распространены, например, в сельской местности пограничных с РМЭ районов Кировской области и в некоторых республиканских деревнях: на данном этапе они могут храниться как семейная реликвия или использоваться в качестве сценического костюма в выступлениях местных фольклорных коллективов. Так или иначе, описывая *эволюцию народного костюма* (изготавливаемого преимущественно сельским населением и потребляемого им), этнографы подразумевали именно эти предметы одежды, в особенности йошкар-олинскую рубаху, оказавшуюся наиболее устойчивым и распространенным «костюмным комплексом»⁶.

Основными контекстами использования этого типа одежды на данный момент являются сценические постановки, концерты (выступления фольклорных коллективов, фестивали самодеятельности). Кроме того, для «традиционной одежды» сохранился набор ритуальных контекстов, например, свадебные костюмы, в особенности зеленые кафтаны, надевают сваты в случае, когда брак заключается между марийцами, и сами молодые или их родители решают провести «свадьбу по-марийски» (в такой ситуации наличие костюмов является, как правило, чуть ли не единственным маркером «марийскости»); среди старшего поколения жительниц марийских деревень сохраняется представление о необходимости приготовить комплект марийской одежды «на смерть»⁷.

Второе предложение «современной национальной одежды» исходило от местной строчевышивальной фабрики «Труженица», организован-

⁵ Молотова Т.Л. Марийский народный костюм. С. 97.

⁶ Молотова Т.Л. Марийский народный костюм. С. 92–103; Соловьева Г.И. Орнамент марийской вышивки. Йошкар-Ола, 1982. С. 55–56, 65–68; Марийцы. Историко-этнографические очерки. Йошкар-Ола, 2005. С. 127–130.

⁷ Востребованность костюма в указанных ситуациях подтверждается недавними полевыми исследованиями в марийских деревнях Уржумского района Кировской области (особенно в деревнях, расположенных недалеко от границы с РМЭ), а также этнографическими работами (ср. Молотова Т.Л. Марийский народный костюм. С. 100–101). Впрочем, деревни Уржумского района отличаются тем, что в некоторых из них до сих пор носят предметы костюма (рубаху «тувыр», халат «шобур», головной убор «калпак») из домотканого холста, украшенные геометрическим орнаментом. Показательно также, что на уровне дискурса костюмы с геометрическим орнаментом оцениваются как «старинные», одежда с вышивкой (преимущественно с изображением цветов), выполненной крестиком — как более поздняя, а костюмы с вышивкой, выполненной гладью — как «современные» и «йошкар-олинские» (в контексте сравнения костюмов сюжет и техника вышивки являются главными показателями *старинного, аутентичного*).

ной в 1928 году как артель промкооперации, в 1945 году насчитывавшей 45 вышивальщиц, а к концу 1970-х имевшей отдельный «участок национальной вышивки»⁸. В 1978 году в штате фабрики состояло 60 вышивальщиц, два художника-специалиста по вышивкам, фабрика сотрудничала более чем со 150 мастерами-надомниками (в основном из сельских жителей), кроме того, в конце 1970-х в цехе было установлено два вышивальных станка. На фабрике работали профессиональные вышивальщицы, модели костюмов и эскизы орнаментов разрабатывались профессиональными художниками. В ассортимент выпускаемой продукции входили предметы интерьера (декоративные панно, покрывала, салфетки, скатерти) и одежда (платья, костюмы, мужские сорочки, детская одежда, фартуки). С точки зрения покроя выпускаемая фабрикой одежда повторяла современные (общесоветские) фабричные образцы. «Народность», «национальная» специфичность одежды обеспечивалась за счет вышивки: в оформлении продукции использовалась геометрическая вышивка «традиционной» расцветки, причем выполнялась она техниками *косой стежки* и *счетной глади*. Другими словами, художники фабрики сознательно воспроизводили вышивку (и сюжет, и цвет, и технику исполнения), квалифицируемую этнографами как *традиционная* — неактуальную в данный момент, не востребованную современными жителями республики; *снациональной традицией* устойчиво ассоциировался тип вышивки, известный по этнографическим описаниям и материалам музейных коллекций. Традиция же распространенного в 1980-е годы в РМЭ костюма типа *йошкар-ола тувыр* никак не учитывалась и даже не упоминалась в контексте описания промышленного производства одежды с национальной вышивкой.

Несмотря на то, что по данным книги О. Фециной, посвященной юбилею фабрики, вышивальный участок ежедневно поставлял на склады более полутора тысяч вышитых изделий («вышитых платьев, мужских и детских сорочек, салфеток, фартуков») — «уникальных» и ширпотреба (детские комплекты белья, детские панамы) — вопрос о контекстах использования этой продукции, о ее целевой аудитории и реальных потребителях не кажется тривиальным. Так, в качестве «потребителей» чаще всего упоминаются художественные ансамбли и теа-

⁸ Опубликованных официальных статистических сведений о работе «Труженицы» найти не удалось. Информация о фабрике приводится по следующим изданиям: *Фецина О.Ф.* Неувядающие орнаменты. Йошкар-Ола, 1980; *Молотова Т.Л.* Марийский народный костюм. Йошкар-Ола, 1992; *Соловьева Г.И.* Орнамент марийской вышивки. Йошкар-Ола, 1982.

тральные труппы (например, ВИА «Мари», хор «Эрвий», республиканский ансамбль «Марий Эл», первый «национальный балет» в театре драмы им. М. Шкетана), музеи (фонды Марийского научно-краеведческого музея, Московский научно-исследовательский институт художественной промышленности), выставочные мероприятия, вроде смотров или ярмарок (международные выставки в Польше, Японии, Ираке, ФРГ, Канаде), специализированные магазины сувенирной продукции (магазин «Русский сувенир», специализированная база сувениров «Росгалантерея» в Москве). Так или иначе, производимые товары были ориентированы прежде всего на «экспорт» — потребление за пределами республики (я не пытаюсь утверждать, что ни у кого из жителей РМЭ не было возможности приобрести фабричный костюм, здесь важна сама «идеология» производства), основным предполагаемым контекстом использования такого костюма оказывается ситуация нарочитой демонстрации его *национальной специфики* (природы), его *марийскости*. Пожалуй, наиболее ярким примером такой идеологии могут служить сувенирные изделия, специально разработанные и выпущенные к Олимпиаде в Москве 1980 года (содержащие олимпийскую символику): «Москва предложит богатый выбор сувениров, которые готовят все народы нашей многонациональной Родины. Вышивальщицы фабрики “Труженица” удостоены чести представить на “Олимпиаду-80” семь видов изделий: четыре салфетки, одну блузу и сорочки мужские и детские»⁹.

Идея необходимости одновременного *сохранения* и *творческого переосмысления* национальной вышивки лежит в основе дискурса о воспроизводстве национальной символики, представленного в этнографических и популярных работах, посвященных марийскому костюму. В качестве показательного примера конструирования идеального *современного национального костюма* рассмотрим «спонтанный» диалог из книги О. Фециной¹⁰:

В готовых образцах много прекрасной одежды. Не может не привлечь внимания *платье* под девизом «Счастливая». <...>

Говорит [художник] Нина Николаевна не торопясь, тихо, стараясь подчеркнуть значение работы, ее отличительную черту:

— *Еще многие, многие десятилетия назад в марийской одежде кафтаны, или «шovyры», были со шлицами.* И они украшались национальным орнаментом.

⁹ Фецина О.Ф. Неувядающие орнаменты. С. 19.

¹⁰ Там же. С. 18–19.

Первый эскиз для художественной отделки платья я сделала довольно быстро, орнамент шел вокруг шлицы и по краю подола. Но нас с Галиной Васильевной что-то в нем не устраивало. Слишком обыкновенное решение. Казалось, что необходимо было обособить в орнаменте такую деталь, которая сделала бы его каким-то особенным, привлекательным. Я пересмотрела множество таблиц со старинным марийским орнаментом, который раз уже перелистала книгу о вышивке этнографа Т.А. Крюковой. И не знаю, что мне помогло, но в памяти возникли два больших ромба по бокам шлицы, которые и явились ударным пятном данного узора. И работа пошла.

Сочетание цвета орнамента должно было в какой-то мере подчиняться старинной вышивке. А гамма марийского орнамента благородная. Вот такое решение в узоре и стало конечным для данной модели.

— Нина Николаевна, гостей фабрики привлекает разработанный в вашей лаборатории халат под девизом «Радость». Гости из зарубежных стран тоже обращают на него особое внимание.

— Эта модель конструктора Натальи Алексеевны Прохоровой. *Халат из светлой ткани, он современный, модный и очень удобный.* Здесь вышивка более легкая, яркая.

В контексте описания процесса создания моделей одежды, украшенных «национальным орнаментом», акцент делается на следовании двум стратегиям — строгому соблюдению этнографической, «научной» точности орнамента (ср. «Я пересмотрела множество таблиц со старинным марийским орнаментом, который раз уже перелистала книгу о вышивке этнографа Т.А. Крюковой»), притом что необходимость следования традиции утверждается не только в аспекте геометрии орнамента, но и в аспектах его размещения на платье («...многие десятилетия назад в марийской одежде кафтаны были со шлицами. И они украшались национальным орнаментом»), выбора цветовой гаммы («Сочетание цвета орнамента должно было в какой-то мере подчиняться старинной вышивке»). Соблюдение традиционных (этнографически подтвержденных) законов орнаментации делает легитимной модернизацию (*творческое переосмысление* — оцениваемое неизменно положительно и противопоставляемое слепому копированию «старых» образцов) предметов одежды, например, выбор *модных* моделей, произвольное комбинирование мотивов вышивки. Утверждение соответствия одежды «духу современности» может не просто констатироваться, но и подаваться как особая ценность на уровне имплицатуры в тексте очередного сконструированного диалога: «Мама, рубашки [купленные в ЦУМе и привезенные в Йошкар-Олу] очень хорошие, спасибо. *Только они не импортные, а нашей йошкар-олинской фабрики “Труженица”.* Ты не расстраивайся, ведь со-

рочки на самом деле модные и не хуже импортных. У нас в городе на такие тоже большой спрос»¹¹.

«Традиционный» костюм и, в особенности, его орнаментация (в данном случае вышивка) является одним из наиболее ярких и распространенных средств визуализации национального. Республиканской фабрикой «Труженица» (а вслед за ней и многими современными художественными студиями и народными мастерами¹²) в качестве воспроизводимых образов национального были выбраны элементы геометрических орнаментов (или приемы орнаментации), известные по этнографическим описаниям и коллекциям XIX — начала XX века. Профессиональные художники, создававшие эскизы вышивок, во многом зависели от этнографов, усваивали их модели интерпретации орнамента: так, очевидно, был усвоен прием расчленения вышивки на «мотивы» для последующего их произвольного соположения. В этнографических и популярных работах деятельность фабрики репрезентируется как «возрождение и сохранение национальной вышивки»¹³: такая интерпретация эксплицитно утверждает геометрический орнамент как легитимно «национальный», одновременно имплицитно оценивая другие образцы вышивки, распространенные на территории РМЭ, как «дефектные» — ненациональные. К тому же в изданиях, посвященных культуре марийцев, фабричная вышивка репрезентируется прежде всего как *художественный промысел*, профессиональное искусство — этнографически и исторически выверенное: вероятно, именно поэтому большинство промышленных вышитых изделий (по крайней мере, на уровне дискурса) ориентировано на выставки, музейные коллекции, сцену.

¹¹ Фецина О.Ф. Неувядающие орнаменты. С. 29.

¹² Калинина О.А., Мамаева М.Н., Молотова Т.Л., Никитина Т.Б., Попов Н.С. Марийцы. Йошкар-Ола, 2008. С. 97.

¹³ Соловьева Г.И. Орнамент марийской вышивки. С. 56.

Гирик Сергей

Институт украинской археографии и источниковедения им. М.С. Грушевского
Национальной академии наук Украины, аспирант
conservator.1985@gmail.com

ИЛЛЮЗИЯ НЕРАЗРЕШИМОСТИ. ДИАЛЕКТИКА КЛАССОВОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО В УКРАИНСКОМ НАЦИОНАЛ-КОММУНИЗМЕ

Одним из наиболее интересных явлений украинской общественно-политической мысли 1920-30-х годов является национал-коммунизм. Это течение представлено несколькими лояльными по отношению к советской власти политическими партиями, которые в моменты своего расцвета играли заметную роль в политической жизни УССР, а также внепартийными политическими группами и общественными организациями. В частности, речь идет об Украинской коммунистической партии (боротьбистов), Украинской коммунистической партии (укапистах), Зарубежной группе украинских коммунистов, фракции федералистов в КП(б)У, а также о некоторых руководящих кадрах КП(б)У, не являвшихся выходцами из других партий.

Из национал-коммунистических организаций наибольшее влияние на ход политической жизни УССР в рассматриваемый период имели У КП (боротьбистов), отколовшаяся от Украинской партии социалистов-революционеров как ее левое крыло в 1918 году и насчитывавшая в период своего расцвета более 5 тыс. членов (в 1920 году, после самороспуска партии, около 4 тыс. из них влились в КП(б)У, а руководящее ядро партии заняло важные позиции в партийном и государственном аппарате республики)¹ и У КП (эта наиболее долго легально просуществовавшая небольшевистская партия в СССР заявила о самороспуске лишь в

¹ Наиболее полный обзор истории У КП(б) дал Иван Майстренко, см. *Майстренко І. Боротьбизм. Історія однієї з течій українського комунізму. (Без року і місця вид.)* S. I., s.a. Имеется также недавно переизданный английский перевод этого труда с введением британского исследователя украинского левого движения Криса Форда: *Maistrenko I. Borot'bism. A Chapter in the History of the Ukrainian Revolution.* Stuttgart, 2007 (Soviet and Post-Soviet Policy and Society. Vol. 61). См. также *Любовець О. Партія боротьбистів в українській революції 1917–1920 років.* Автореф. дис. канд. іст. наук. Київський ун-т ім. Т. Шевченка. Киев, 1993.

1925 году)². Помимо этого, в период украинизации (до 1933 года) на национал-коммунистические позиции перешла и часть политиков и деятелей культуры, которые изначально были членами партии большевиков. В частности, своеобразными символами этого течения стали Николай Скрипник и Микола Хвильовый.

Главной особенностью украинских национал-коммунистов было желание соединить идеи построения независимого украинского советского государства с традиционными марксистскими лозунгами и безусловная лояльность к советской власти. В социально-экономических вопросах различия между ними и официальной позицией КП(б)У были практически незаметны (исключение составляет партия боротьбистов, уделявшая значительно большее внимание вопросам, связанным с крестьянством, чем проблемам, волновавшим пролетарские массы).

Представлявший круги украинской умеренно националистической эмиграции исследователь отмечал: «Левые социал-демократы сменили название своей партии на Украинскую коммунистическую партию и подали заявку в Коминтерн о вступлении в него на правах единственного представителя украинского коммунизма на международном форуме. У КП исходила из позиции, что КП(б)У является партией русских элементов на Украине и потому не имеет права представлять украинцев»³. Это отношение к украинским большевикам, по его мнению, разделяла и У КП(б), однако, стоит отметить, что такая точка зрения не вполне соответствует действительности. В современной украинской историографии (в некоторой мере под влиянием исследований части историков-эмигрантов) господствует мнение о национал-коммунизме как явлении абсолютно оппозиционном большевикам. Однако это верно лишь отчасти и лишь по отношению к укапистам в последние годы их деятельности. По мнению украинского историка-эмигранта либерального направления Василя Гришко, победа большевиков в значительной мере была достигнута именно «при помощи тех лево-социалистических групп из лагеря ведущих революционно-демократических партий УНР, которые

² Историю партии укапистов рассматривает Крис Форд: *Ford C. Outline History of the Ukrainian Communist Party (Independentists): An Emancipatory Communism // Debate: Journal of Contemporary Central and Eastern Europe. 2009, August. Vol. 17. N 2. P. 193–246.* См. также *Дірявка Ю. Українська комуністична партія (укапів): утворення, діяльність та ліквідація. Автореф. дис. канд. іст. наук. Дніпропетровський нац. ун-тет. Дніпропетровськ, 2008.*

³ *Ільницький Р. Радянська концепція української політики в 1919–20 роках // Сучасність (Мюнхен). 1972. №4. С. 99.*

(группы) под названием “боротьбистов” и “незалежников” встали на позиции украинского национал-коммунизма еще на переломе 1918–1919 годов»⁴. Он же отметил и тот факт, что либерализация национальной политики (по крайней мере без учета наиболее сложных проблем — создания национальных частей в армии, вопрос о чем поднимали боротьбисты, отдельной валюты и т. д.) была логичным продолжением НЭПа как «прокрестьянской либерально-хозяйственной» политики, а «украинизация» с точки зрения большевиков обозначала «придание советской власти в Украине близкого крестьянству украинского вида — по ее языку и национальному составу». «Поскольку в этом процессе решающую роль должны были сыграть местные коммунисты, это также давало им исторический шанс осуществить свою концепцию “украинской советской государственности” путем наполнения ее формы своим украинским содержанием <...> Что касается политики как таковой, больших иллюзий в широких кругах украинского общества, в частности — интеллигенции, не было; основные надежды возлагались на национально-культурную и хозяйственную политику. Именно в области национально-культурной и хозяйственной жизни сконцентрировались с того времени усилия как национально-коммунистической, так и просто лояльно-советской украинской интеллигенции»⁵, — писал он. Мы видим, что в этот период конфликта между верностью классовым интересам и национальной ориентацией у представителей украинского национал-коммунистического движения не было — в значительной мере они просто находились в разных плоскостях, поэтому противоречия не могли возникнуть.

В более поздний период, когда, вследствие притока сельского населения в города (этот процесс начался в 1920-х годах, т. е. еще до начала форсированной индустриализации) массовая доля этнических украинцев в составе пролетариата УССР резко возросла⁶, отдельные представители украинского национал-коммунизма (в первую очередь среди деяте-

⁴ *Гришко В.* Український націонал-комунізм на історичній пробі доби українізації (1923–1933) // *Сучасність* (Мюнхен). 1978. № 12. С. 57.

⁵ Там же. С. 58.

⁶ Об этом свидетельствуют данные Всесоюзной переписи населения 1926 года, кроме того, косвенные данные о росте числа этнических украинцев в украинском пролетариате можно получить из статистических сводок о национальном составе украинских профсоюзов, см. *Історія робітничого класу Української РСР: У 2 тт.* Т. I. Киев, 1967. С. 107. Интересны также данные, представленные в исследовании: *Кравченко Б.* Національне відродження та робітничий клас на Україні в 1920-их роках // *Сучасність* (Мюнхен). 1984. № 1–2. С. 104–118.

лей культуры) демонстративно отходят от лояльности к крестьянскому большинству населения республики. Так, украинский писатель Микола Хвильовый в нескольких циклах литературных памфлетов, спровоцировавших бурную дискуссию в литературных и партийных кругах, продемонстрировал себя апологетом урбанизации и вестернизации украинского общества⁷. Его памфлеты можно воспринимать как реакцию на выдвинутый несколько ранее тезис партийного деятеля Дмитрия Лебеда о «борьбе двух культур» — сельской украинской (низкой) и городской русской (высокой), хоть это прямо и не подчеркивается в их тексте. Стоит, однако, отметить, что взгляды Хвильового представляли собой своеобразное сочетание украинского национал-коммунизма и доведенной до абсолюта веры во всемирную революцию. Чрезвычайно широкий резонанс дискуссии и успех писателя (изъятие его памфлетов и официальное осуждение его взглядов партией имело место лишь после личного вмешательства Сталина⁸) свидетельствуют о том, что, повернувшись лицом к уже в значительной мере украинизированному пролетариату, украинский национал-коммунизм мог бы иметь политическое будущее, если бы не воздействие внешних факторов. В тот же период возникает экономическая дискуссия вокруг напечатанной в центральном органе КП(б)У «Більшовик України» статьи украинского экономиста Михаила Волобуева «К проблеме украинской экономики», в которой поднимаются вопросы планирования развития украинской промышленности в соответствии с интересами республики⁹.

⁷ Об украинской литературной дискуссии 1920-х гг., спровоцированной памфлетами Хвильового, см. *Shkandrij M. Modernists, Marxists and the Nation. The Ukrainian Literary Discussion of the 1920s. Edmonton, 1986* (украинский перевод — *Шкандрій М. Модерністи, марксисти і нація. Українська літературна дискусія 1920-х років. Київ, 2006*). Параллели между взглядами Микола Хвильового и Льва Троцкого мы рассматриваем в статье: *Hirik S. «The Permanent Revolution» and «the Asian Renaissance»: Parallels between the Political Conceptions of Leon Trotsky and Mykola Khvylovy // Debate: Journal of Contemporary Central and Eastern Europe. 2009, August. Vol. 17. N 2. P. 181–191*. Тексты памфлетов Хвильового см. в: *Хвильовий М. Твори: В 5 тт. Т. IV. Нью-Йорк; Балтимор; Торонто, 1983* (англ. перевод — *Khvylovy M. The Cultural Renaissance in Ukraine: Polemical Pamphlets, 1925–1926 / Ed. by M. Shkandrij. Edmonton, 1986*).

⁸ *Сталин И. Товарищу Кагановичу и другим членам ЦК КП(б)У // Сталин И. В. Сочинения: В 13 тт. Т. 8. М., 1948. С. 152–153.*

⁹ *Шаповал Ю. Михайло Волобуєв: доля «націонал-ухильника» // Урядовий кур'єр. 1994. 27 септембля; Шаповал Ю. Текст як доля // День. 2003. 22 февраль (<http://www.day.kiev.ua/16001/>; 22.02.2003).*

Таким образом, мы можем заметить, что украинские национал-коммунисты, подчеркивая то, что они обращали внимание прежде всего на вопросы культурной и хозяйственной жизни, не входили в конфликт с классовыми интересами основной массы населения УССР. Кроме того, в начале 1920-х годов их позиции вполне соответствовали официально озвученным основным программным целям КП(б)У, поэтому в период украинизации активное развертывание деятельности национал-коммунистов в партийных и правительственных органах республики было закономерным. Когда во второй половине 1920-х годов в СССР отчетливо начали проявляться признаки сосредоточения власти в одних руках и нивелирования принципов внутрипартийной демократии, это стало противоречить интересам центра, что сделало работу представителей национал-коммунистических течений невозможной.

Глушаев Алексей

Пермский государственный педагогический университет
исторический факультет, соискатель
perst-ur@mail.ru

СПЕЦКОНТИНГЕНТ И РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ В ПРИКАМЬЕ В 1950-е ГОДЫ

Религиозность населения в СССР в 40-60-е годы XX века исследуется многими историками и религиоведами, но актуальность темы, огромный документальный фонд, дискуссионность некоторых проблем позволяют обнаружить планы, которые не получили достаточного освещения. Подобным сюжетом является вопрос влияния мигрантов на религиозную ситуацию в регионах.

Одним из таких регионов в 1940-50-х годах была Молотовская область (на территории современного Пермского края). Обширные районы Западного Урала, со старыми центрами горнозаводской промышленности и огромными лесными массивами, рассматривались центральной властью Советского Союза и как источник ресурсов, и как «удобное» место размещения спецконтингента. Поэтому, начиная с 1930-х годов, часть переселенцев по своей воле, другие — по воле карательных органов, оказались на крупных «стройках социализма», в лесопромышленном комплексе и сельском хозяйстве региона.

В этой статье речь пойдет преимущественно о религиозных сообществах в среде спецпоселенцев Прикамья. Политика власти, проводимая по отношению к этим категориям населения, характеризовалась репрессивностью, жесткими формами контроля в выборе места жительства, профессии и работы. Но следует подчеркнуть, что ограничение прав и свобод отдельных этносов и социальных групп необходимо рассматривать в условиях военного и послевоенного времени. Это болезненный вопрос в истории российских немцев, депортированных в 1941 году из АССР немцев Поволжья, ряда других национальностей, граждан СССР. Иным был подход к проблеме, когда люди служили в войсковых соединениях германской армии, были «полицаями» на оккупированных территориях или входили в действующие группы ОУН–УПА¹. И хотя «от-

¹ ОУН — Объединение украинских националистов; УПА — Украинская повстанческая армия.

крытых антисоветских выступлений со стороны спецпоселенцев в послевоенные годы в Молотовской области зафиксировано не было»², но, в обстановке советского режима и при существовавшем законодательстве, эти люди были под подозрением. Можно сказать, что в первые послевоенные годы специальный административно-правовой режим (САПР) в отношении некоторой части населения соблюдался как мера, способствующая национальной безопасности страны. САПР, применяемый к перечисленным категориям граждан, в окончательном виде сформировался в 1946–1949 годах. Другое дело, что «тоталитарный характер властвования в СССР проявился в методах осуществления указанного режима, когда интересы государства были в значительной степени оторваны от интересов граждан»³.

К началу 1950-х годов Молотовская область входила в первую пятерку регионов Советского Союза по количеству размещенных спецпоселенцев. 120 спецкомендатур на территории области контролировали жизнь 59 350 человек трудоспособного населения⁴. По национальному составу «спецпоселенческий контингент» включал: немцев, крымских татар, украинцев (семьи членов ОУН и УПА), литовцев, латышей, эстонцев, армян, болгар, греков, калмыков. Среди высланных существовал контингент, который не идентифицировался с определенной национальностью, а объединял людей по социальным признакам: «власовцы», «за связь с немцами». Отдельной группой принудительно перемещенных лиц были члены религиозной организации истинно православных христиан (ИПХ), представители церковного подполья. Они прибыли из Рязанской, Орловской и Воронежской областей⁵.

Жизнь людей в условиях специального режима, говоря современным языком социологии, развивалась по вектору социального исключения. И символически, и фактически это состояние выражалось в положении отторгнутой, исключенной социальной группы. В этой ситуации объединение людей на религиозной основе, «...подчеркнуто лишненное

² Сулов А.Б. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953 гг.). Екатеринбург; Пермь, 2003. С. 288.

³ Белковец Л.П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1955 гг.: Историко-правовое исследование. М., 2008. С. 22.

⁴ Там же. С. 249.

⁵ Лейбович О.Л. В городе М: Очерки политической повседневности советской провинции в 40–50-х годах XX века. Пермь, 2009. С. 30.

какой-либо политической и националистической окраски»⁶, стало одной из попыток консолидации и пассивного сопротивления агрессии внешней среды.

В исследуемый период в динамике религиозной ситуации прослеживается два временных отрезка. Они различаются по интенсивности образования религиозных групп среди спецпоселенцев и степени воздействия контролирующих органов на религиозную жизнь общин. В 1946–1953 годах наблюдается восстановление деятельности небольших религиозных групп. Но в обстановке усиления политики изоляционизма и ужесточения идеологического контроля в обществе, инициированной советским руководством, эти тенденции носили отчасти скрытый, латентный характер.

В условиях спецрежима деятельность религиозных проповедников чаще всего становилась объектом внимания служб госбезопасности. Так, в 1947 году была выявлена группа меннонитов в г. Соликамске. Согласно протоколу допроса одного из руководителей меннонитов И.К. Пеннера, община стала формироваться осенью 1945 года с переводом немцев-трудармейцев на режим спецпоселения⁷. Реакция власти была жесткой, организаторы религиозных собраний были приговорены к 25-летним срокам исправительно-трудовых лагерей. Дело квалифицировалось как «антисоветская агитация, антисоветская деятельность»⁸.

В этот период отчеты уполномоченных содержат скудную информацию о религиозных настроениях среди людей, живших в условиях спецпоселения. Более того, ряд сведений формирует противоречивую, порой недостоверную картину действительного положения дел. К примеру, уполномоченный Совета по делам религиозных культов (СД РК) Н.Г. Музлов в отчете 1952 года информировал: «...Гремячинский горисполком сообщил о деятельности группы ЕХБ численностью в 33 человека, но <...> не приложил объяснительной записки <...>. Можно полагать, что это та же группа, состоящая из [репатриированных] немцев, которая еще в 1951 году возбуждала ходатайство об открытии молитвенного дома, в чем ей было отказано»⁹. К весне 1953 года ситуация

⁶ Немцы в Прикамье. XX век: Сборник документов и материалов в 2-х томах. Т. I. Архивные документы. Кн. 1. Пермь, 2006. С. 203.

⁷ Немцы в Прикамье. XX век: Сборник документов и материалов в 2-х томах. Т. I. Архивные документы. Кн. 2. Пермь, 2006. С. 223.

⁸ Там же. С. 195.

⁹ Пермский государственный архив новейшей истории (ПермГАНИ). Ф. 105. Оп. 20. Д. 128. Л. 94.

прояснилась. Речь уже шла о группе в 50 человек «выселенных немцев».

Из дополнительной информации следовало, что еще в 1950 году на имя Гремячинского горисполкома поступало заявление от верующих данной группы с просьбой «о представлении *права свободного богослужения* (курсив мой. — А.Г.)»¹⁰. Существенным, на наш взгляд, является обращение верующих в ходатайстве о регистрации общины к аргументу права. Инструкции САПР не регламентировали вероисповедную практику и, теоретически, не запрещали её.

Ответ уполномоченного СД РК сформулирован однозначно: «Такое ходатайство было отклонено по той причине, что в инициативной группе, выдвинувшей просьбу, были не местные жители, а преимущественно выселенные, состоящие на особом учете»¹¹. Таким образом, деятельность подобных религиозных сообществ выпадала из поля существовавшего законодательства. После давления на инициаторов собраний верующих, их вызова на беседу в райгорисполкомы, жизнь религиозных сообществ временно замирала, но не прекращалась. В том же горисполкоме г. Гремячинска не исключали малочисленные сборы евангельских христиан-баптистов по квартирам верующих¹².

В целом репрессивная практика спецслужб, особенно в 1947–1949 годах, не позволяла верующим-поселенцам как-то организовать религиозные общины. Косвенные данные или информация из более поздних источников позволяют предполагать, что в местах компактного проживания высланных немцев в 1945–1953 годах наиболее распространенными были движения меннонитов, евангельских христиан-баптистов (ЕХБ). Крымские татары, расселенные группами в северных районах области, городах Молотове и Губахе, традиционно исповедовали ислам. Спецпереселенцы с Западной Украины, размещенные в промышленных городах и лесных поселках к северу от областного центра, впоследствии составили костяк общин ЕХБ, ХВЕ (пятидесятники). Литовцы, латыши, часть немцев-поселенцев исповедовали католицизм.

К характеристике указанных религиозных движений следует добавить, что представители религиозных сообществ в целом стремились институционализировать свою деятельность, обращались за регистрацией в органы власти. Другая часть общин, с целью усиления собственных позиций, блокировалась с родственными религиозными группами. Это

¹⁰ ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 129. Л. 162.

¹¹ Там же. Л. 162–163.

¹² Там же. Л. 163.

имело место в г. Молотове, где до 1957 года действовала объединенная община евангельских христиан-баптистов и меннонитов¹³.

Особняком в этом процессе стояло движение истинно православных христиан. Последователи ИПХ стремились минимизировать контакты не только с представителями власти, но и с окружающим миром.

Изменения, начавшиеся в жизни страны после смерти И. Сталина, продемонстрировали глубокий кризис прежних форм политической практики. Режим спецпоселений, в том виде, который он приобрел к началу 1950-х годов, изживал себя, вступая в противоречие с задачами народного хозяйства, не соответствуя и политическим реалиям своего времени¹⁴. Постепенный демонтаж системы начался со второй половины 1953 года. Происходила общая либерализация режима. Несмотря на кратковременную антирелигиозную кампанию 1954 года, религиозные движения активно формировали социальное пространство.

К этому времени группы верующих-спецпоселенцев уже почти открыто проводили религиозные собрания, крещения в водоемах. В одних и тех же поселках люди объединялись по вероисповеданиям в небольшие группы. Начальник отдела КГБ Камского речного бассейна полковник Лысенков сообщал в Молотовский обком партии: «...в поселке Кургане <...> Чердынского района, за последнее время участились сборища немцев спецпоселенцев <...>. Руководителем сборищ верующих католиков является спецпоселенка Браунагель Марьяна Валентиновна, <...> которая проживая в Солмане, еженедельно приезжает в Курган для проведения молений. <...> Другую группу верующих составляют сектанты (баптисты и меннониты) <...>. Проповедниками и вдохновителями этой группы верующих являются Вержба Эмиль Федорович <...>, Кончак Карл Карлович <...> и Варкентин Иван Иванович <...>. Все они ранее судимы за антисоветскую деятельность при отправлении религиозных обрядов»¹⁵. Хотелось бы обратить внимание на последнее предложение в информационной записке полковника КГБ. В эти годы начался процесс массового освобождения заключенных ГУЛАГа. Люди с «приставкой» в документах «ранее судимые за АСД» пополняли религиозные общины, входили в их актив.

По информации уполномоченного СД РПЦ П.С. Горбунова, только в 1955 году из тринадцати вновь зарегистрированных в Молотовской об-

¹³ Немцы в Прикамье. XX век. Т. I. Архивные документы. Кн. 2. С. 237.

¹⁴ См.: *Белковец Л.П.* Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1955 гг. С. 304–322.

¹⁵ ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 22. Д. 106. Л. 13.

ласти священников и диаконов четверо вернулись из мест заключения¹⁶. В сельской местности и рабочих поселках, особенно там, где не было официально признанных православных приходов, заметную роль в профессиональной жизни играли полулегальные сообщества, расширявшие социальную базу религиозного движения ИПХ. В их организации участвовали, «как правило, бывшие монашествующие, <...> служители культа находящиеся за штатом, и освобожденные из ссылки»¹⁷. Опыт лагерников и спецпоселенцев привносил в деятельность общин элементы жесткой иерархичности, «харизматичность» лидеров, «пострадавших за веру», чувство сплоченности перед лицом внешнего мира. В Русской православной церкви, как отмечает М.В. Шкаровский, «из 70 правящих иерархов, в ряды которых влились недавно освобожденные из лагерей, примерно половина подвергалась репрессиям. Многих из них контролировать было крайне сложно»¹⁸. Не в меньшей степени эти характеристики применимы к лидерам и активистам религиозных общин евангельских течений, сформировавшихся в условиях спецпоселений.

К концу 1950-х годов многие незарегистрированные общины ЕХБ, ХВЕ (пятидесятников), меннонитов объединяли людей из «спецконтингента». Так, в г. Губахе, как сообщалось в справке областного управления КГБ, «...группа сектантов-пятидесятников состоит из числа бывших спецпоселенцев украинцев и немцев <...>. Руководит группой старший пресвитер Болдак И.М., ранее дважды судимый за антисоветскую деятельность, бывший украинский националист»¹⁹. Многие руководители пятидесятнических групп области были рукоположены И.М. Болдаком. Фактически, его деятельность способствовала организации движения ХВЕ в Прикамье. Аналогичные процессы самоорганизации религиозных обществ наблюдались в эти годы у ЕХБ, меннонитов, адвентистов седьмого дня.

В мусульманских общинах области, вероятно, опыт бывших спецпоселенцев не был так востребован, как в евангельском движении или у истинно-православных христиан. Местное население, татары и башкиры, традиционно исповедовавшие ислам, видимо, смогли интегрировать в общинную жизнь ту часть крымских татар, которые в этом нуждались.

¹⁶ Там же. Л. 54.

¹⁷ ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 22. Д. 106. Л. 66.

¹⁸ Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М, 1999. С. 356.

¹⁹ ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 27. Д. 133. Л. 42.

Отчеты уполномоченного СД РК сообщают об активности незарегистрированных духовных лиц (мулл), но не соотносят её с особыми условиями САПРа.

Таким образом, к 1958 году перед началом крупномасштабной антирелигиозной кампании в СССР на территории Прикамья сложилась религиозная ситуация, на которую заметное влияние оказывали миграционные процессы. Частью этих процессов были принудительные переселения отдельных этносов и социальных групп на территорию Молотовской области. Ограничение прав и свобод перемещенных людей в условиях специального административно-правового режима формировали ответную реакцию и пассивный протест. В этой ситуации вероисповедные практики выступали как наиболее приемлемые способы социальной консолидации, а конфессиональная идентичность компенсировала ущемление национальных чувств. Однако в период 1945–1953 годов религиозные настроения спецконтингента находились под пристальным вниманием служб ГБ. Они нередко применяли репрессивные меры к организаторам собраний верующих. Поэтому большинство религиозных сообществ в среде спецпоселенцев находилось в дисперсном состоянии.

Смерть И. Сталина стала толчком к изменениям политического режима. Постепенный демонтаж САПРа снял ограничения с религиозной жизни бывших спецпоселенцев. 1954–58 годы стали не только периодом временной «нормализации» государственно-конфессиональных отношений, но и временем *институционализации* религиозных общин ЕХБ, ХВЕ, меннонитов. В эти годы также усилились эсхатологические ожидания верующих, что отчетливо наблюдалось у истинно православных христиан и пятидесятников. В целом религиозность «спецпоселенческого контингента» изменила конфессиональную карту региона, оказала сильное влияние на религиозные движения в Прикамье.

Годунов Константин

Петрозаводский государственный университет
исторический факультет, студент, 5 курс
kostyagodunov@yandex.ru

ПАМЯТНИК Ю.В. АНДРОПОВУ В ПЕТРОЗАВОДСКЕ: ПАРАДОКСЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ И ВОСПРИЯТИЯ СОВЕТСКОГО

Современная эпоха характеризуется поиском новых идеалов, ценностей, ориентиров. В связи с этим существенным фактором общественной жизни России является то, что отсутствует сформированное ценностное отношение государства и общества к советскому периоду отечественной истории. Тем не менее можно выделить некоторые отдельные попытки проводить своеобразную «политику памяти» и центральной, и местной элитой. Одной из таких попыток стало установление в Петрозаводске в июне 2004 года памятника Юрию Владимировичу Андропову. Кратко рассмотрев этот сюжет, можно попытаться ответить на существенный вопрос: какой образ, схему прошлого предлагает властная и интеллектуальная элита и как на них реагирует общество.

Конкурс проектов памятника Ю.В. Андропову был объявлен правительством Республики Карелия в 2001 году. Авторы 13 проектов предлагали образы пожилого шефа КГБ СССР и генсека КПСС, однако победу в конкурсе одержал Михаил Павлович Коппалев, который предложил не совсем стандартный подход к трактовке образа Ю.В. Андропова.

Главная особенность проекта М.П. Коппалева заключается в том, что он единственный из четырнадцати претендентов на грант изобразил Ю.В. Андропова в молодые годы. Стоит напомнить, что свою карьеру Юрий Владимирович начинал первым секретарем ЦК комсомола Карело-Финской ССР и был одним из организаторов партизанского движения на Карельском фронте. Автор памятника так объясняет свою позицию: «Работая над памятником, я узнал, что Юрий Владимирович писал стихи, похож на Блока. Но в то же время это был волевой, мужественный воин-партизан, крупный комсомольский и партийный работник, ставший в дальнейшем председателем КГБ, Генеральным секретарем ЦК КПСС»¹;

¹ Москва — Петрозаводск [электронный ресурс] (http://www.prasdnikinfo.ru/5/20/i21_5564.htm).

«На мой взгляд, Андропов в молодости был романтиком, поэтической натурой. И в то же время это волевой, сильный, целеустремленный человек. Мне он напоминает знаменитого Павла Корчагина. Таким я и постарался изобразить его»².

На художественный замысел скульптора работает и выбранный им материал — памятник выполнен из нержавеющей стали. Сам автор так это комментирует: «Памятник Юрию Андропову из нержавеющей стали создается как символ стойкости в политических бурях и катаклизмах XX века»³.

Можно сказать, что автор памятника предлагает (вольно или невольно) уйти от «болевых точек» советской истории. Образ молодого Ю.В. Андропова возвращает нас к эпохе Великой Отечественной войны — пожалуй, единственному событию советской истории, в оценках которого современное российское общество демонстрирует относительное единство. Необходимо отметить, что трактовка М.П. Коппалевым истории партизанского движения в Карелии носит явно романтизированный характер, тогда как современные историки подчеркивают сложный и неоднозначный характер этого явления.

В трактовке М.П. Коппалева фигура Ю.В. Андропова становится определенным символом, вписывающим историю Карелии в общероссийскую историю. Это можно связать как с «комплексом провинции», так и с желанием уйти от неоднозначных событий советской истории, связанных с именем Андропова на более позднем этапе его карьеры — его деятельностью на постах посла в Венгрии, председателя КГБ, генерального секретаря ЦК КПСС.

Политику властной элиты в общем и целом можно охарактеризовать как попытку компромисса. Глава Республики С.Л. Катанатов подчеркнул противоречивость образа Ю.В. Андропова: «Деятельность Юрия Андропова в качестве посла Советского Союза, на постах председателя КГБ и Генерального секретаря ЦК КПСС достаточно подробно проанализирована в научной, мемуарной и даже художественной литературе. Перед нами предстает сложный и неоднозначный образ. Но и время, когда жил и трудился Юрий Андропов, было таким же сложным и

² В Петрозаводске открыт памятник Юрию Андропову, который многие годы работал в Карелии [электронный ресурс] (http://www.gov.karelia.ru/gov/News/2004/06/0608_10.html).

³ Скульптор Михаил Коппалев: от «банного чертика» до «Юрия Андропова»: Беседа с петрозаводским скульптором М.Коппалевым / Беседовала Татьяна Николюкина // Машиностроитель. 2004. 31 мая — 6 июня. С. 3.

неоднозначным»⁴. Несомненно желание властной элиты увязать образ Ю.В. Андропова с историей Великой Отечественной войны. С.Л. Катанандов заметил, что «для жителей Карелии с именем Юрия Владимировича Андропова связаны, прежде всего, героические страницы периода ВОВ (Великой Отечественной войны. — К.Г.). Именно здесь шлифовались и его личные качества, позволившие впоследствии успешно руководить органами госбезопасности, а в дальнейшем — государством»⁵.

После установки памятника развернулась достаточно оживленная общественная дискуссия. Так, на церемонии открытия памятника представители движения «Антифашистская инициатива» попытались провести митинг в знак протеста против установки памятника — пятнадцать человек попыталось возложить венки к памятнику с надписями «От благодарных венгров — 1956», «От погибших афганцев — 1979–1989», «От жертв НКВД–КГБ–ФСБ». Представитель движения А. Волгин так прокомментировал установку памятника: «Должны все же думать, прежде чем кого-то провозглашать национальным героем и ставить памятник. Хотя бы посчитали сначала, сколько человек пострадало от его приказов, когда он возглавлял КГБ»⁶.

При анализе общественной реакции на установку памятника Ю.В. Андропову бросается в глаза прежде всего то, что высказывающиеся на форумах и опрашиваемые журналистами горожане⁷ достаточно жестко противопоставляют порядок («кулак») и свободу, причем оценки деятельности Ю.В. Андропова зависят от политических приоритетов опрашиваемых, что дает право говорить о столкновении «либерального» и «консервативного» дискурсов.

Сторонниками установки памятника деятельность Ю.В. Андропова на посту генерального секретаря ЦК КПСС оценивается в контексте возможности сохранения СССР: «И правильно сделали, давно пора. Действительно, надо поставить на Лубянке! Если бы Андропов не умер

⁴ Выступление Главы Республики Карелия Катанандова С.Л. на открытии памятника Ю.В. Андропову [электронный ресурс] (<http://www.gov.karelia.ru/gov/Leader/Document/040608a.html>).

⁵ Катанандов С.Л. Эпоха Юрия Андропова // Карелия. 2004. 12 июня.

⁶ Нержавеющий генсек [электронный ресурс] (<http://gajjinlife.info/letters/04/1010704.html>).

⁷ О полной репрезентативности опросов, и тем более высказываний на форумах, говорить не приходится, но самые общие представления о настроениях горожан относительно установки памятника они, безусловно, дают.

в 1984-м, то история в СССР пошла бы по более правильному пути... Андропов был государственный, а Горбачев — оказалось, просто дурак. Мне скажут: все эти государственники — для государственной машины, а не для народа! Но лучше так, чем с ельцинскими ворами. Что же касается нашей буржуазной демократии, то выяснилось, что народу никакая демократия не нужна⁸. Это достаточно распространенное мнение, и оно позволяет судить о специфике восприятия истории в российском обществе — большое количество людей придает огромное значение личности в истории (Ю.В. Андропов мог бы спасти СССР, М.С. Горбачев и Б.Н. Ельцин его «развалили»). Оценка деятельности Ю.В. Андропова на посту генерального секретаря превратилась, по определению немецкой газеты «Handelsblatt», в «миф о том, что могло бы быть»⁹.

Не менее распространено отношение к Ю.В. Андропову как к представителю сильной власти. Народный художник России И. Зарипов считает, что установка памятника Ю.В. Андропову — «это гимн порядку и кулаку <...> как исторический персонаж, Андропов мне симпатичен. Наша Россия — разгульная же страна, беспорядочная. Юрий Владимирович стремился навести в ней порядок — не терпел бездельников, это все знают. Вот Путину сегодня не хватает андроповского кулака, мне кажется»¹⁰. Эта позиция тесно переплетается с критикой либерализма: «Слава богу, что ставят памятники, а не разрушают <...> Юрий Владимирович заслужил благодарную память потомков, хоть это и коробит разнообразных малочисленных сторонников чубайсов-новодворских-ковалевых. Этим персонажам российской истории памятники уж точно не поставят — не заработали. Разве что скромненькие надгробные, с надписью Product of USA»¹¹.

Представители «либерального» дискурса усматривают в факте установки памятника властный заказ. Правозащитник Л. Пономарев видит в установке памятника символ того, что «Россия встала на путь реставрации советского прошлого... Учитывая личное прошлое президента Путина и то, как открытие памятника было обставлено, можно сказать,

⁸ В Петрозаводске поставили памятник шефу КГБ Юрию Андропову [электронный ресурс] (<http://www.kp.ru/daily/23294/29542/>).

⁹ Путин идет дорогой, проложенной Андроповым [электронный ресурс] (<http://www.nr2.ru/center/25899.html>).

¹⁰ Памятник Андропову — это ... [электронный ресурс] (http://www.evening-kazan.ru/article.asp?from=number&num_dt=08.06.2004&id=15203).

¹¹ В Петрозаводске поставили памятник шефу КГБ Юрию Андропову [электронный ресурс] (<http://www.kp.ru/daily/23294/29542/>).

что чиновники не боятся тратить на это деньги¹²). Известный сатирик В. Шендерович в своей программе «Плавленный сырок» (выходящей на оппозиционном радио «Эхо Москвы») прокомментировал установку памятника в схожем ключе: «Десять лет назад, в июне 1994 года, исполнилось 80 лет со дня рождения Юрия Андропова. Так если бы в ту пору кто-то вам сказал, что к 90-летию этого любителя закручивать гайки ему поставят памятник, вы бы поверили? Шиш с маслом. А ведь ставят!»¹³. Не менее критично высказался известный карельский журналист А. Фукс: «памятник главе тайной полиции — это и вовсе шапито на колесах. Все одно, что вылепить статую великого инквизитора. Дескать, этот суровый мужчина жил и работал в нашем городе, мы гордимся нашим земляком. Он нас в испанский сапог, в дурдом под капельницу, а мы его, красивого, из благодарности воплотим в стали. Вот он, дескать, символ эпохи и показатель направления. Впрочем, наш-то на кострах не жег, обходился все больше «терапевтическими» укольчиками. Так что, может, потому и памятник ставим — за гуманизм. Пусть себе стоит: пролетят голуби — отсалютуют»¹⁴.

Одну из точек зрения западной интеллигенции выразила английская газета «Daily Telegraph». В статье с симптоматичным названием «“Будапештский палач” становится новым символом» выражается мнение, что «“палач будапештского восстания” <...> посмертно трансформируется в идеологического вдохновителя новой эры президента Путина»¹⁵. Ю.В. Андропова, по мнению автора статьи, «на Западе считают воплощением монстра эпохи холодной войны». Внимание акцентируется на наиболее одиозных фактах, связанных с личностью Ю.В. Андропова: подавлении восстания в Венгрии («потрясенной его жестокостью») и его деятельности на посту председателя КГБ («он руководил репрессиями против диссидентов, которых с его ведома заключали в психиатрические больницы»).

Таким образом, позиция «либералов» достаточно резка — в Андропове они видят символ политических репрессий времен «застоя», акцентируя внимание на его деятельности на посту председателя КГБ.

¹² Андропов вернулся, следующий — Дзержинский [электронный ресурс] (http://www.gazeta.ru/2004/06/08/oa_123323.shtml).

¹³ Неразгаданный Андропов [электронный ресурс] (<http://www.rep.ru/03Jun2004/rep/01.html>).

¹⁴ Фукс А. Не сотвори себе... [электронный ресурс] (http://www.rep.ru/03Jun2004/society/08_print.html).

¹⁵ «Будапештский палач» становится новым символом [электронный ресурс] (<http://www.1917.com/Politica/Misc/1087405358.html>).

При рассмотрении общественной реакции на установку памятника обращает на себя внимание эмоциональность высказываний — мне не удалось обнаружить ни одного нейтрального отзыва об установке памятника.

В общем и целом можно сказать, что, по сути, произошла деконструкция замысла М.П. Коппалева — ни одна из сторон не восприняли его художественное решение. Для «либералов» неприемлем сам факт установления памятника председателю КГБ, а сторонники «жесткой руки» акцентируют свое внимание на завершающем этапе карьеры Ю.В. Андропова.

«Реальный» Андропов, таким образом, отходит на второй план. Для автора памятника, который видит в Андропове причудливую смесь Павла Корчагина и Александра Блока. Для власти, решающей свои прагматические задачи. Для «либералов», видящих в Андропове символ всевластия российских спецслужб. Для «консерваторов», тоскующих по «твердой руке»¹⁶.

По сути, карельская власть и один из ярких представителей художественной интеллигенции предложили петрозаводчанам своеобразную компромиссную оценку советской истории. Но горожане, разделившись на несколько «лагерей», эту попытку не восприняли.

¹⁶ В этой связи уместно вспомнить известный тезис некоторых зарубежных авторов о «разорванном сознании» эпохи постмодерна.

Гумерова Мария

Европейский университет в Санкт-Петербурге
факультет антропологии, магистр
m.goumerova@gmail.com

«НЕПРЕРЫВКА» И АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ АГИТАЦИЯ

Старушка Суббота, крестьясь и икая,
Сказала: вступиться должна за сынка я!
Он, мой родимый, вовсе не плох,
Командировал его нам сам бог!

...

Долго гудели дни недели,
Долго шумели, долго галдели.
И Понедельник с похмелья зол
Постановление внес в протокол
После того, как закончились пренья:
«Выселить срочно гр. Воскресенья
Вместе с Субботой из помещенья.
И в помещенье «Неделя» считать
Членов коммуны не семь, а пять!»¹

В августе 1929 года Совет народных комиссаров СССР принял решение о переходе предприятий на непрерывную производственную неделю. С этого момента страна перешла на пятидневку: четыре рабочих и один выходной. Единые выходные для всех были отменены, люди были разделены на пять (на некоторых производствах в виде исключения — шесть) групп, каждая из которых имела свой собственный день отдыха. Этот режим официально просуществовал около двух лет — с августа 1929 по декабрь 1931 года. Официальными целями реформы были: увеличение валовой продукции, снижение себестоимости, уменьшение безработицы путем привлечения дополнительных кадров, повышение производительности труда, сокращение сроков строительства, удар по религии, шаг к построению социалистического быта.

Часто основной причиной введения непрерывной недели называют «борьбу с религией»², так как «отменены» были воскресенья. Именно

¹ Переворот в семье дней // Крокодил. 1929. № 40, октябрь.

² См., например: *Zerubavel E. The French republican calendar: a case study in the sociology of time // American sociological review. 1977. Vol. 42 (December). P. 871.*

этот вариант мотивации сохранила историческая память: «...не воскресений, а общественных выходных, что в те времена было совсем не одно и то же. В стране шла яростная борьба с религией, сильно смахивающая на “охоту за ведьмами” <...> суть в том, что в календаре усмотрели нечто церковное, а посему вместо привычных недель ввели “пятидневки”»³. В прессе, действительно, делался особый упор на антирелигиозную пропаганду и конструирование социалистического быта:

Введение непрерывной недели будет означать полное уничтожение всех без исключения церковных праздников (...) как дней отдыха, а стало быть, колоссальный удар по религиозным предрассудкам в быту, где они чрезвычайно цепко держатся. После издания декрета об отделении церкви от государства мы делаем самый сильный удар по религиозному мракобесию за все время существования советской власти⁴.

Любопытно отметить, однако, что эти мотивы введения НПН появились далеко не сразу. Так, в «Тезисах для докладчиков и актива» перспективе работать в религиозные праздники противопоставляется лишь «сознание большой пользы, принесенной всему государству согласием взять на себя обязательство не прогуливать свои часы»⁵. При работе с архивными материалами Правительственной комиссии по вопросам прерывной и непрерывной рабочей недели при совете народных комиссаров СССР также не удалось отметить какого-либо интереса организаторов «мероприятия» к антирелигиозной агитации. При внимательном просмотре газеты «Безбожник» (основное периодическое издание Союза воинствующих безбожников) оказывается, что заметки о НПН начинают появляться не раньше августа 1929. В то же время в «светских» (если можно провести здесь эту параллель) изданиях уже в июле началась достаточно активная агитация за новый распорядок. Таким образом, мы можем предположить, что массовая антирелигиозная агитация и пропаганда ломки старого быта, последовавшая за принятием решения, являлась всего лишь противовесом возможному сопротивлению людей. Это была своеобразная риторическая фигура. Зная, что именно с этого фронта ожидается наиболее сильное сопротивление, значительная часть агитационных сил была заранее направлена именно

³ Васильев Б.Л. Оглянись на середине // Октябрь. №6. 2003. С. 38. См. также электронный ресурс (<http://magazines.russ.ru/october/2003/6/vasil.html>).

⁴ Новый крупный шаг к социализму // Правда. 1929. 27 августа.

⁵ Ларин Ю. Непрерывное производство (тезисы для докладчиков и актива) // Экономическая жизнь. Москва, 1929. 11 июля. № 156 (3177). С. 3.

туда. Кроме того, простые рабочие могли просто не понимать значения слов «себестоимость» и «валовая продукция», зато очень хорошо чувствовали на себе отмену воскресений и сдвиг графиков. Объяснение им только лишь экономической выгоды могло не дать никакого результата. Поэтому пропагандой защищалась наиболее слабая и в то же время доступная пониманию сторона. Косвенным доказательством того, что борьба с религией не являлась одной из причин введения НПП, служит достаточно обдуманый отказ от решительных мер по полному упразднению религиозных праздников на момент середины 1929 года. См. например: «...совершенно отказаться от установленных дней отдыха, приуроченных к религиозным праздникам, пожалуй, нецелесообразно, т. к. поскольку религиозный дурман еще не изжит, это повело бы к большому количеству прогулов...»⁶ Кроме того, по замечанию одного из рабочих, «введение НПП увеличит поломку машин и станков. Нужно ли вводить непрерывку из-за 20 % религиозных, чтобы отучить их от хождения в церковь?»⁷

Видимо, в первое время непрерывка вовсе не расценивалась как важное средство борьбы с «религиозным дурманом». Однако уже в сентябре борьба с религией, «въевшейся в быт», «окопавшейся в быту», как было отмечено выше, вошла в официальный список целей введения непрерывки. По ряду данных, среди населения бытовало мнение о том, что борьба с религией является основной и единственной целью власти в данном мероприятии⁸. Впрочем, с этим мнением власть по мере сил периодически боролась, утверждая, что изгнание религии из жизни — лишь косвенное следствие, но никак не цель: «Уже и сейчас можно услышать разговоры на тему о том, что введение НПП — это замаскированное гонение на церковь, на религию, что такое богохульное дело (ведь сам бог почил в седьмой день от дел своих) только и могут совершить безбожники-большевики. Это говорят враги социалистического строительства <...> Нужно доказать, что если непрерывка вносит ломку в ста-

⁶ Переход на непрерывное производство (Информационная справка). Ноябрь 1929 // ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 14. Д. 360. Л. 16–16об.

⁷ Там же. Л. 154.

⁸ С этими настроениями официальная пропаганда, кстати, периодически пыталась бороться. См. например: «Неделя перестает быть неделей, из нее железным молотом революции выковываются совершенно другие сочетания дней, которые, вероятно, придется и называть-то по-новому — новые дни пятнадцатков и шестидневок... А тут... тут толкуют об “антирелигиозности”, о пьянстве, о прогулах, точно ради сокращения их единственно и предпринимается весь этот великий поход!» (Пряда. 1929. 1 октября. С. 5).

рый быт, то она вносит эту ломку в его же интересах, в интересах производственных, и политических, и культурно-бытовых»⁹. По словам Ю. Ларина, главного идеолога нового режима, «упразднение седьмого дня — воскресенье — вызвано не религиозными, а производственными соображениями. Это просто случайное совпадение, что тут отпадает воскресенье»¹⁰.

Однако выяснилось, что, несмотря на то, что непрерывка органично вписалась в антирелигиозную кампанию, результат в этом отношении она имела довольно своеобразный. Во-первых, верующие приспособлялись к новому порядку самыми разными способами: призывали посещать храмы в любой день, договаривались и прогуливали работу в дни религиозных праздников по очереди, просто игнорировали прямое указание явиться на производство. См., например:

Но, организуя сопротивление, церковники и сектанты сами в то же время не упускают случая приспособиться к изменившейся обстановке. Они тоже переходят на непрерывку. Черкизовские сектанты говорят, что «теперь каждый день наш молитвенный дом будет открыт» <...> Сектанты начали все чаще распевать песнь, которая призывает трудиться для Иисуса все дни. Замоскворецкие баптисты тоже перешли на непрерывные молитвенные собрания, которые приспособили не только к непрерывке, но и к сменным работам, так как происходят утром и вечером¹¹.

Церковники учли, какую угрозу несет с собой непрерывка, и решили также перестроить свою работу. Вот что сообщает рабкор из Днепропетровска:

В рабочем районе «Фабрика» в гуще заводов сохранилась церковь, являющаяся последним оплотом духовенства в этом районе. Рабочие подняли кампанию за ликвидацию этого очага дурмана и передачу помещения церкви под культурное учреждение. Начали сбор подписей. Кампания проходит с большим подъемом. Однако церковники организовали бешеное сопротивление. Церковь перешла на «непрерывку».

⁹ Безбожники, пропагандируйте непрерывную производственную неделю // *Безбожник. 1929.* 15 сентября. С. 4.

¹⁰ Цит. по: *Флейшман Л.* Об одном загадочном стихотворении Д. Хармса // *От Пушкина к Пастернаку. Избранные работы по поэтике и истории русской литературы.* М., 2006. С. 253.

¹¹ *Крайнюк З.* Попы и сектанты против непрерывки // *Непрерывка и религия. Сб. статей.* М.; Л., 1930. С. 28–29.

Круглую неделю проводятся службы, для чего вызваны попы из соседних районов¹².

Часть людей не восприняла новый распорядок как угрозу конкретно своей вере:

Не надо сопротивляться непрерывке. Все равно не послушают и перейдут. Зря на себя внимание обратите. Надо работающим на одной фабрике сговориться и, разбившись на группы в 5-6 человек, прогуливать в религиозные праздники по очереди¹³.

Бог труды любит, — сказала, посмеиваясь, религиозная старушка-ткачиха на вопрос, будет ли работать в воскресенье, когда дойдет до нее очередь, — куда люди, туда и я¹⁴.

Некоторые из религиозных деятелей находили вполне официальные способы выхода из положения:

Там, где группы церковников или сектантов чувствуют себя слабыми, они не решаются открыто выступить против непрерывки и избирают другой путь. Они идут в фабзавместкомы, идут к директору и стараются доказать, что или «не в интересах данного цеха переходить на непрерывку» или что «местные условия не позволяют вводить ее»¹⁵.

В Красно-Пресненском районе в Москве баптисты, имеющие сторонников на нескольких предприятиях, сумели добиться единого выходного дня для всех участников их молитвенных собраний и самые эти собрания перевели на пятидневку¹⁶.

Мало того, непрерывка имела и совершенно обратный эффект:

Работницы московской фабрики «Красная роза» ежедневно собираются в небольшие кучки и, разводя руками, недоумевают:

- Штож это, кума, непрерывная вводится, што ль?
- Да, да. Будем, говорят, работать в праздники, совсем без отдыху.
- И в Рождество и в Пасху?
- Конечно.

¹² Олин А. Что дала непрерывка. М.; Л., 1930. С. 27–28.

¹³ Крайнюк З. Попы и сектанты против непрерывки. С. 27.

¹⁴ Ларин Ю. 360 вместо 300. С. 73.

¹⁵ Крайнюк З. Попы и сектанты против непрерывки. С. 28.

¹⁶ Зеренинов А. Непрерывка и общественная работа. М. 1930. С. 23.

В беседы ввязываются сектантки, которые имеются в цехах:

— Мы всегда говорили, — брешут они, — что перед возвращением Христа на землю народ не будет почитать праздников. Он станет под влиянием сатаны работать без отдыха круглый год все 360 дней. Хлеба вдоволь не будет. По стране пойдет смутица. Все это уже сбывается. Берегитесь, сестрички! Жизнь идет к концу!¹⁷

Очень много стало среди рабочих религиозников, и не только среди стариков и женщин, но и многие рабочие помоложе стали задумываться и в ту же сторону поглядывать <...> и так как такие религиозники и пить перестают, и одеваться начинают чище, и работать аккуратнее, то к ним уважение не только от рабочих, но даже, что уж совсем удивительно, их и товарищи из администрации отмечают¹⁸.

Реформа довольно аккуратно укладывалась в привычную сетку координат и рядом людей воспринималась не как шаг в новый мир, а как определенный этап мира старого.

Таким образом, несмотря на настойчиво артикулируемую связь, два явления жизни советского общества — непрерывка и антирелигиозная пропаганда — скорее всего, не имели общих корней. Кроме того, их «синтетический симбиоз» не дал предполагаемых результатов.

¹⁷ Безбожники, пропагандируйте непрерывную производственную неделю // Безбожник. 1929. 15 сентября. С. 4.

¹⁸ Социалистический вестник. 1931. № 19 (257). 10 октября. С. 16.

Дроздова-Пичурина Надежда

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
факультет изобразительного искусства, аспирант
hoffnung4@yandex.ru

СОВЕТСКИЕ ФОТОВЫСТАВКИ 1920–30-х ГОДОВ: КОНСТРУИРОВАНИЕ НОВОЙ ВИЗУАЛЬНОСТИ

Советская фотография 1920–30-х годов во всем ее жанровом и тематическом разнообразии как яркое художественное явление давно признана исследователями во всем мире, что подтверждается обширной литературой, посвященной как творчеству отдельных авторов, так и отображению в фотографии различных советских реалий. Без фотографии сложно с необходимой полнотой представить советское искусство данного периода. При этом немного внимания в исторической, а тем более искусствоведческой литературе уделяется фотографическим выставкам. В основе сообщения лежит гипотеза, что подобные выставки могут быть рассмотрены с точки зрения проблемы функционирования всех элементов (выставочного пространства, экспонатов, табличек, текстов о выставках) как единого целого. Проблема функционирования выставочного пространства как единого визуального сообщения, со всеми присущими ему коммуникативными признаками, актуальна в связи с большим интересом в современной музейно-выставочной практике России к экспонированию советского искусства. Именно характеристика коммуникативности в советском выставочном пространстве фотографических выставок дает ключ к трактовке идеологического и художественного посылов, которые могут быть реконструированы в современных условиях. То есть фотовыставка, рассмотренная с точки зрения теории коммуникации, в целом представляет собой сообщение, где ключевым вопросом становится — что и каким способом транслируется.

Для поставленных целей недостаточно рассматривать советские фотовыставки 1920–30-х годов только с помощью одной-единственной методики. Необходим не только подход с позиции истории, формального описания. Количественный метод позволяет оценить масштабы репрезентативного материала, отсортировать его (материал), исходя из количества снимков в каждом отделе как показателя наиболее значимых в представлении современников тем и жанров. Также в данном случае актуален подход с точки зрения теории визуального восприятия. При этом

необходимо отметить, что в данном случае мы рассматриваем фотографию не только как явление визуальной культуры, но и как яркий пример визуального искусства, под которым нами понимаются не произведения, формально подпадающие в разряд видимых, а только те, которые требуют иного видения, отличного от классических изобразительных искусств. Таким образом, визуальное искусство, и в частности фотография указанного периода мыслится тождественной информационной среде, которая в зависимости от угла зрения и формы подачи может находиться на различных уровнях культуры. В условиях выставок фотография взаимодействует с выставочным пространством, подписями, вторичными текстами (каталогами выставок, трактовкой и осмыслением самих экспонируемых работ в журналах), и только в совокупности всех этих составляющих в полной мере несет вкладываемую в нее смысловую нагрузку.

Фотографические выставки раннесоветского периода — явление совсем не однородное. Во-первых, все они различны по масштабу и форме организации. Во-вторых, очевидна разница в содержании самих работ, представленных в экспозициях 1920-х и 1930-х годов. Сложно точно отметить ту точку перелома, когда качественное наполнение выставок перестало быть относительно либеральным, но можно предположить, что это произошло в самом начале 1930-х годов. Приемы экспонирования в советских фотовыставках во многом продолжали дореволюционную традицию. Новаторства в репрезентации визуального материала на тот момент фактически не было. При этом сами экспонаты наполнялись «новым социальным содержанием»¹.

Необходимо конкретно остановиться на этапных, на наш взгляд, выставках. Естественно, что в первые послереволюционные годы наступило некоторое затишье в экспозиционной фотографической деятельности. В 1924 году в Ленинграде в залах Академии Художеств была проведена фотовыставка из более чем трех тысяч экспонатов, устроенная с просветительской целью V Отделом Русского технического общества и Обществом деятелей художественной и технической фотографии. И здесь появившаяся и развивающаяся в России еще на стыке веков репортажная фотография, которая в то время использовалась в основном в качестве иллюстраций в периодике, теперь обретает новую жизнь на стендах выставок наряду с так называемой художественной. Значительная выставка прошла в 1926 году в московском Доме печати. На ней было выставлено свыше девятисот работ. В отзывах на неё мы читаем: «Эту первую в СССР

¹ Морозов С.А. Фотография как искусство. М., 1972. С. 13.

и в дореволюционной России выставку, созданную исключительно фоторепортерами, надо признать в целом удачной. Правда, выставка не была только выставкой фоторепортажа, фотохроники: её скорее следовало бы назвать выставкой работ фотографов-журналистов. За это говорят уклоны в сторону отвлеченной художественности, в сторону бестемного этюда, увлечение просто хорошей отделкой и фактурным решением»². В 1927–1929 годах активную выставочную работу ведут городские фотокружки (Москва, Тверь, Тула, Воронеж, Владимир и др.).

Наиболее значительная специализированная выставка 1920-х годов прошла в Москве в залах бывшего Охотничьего клуба на Воздвиженке, д. 6, в 1928 году под названием «Советская фотография за десять лет». В каталоге выставки есть несколько чрезвычайно интересных статей, характеризующих её цели и достижения. Как следует из статьи профессора А.А. Сидорова, этой выставке предшествовали «смотри» картин, статуй, рисунков, гравюр, грандиозный показ искусства национальных республик Союза, таким образом, выставка эта находилась в общем ряду художественных отчетов о проделанной за этот период работе. «В данной общей линии ясна одна цель: показать, как отразилась небывалая наша эпоха в сознании нашего искусства. Зеркало времени: кажется, что фотография ставит его нашему бытию, что подлинное зеркало бытия именно здесь, в фотодокументах»³. Программа выставки повлияла на дальнейшее развитие выставочной деятельности в отношении фотографии, так как некоторые из представленных на ней отделы (хроника революционных событий, советское строительство, современный быт, художественная фотография, отображающая труд, быт, природу СССР, советское строительство и его деятелей, национальные особенности жизни народов Союза и т. п., фотография как средство агитации, пропаганды и просвещения) в различных вариациях названий стали обязательными на всех последующих крупных выставках. Во многом прослеживается наследование принципов и приемов экспонирования дореволюционной эпохи. Очевидна идеологическая либеральность в отношении авторов и экспонатов (хотя дискуссии о том, как «надо и не надо» снимать, критические оценки в отношении идейности снимков постоянно встречаются в публикациях тех лет, например Л. Межеричер в статье «Глубже забирайте жизнь!» выступает с резкой критикой «старой школы» в пользу таких авторов фоторепортажа как Гиршович,

² Первая выставка фоторепортажа // Советское фото. 1926. № 2. С. 60.

³ Советская фотография за десять лет: Каталог выставки. М., 1928. С. 5.

Н. Петров, Шайхет и др.⁴). Официальная критика, как правило, оценивала идеологическую сторону содержания работ, но искусствоведом И. Соколовым в серии статей «Фотография как искусство» был проведен скрупулезный анализ выставленных работ «старой» и «новой» школ, различных жанров, направлений, где автор разделил представленное на выставке фотоискусство на три направления: импрессионизм, экспрессионизм и конструктивизм⁵. Безусловно, уже в 1920-е годы происходят попытки формировать экспозицию с точки зрения идеологических установок, но относительная либеральность к наследию прошлого, а именно импрессионистским направлениям фотографии, привело к тому, что на выставках была представлена «старая» школа уже не актуального с политической точки зрения искусства. Таким образом, наблюдалось интересное взаимодействие нескольких принципиально различных в идейном, техническом и образном планах произведений.

1930-е годы характеризуются ужесточением методических указаний, принципов отбора экспонатов, доминированием репортажной фотографии как наиболее характерно отражающей эпоху, отвечающей запросам агитации и пропаганды, общностью творческих устремлений и взглядов авторов экспонатов крупных выставок. Этапная выставка советского фотоискусства, посвященная уже исключительно художественной фотографии, прошла в Москве в помещении Всекохудожника⁶ на Кузнецком мосту в 1935 году. «Выставка довольно отчетливо отражает ведущее место того вида фотоискусства, которое мы привыкли называть по старой терминологии “фоторепортажем”, с его блестящей тематикой, почерпнутой из нашей социалистической действительности»⁷. Выставка насчитывала пятьсот экспонатов, но была значительно глубже, чем юбилейная выставка 1928 года, по мнению специалистов того времени. Теоретиками и практиками фотоискусства предугадывался упадок пикториализма и отход фотографии от живописи, её самостоятельный путь развития.

Своеобразным апофеозом фотографических выставок стала Первая всесоюзная выставка фотоискусства 1937 года в музее изобразительных

⁴ *Межеричер Л.* Глубже забирайте жизнь! (Выставка советской фотографии за 10 лет) // Журналист. 1928. № 4. С. 36–37.

⁵ *Соколов И.* Фотография как искусство // Фотограф. 1928. № 5–6. С. 195–204; № 9–10. С. 259–267; № 11–12. С. 323–326.

⁶ Всероссийского союза кооперативных товариществ работников изобразительного искусства. — *Прим. ред.*

⁷ Выставка работ мастеров советского фотоискусства / Под ред. Г.М. Болтянского, М.А. Гринберга, Л.П. Межеричера. М., 1935. С. 16.

искусств им. А.С. Пушкина. Передающие всю патетику времени слова комитета этой выставки гласили: «Как и все в стране победившего социализма — советская фотография находится на подъеме...»⁸ Важен размах задач этой выставки: «Комитет выставки ставит своей первой задачей — привлечь к участию в выставке всех фотоработников и фотолюбителей СССР»⁹. Также очевидна тематика выставки и её приурочивание «к Великому празднику трудящихся СССР и всего передового человечества — двадцатилетию Октябрьской социалистической революции»¹⁰. Известный фотограф А. Штеренберг писал, что «выставка дает возможность наглядно убедиться в огромных, сказочных сдвигах, происшедших в народном хозяйстве, в быту, в культурном строительстве нашей социалистической родины»¹¹.

Начиная с 1930-х годов нам известно несколько советских публикаций методического характера. В частности, вот что говорится в инструкции относительно тематики фотовыставок: «Тематика фотографических экспонатов является основным и решающим вопросом при организации на местах фотовыставок. В тематическом подборе снимков в первую очередь должна быть обеспечена правильная и четкая политическая линия. Фотоискусство, также как и другие виды искусств, должно служить орудием коммунистического воспитания масс. Фотовыставки должны показывать не только основные хозяйственные и культурные достижения данного края, но и партийно-политическую жизнь. Фотовыставка может и должна быть оперативно-политической, т. е. в тематике её экспонатов должны быть отражены последние важнейшие политические события, которыми живет вся страна, данная республика, край или область...»¹². Инструкции также рассматривают вопрос оформления самих экспонатов. Не рекомендовалось «остекление экспонатов <...> Лучше всего монтировать снимки на серой, белой или кремовой бумаге, на холсте, иногда с окаймлением снимка и целой группы снимков (одного автора) узенькими и тонкими деревянными или картонными рамками»¹³. Из-за обилия представленных работ выставки, вероятно, теряли в своей репрезентативности, так как это рассеивало внимание зрителей.

⁸ Дело нашей чести (Обращение комитета Первой всесоюзной выставки фотоискусства) // Советское фото. 1937. № 5–6. С. 6.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Штеренберг А. Новые авторы // Советское фото. 1937. № 12. С. 12.

¹² Как организовать фотовыставку. Инструктивные материалы. М., 1937. С. 5.

¹³ Там же. С. 20.

На основании изученного материала можно говорить о полисмысловой информационной структуре фотовыставок 1920–30-х, так как их можно рассматривать с точки зрения идеологии (этот фактор лежит на поверхности при анализе не только и не столько экспонатов, но и сопровождающих текстов), художественных изменений в самих работах (к середине 1930-х годов происходит заметное вытеснение фоторепортажем всех прочих направлений фотоискусства) и развития музейно-выставочной деятельности (переход от скромных по оформлению, стандартизированных выставок к масштабной и мощной по своему выражению репрезентации¹⁴).

Очевидна принципиальная разница визуального восприятия фотографии в печатных изданиях как дополнения к статьям и на фотовыставках как самостоятельного предмета в контексте прочих фотографий. С каждой масштабной выставкой все больше проявлялось функционирование ее как единого целого, как целостной визуальной формы (в совокупности снимков, их оформления, подписей к ним, через взаимодействие экспонатов и интерьера), что способствовало конструированию новой визуальности.

¹⁴ «Монументальные колонны фасада Музея изобразительного искусства в дни празднования <...> были оформлены фотографическими сверхувеличениями. Между колоннами наверху помещались гербы союзных республик; под каждым гербом — сверхувеличение фотомонтажа картины, характеризующей в наиболее ярких художественных образах данную союзную республику. Над главным центральным входом в музей были размещены большой портрет товарища Сталина и портреты его ближайших соратников. <...> По бокам большой мраморной лестницы, ведущей из вестибюля музея на выставку, расположены 18 фотокартин, изображающих радостную, приветствующую массу детей, девушек, демонстрантов на праздновании двадцатой годовщины Октябрьской социалистической революции в Москве и Ленинграде, на других массовых демонстрациях и празднествах» (Евгенов С. Праздник советского фотоискусства // Советское фото. 1937. № 12. С. 8).

Дугушина Александра

Санкт-Петербургский государственный университет
факультет филологии и искусств, магистрант, 2 курс
dygi@inbox.ru

СОВЕТСКОЕ В СОВРЕМЕННЫХ ПИСЬМАХ ВЛАСТЯМ

Доклад посвящен рассмотрению современных письменных обращений населения к представителям государства как продолжения советской традиции писать письма «во власть». Жалобы, доносы, петиции — неотъемлемая часть советской культуры. С первых десятилетий существования советского государства общение через письма было для граждан единственным способом взаимодействия с властью. В своих обращениях люди высказывали одобрение и недовольство политикой страны и своей личной жизни, жаловались и просили каких-то благ. Сама традиция письменного апеллирования к власти берет начало от челобитных в средневековой Руси. Основанная на исторических традициях русского самовластия и закрепленная тоталитарным режимом, между индивидом и государством сформировалась патерналистская модель взаимодействия: слабого и бесправного просителя и всемогущего патрона. Это была достаточно удобная форма государственного контроля и управления, своего рода «мониторинг общественных настроений»¹. Письменные обращения, особенно актуальные в период тоталитарного режима, были в интересах самой власти: они обеспечивали распространение в массы идеологии. С другой стороны, граждане сами использовали язык идеологии и стратегии, соответствующие характеру власти, добиваясь от нее какой-либо помощи. Стремление граждан овладеть этим языком подогревалось прагматическими установками. Для местных партийных лидеров это было самообразованием и одновременно залогом продвижения по службе за пропаганду идей партии «в народ». Для рядовых граждан «язык власти» стал единственно возможным языком общения с представителями местных администраций, а общение с властью на ее же языке сулило признание «одним из своих» и в итоге — награду в виде желаемых материальных благ².

¹ *Лившин А.Я., Орлов И.Б.* Власть и народ: «сигналы с мест» как источник по истории России 1917–1927 годов // *Общественные науки и современность.* 1999. № 2. С. 96.

² *Gorham M.S.* Speaking in Soviet Tongues: Language Culture and the Politics of Voice in Revolutionary Russia. DeKalb, Illinois, 2003. P. 139.

Несмотря на изменения в государственной политике за последние двадцать лет, люди продолжают писать письма и жалобы. Отметим, что возможности общения с властью значительно расширились: это интернет, телевидение, общественные приемные. Традиция письменной апелляции к представителям власти жива с точки зрения не только формы, но и содержания.

Данное исследование базируется на корпусе письменных обращений к депутату крупного административного учреждения, практикующего работу с жалобами населения³. Анализ текстов обращений, датированных 2008–2010 годами, показал, что в современных письмах представителям власти все еще прослеживаются отголоски «партийного» дискурса доперестроечных времен. Историки, социологи, антропологи рассматривают этот факт как неизбежное последствие советской эпохи: «опыт существования в идеологическом обществе» для людей постсоветского пространства не может просто исчезнуть — он откладывается в языке и функционирует в новой исторической реальности⁴. К тому же для формирования и присвоения новой системы ценностей прошло еще слишком мало времени. Недаром некоторые политологи придерживаются мнения, что в России до сих пор живы отголоски автократии как на уровне самочувствия каждой отдельной личности, так и на уровне государственного управления⁵.

Говоря о языке идеологии в современных текстах обращений, мы рассматриваем лингвистические маркеры советского дискурса: от отдельных слов и словосочетаний до фразеологизмов, структур и моделей построения текста. Такими маркерами могут быть устойчивые элементы «шапки» письменного обращения («*в политбюро партии Единая Россия*» [8.1]⁶), выражения общественно-порицательного характера («*развалили социализм*» [13.3]), самоидентификация через категорию статуса («ветеран», «инвалид», «блокадник»), апелляция к собственным заслугам перед Родиной («*46 лет стажа на оборону страны. Годами работал на*

³ Поскольку учреждение, предоставившее нам материал, исполняет государственные полномочия, информация о нем и внутреннем документообороте не подлежит оглашению. Название заведения скрыто, и имена адресантов изменены в целях сохранения тайны переписки.

⁴ Гусейнов Г.Ч. Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х. М., 2003. С. 13.

⁵ Майминас Е.З. Соотношения власти, общества личности. М., 2000. С. 208.

⁶ В докладе приводятся цитаты письменных обращений петербуржцев к депутату, собранные и пронумерованные автором.

космодромах, без семьи, но я знал, что это надо стране» [17.2]), ценностные формулировки («цель моей жизни воспитать патриотов своей Родины, граждан, мне не все равно кем они будут» [15.2]). Возрастная и социальная принадлежность авторов обуславливает специфичность содержания писем, объясняет для нас привычки сознания, присущие людям этой прослойки, которые автоматически, как бы независимо от человека, диктуют ему текст.

Обратимся к наиболее ярким примерам влияния советской идеологии и культуры на мироощущение современных граждан в письмах властям.

Вышеупомянутая патерналистская модель взаимодействия человека и авторитетного адресата выражается льстивой манерой обращения, свойственной советским письмам. Авторы восхваляют своих адресатов, которых возносят до уровня «вершителей судеб», а в своих историях подчеркивают то, что герой положительно проявил себя и оправдал должность и звание («по окончании занятий первым выскакивал из класса, видимо торопясь на службу» [57.1]). С одной стороны, здесь проявляется общая склонность русских людей низкопоклонничать перед тем человеком, от которого ждешь каких-либо благ, будь то продавщица в магазине в период «застоя» или генеральный секретарь. С другой стороны, льстивые риторические посвящения адресату навеяны советскими принципами изображения лидера, который должен быть только «правильным человеком». Обобщая, можно выделить следующие особенности изображения адресата — «большого человека»:

- перечисление присущих ему положительных человеческих качеств;
- демонстрация осведомленности о жизненных трудностях адресата, которые он с честью выдержал;
- воспоминания о хороших и бескорыстных поступках адресата;
- выражение благодарности адресату за все его заслуги перед обществом.

Приведем в качестве иллюстрации отрывок из письма женщины депутату:

В прошлом году я увидела Вас на экране телевизора и сразу вспомнилось то время, когда мы в начале нашего трудного пути оказались с Вами в одной группе на курсах иностранных языков при школе на ул. Бабушкина. Вы сидели на третьей колонке у выхода из класса серьезный, всегда сосредоточенный молодой милиционерик. По окончании занятий первым выскакивал из класса, видимо торопясь на службу. Вот

эта собранность и целеустремленность и привели к результату, благодаря которому мне приятно гордиться своей причастностью к этому заслуженному генералу МВД, ставшим еще и депутатом [57.1].

Влияние советских стереотипных представлений о человеке обнаруживается в письмах жалобщиков не только в составлении портрета высокого адресата, но и своего собственного. Автор выстраивает свою биографию в виде нормативных жизненных событий: «родился, учился, работал». По замечанию исследовательницы Сапоговой, «многие люди “советской закалки” могут рассказывать о себе только таким способом, используя при этом текстовые шаблоны и канцеляризмы: “вступил в ряды”, “состоял”, “не привлекался”, “принимал участие”, “был отмечен” и т. д.»⁷.

Я, Кичина Оксана Вячеславовна, приехала в г. Ленинград в 1986 г. на учебу из Крымской области. Закончила ПТУ № 111, получила специальность заготовщик верха обуви. Отработала 3 года на фабрике «Скорород», проживала и была прописана в общежитии по адресу... [66.1].

Такой рассказ о себе воспроизводит норму советской идеологии: ценность человеческой жизни, как правило, определяется ее социально-значимыми достижениями. То, как авторы помнят и рачительно перечисляют все, что происходило в их жизни до существующей негативной ситуации, подтверждает, насколько важным для них был каждый этап устройства жизни.

Любопытен также тот факт, что льстивая манера коммуникации с адресатом чаще свойственна письмам, близким по жанру к доносу. Авторы рассказывают о том, что случайно узнали или уже давно наблюдают в своем окружении. Сюда попадают действия соседей, местных властей, не совпадающие в представлении наших авторов с принципами законности и порядка. При этом информирование представителя власти о «подозрительных» фактах и личностях может не иметь логической связи с запросами автора — починить газовую колонку, увеличить размер пенсии, выдать большую жилплощадь. Борьба за справедливость — общий побудительный мотив советских доносов, который в качестве предлога был универсальным средством достижения разнообразных целей: выразить верность партии, свести счеты с личным врагом или надо-

⁷ Сапогова Е. Автобиографический нарратив в контексте культурно-исторической психологии // Культурно-историческая психология. № 2, 2005. С. 63–74.

едливым соседом, предложить свою помощь НКВД в качестве «информатора», обличить в коррупции органы власти⁸.

В современном материале мы находим похожие «доносительские» стратегии в обличении самых разных личностей:

...нынешнее «берегоукрепление» является искусственно намытой лагуной для съемок. Мы это и с самого начала знали, честно говоря. О характере съемок можно не спрашивать — Залесоцкий не просто любитель порнографии, ему подавай именно цинизм — как известно, он любит поучить людей правильной и красивой жизни, например, в передачах «вечер при свечах» или что-то в этом роде, а после этих съемок, как рассказывали работники, да и жители поселка догадывались по оргиям, там происходившим, начинались съемки совсем другого качества [16.2].

Стоит только прочитать официальный милицейский документ — Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Складывается впечатление, что это записан приятельский разговор двух давних товарищей за кружкой пива. Ведь у друзей не принято требовать подтверждения своих слов документами. Друг может рассказать, что вчера провел ночь с Дженифер Лопес. Товарищ ему поверит. <...> Складывается впечатление, что в центральном районе образовался какой-то замкнутый круг или порочный или преступный круг, в котором достигнуто полное взаимопонимание между захватчиками, органами власти, милицией и надзорными органами [18.4].

Характерной чертой жалобы советского типа является устойчивая авторская рефлексия над всеобщим бездействием. В круг «обвиняемых» входят люди из окружения автора, правоохранительные органы и система управления государством в целом:

Государственные служащие в лице правоохранительных органов и чиновников городской администрации вместо выполнения своих прямых обязанностей своими действиями покрывают злоумышленников [37.1]. В действительности социализм уничтожили brave завоеватели (демоперестрой) Горбачево-Ельцинского периода развала [21.2].

При этом сама рефлексия над бездействием нередко связана с идеологическим концептом «как было и как есть». Жалобщики приходят к выводу, что волнующая их проблема противоречит нормам порядка через сравнение сложившейся в их жизни ситуации с положением вещей в прошлом.

⁸ *Fitzpatrick S. Supplicants and citizens: Public Letter writing in Soviet Russia in the 1930 // Slavic Review. 1996. Vol. 55. N 1 (Spring). P. 85.*

Это сравнение базируется на мифологическом представлении о «счастли-
вом советском времени», когда похожие проблемы решались иным обра-
зом или не возникали вообще. Особенно мифологизируется концепт по-
рядка, под который подводятся самые разнообразные детали и черты
советского быта:

Порядка было гораздо больше, чем в настоящее время, хотя мы работа-
ем за эти небольшие зарплаты!!! не боясь оставлять детей самостоя-
тельно ходить в школу и возвращаться в пустую квартиру, открывая
ключом, висевшим на шейке. А сейчас приходится провожать и встре-
чать из школы своих внуков [45.2].

Прожившие большую часть жизни в мире социальных гарантий и
относительной предсказуемости, люди пенсионного возраста сегодня
оказались перед лицом радикально изменившихся обстоятельств: огром-
ного социального расслоения, безразличия властей к проблеме выжива-
ния, нарастающей нищеты. Сложившееся уже понимание устройства
жизни не позволяет пожилым людям видеть альтернативный советской
культуре способ жизни. Они осваивают ее новые смысловые структуры
по меркам и законам советским: *«Факт нарушения соц.законности на
лицо!»* [21.1].

В современных письменных обращениях встречаются не только
маркеры советской культуры, без изменений перешедшие из прошлого
века в XXI. **Советские идеологические концепты могут трансформиро-
ваться** в новые на основе свежих идеологических оценок. Например,
«свое», «советское» и «чуждое», «чужое», «буржуазное» означали идей-
ную борьбу двух идеологических систем, капиталистической и социали-
стической. Это тоталитарное разделение на свое и чужое отразилось в
рефлексии на события в России в 90-е годы XX века. «Перестройка» и
постперестроечное время характеризуются не только сменой политиче-
ского режима, но и сменой идеологии в обществе. Образовавшаяся про-
слойка состоятельных людей противопоставляется «классу» простых
граждан, которые страдают из-за деятельности «богачей». В частности,
в современном материале мы читаем о том, что «захватчики и корруп-
ционеры» подкупают представителей власти, отнимают у населения не-
движимость или земельные участки, «запугивают и терроризируют»:

Эти люди укрепляются в мысли о своей вседозволенности, что при этом
должен делать законопослушный гражданин? [44.2].

И что теперь все бросить и пусть очередной толстосум жарит шашлык
на моем участке? [73.3].

Понятие социально-классового неравенства как мировоззренческий концепт, на наш взгляд, берет начало из сложившегося советского разделения на «своих» и «чужих», которое было классовым, а не этническим, как это было в традиции.

Представляет большой интерес наличие таких «гибридных», то есть основанных на советском субстрате в свете новейших исторических обстоятельств, культурно-языковых концептов в современных письмах властям. Очевидно, что, о каком бы историческом времени речь ни шла, в диалоге с властью пишущие манипулируют существующими в обществе концептами, используют идеологический пласт, наиболее совпадающий с позицией власти. Несмотря на то, что российское общество под руководством новых политических сил до конца не выработало «общую идеологию национальных интересов»⁹, народ чувствует перемены и интуитивно опирается на новые идеологические подпорки, которыми манипулирует через стереотипы в обращениях к власти. Выявление и анализ идеологических концептов, отражающих современные ценностные ориентиры граждан, входят в наши исследовательские задачи.

⁹ Шелохаев В.В. Особенности отношений власти и общества в России: история и современность // Куда идет Россия?... Власть, общество, личность / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М., 2000. С. 21.

Еремеева Екатерина

Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина
исторический факультет, студентка, 3 курс
eremeev-pavel-v@mail.ru

«УКРАИНЕЦ» И «ХОХОЛ»: ГЕРОЙ И АНТИГЕРОЙ В СОВЕТСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ АНЕКДОТАХ

Политический анекдот стал частью повседневной культуры советских граждан, поэтому его можно считать ценным источником по истории повседневности, для исследования мнения распространителей политического фольклора о представителях власти, исторических событиях и т. д. Анекдоты на тему национальности — одна из разновидностей советских политических анекдотов. Их частью являются анекдоты на украинскую тематику.

Несмотря на то, что политический фольклор уже рассматривался в некоторых исследованиях как исторический источник и общественное явление¹, украинская тематика в советских политических анекдотах еще не становилась предметом специального исследования. То же касается и исследований образов представителя украинского народа в советских политических анекдотах. Однако политический анекдот на национальную тематику, в том числе и советский, может быть использован для исследования ментальности народа, его идентичности, уровня его политической культуры, образа представителя народа в глазах его соседей и т. д. **Кроме того, вышеназванная группа источников до сих пор практически не исследовалась с помощью количественных методов, которые помогают избежать иллюстративного использования политических анекдотов в качестве исторического источника и позволяют опираться на выборку из значительного массива фольклорных текстов для более основательных выводов.** Целью данной работы стало описание образов представителей украинского народа в советских политических анекдотах, их сравнение, исследование их существования и трансформации в

¹ См. напр.: *Архипова А.* Ранние анекдоты о Сталине: материалы к систематизированному собранию (1925–1940) / А. Архипова, М. Мельченко // Вестник РГГУ. Литературоведение. Фольклористика. М., 2009. № 9. С. 271–352; *Мельниченко М.* Феномен фронтового анекдота: народное творчество или инструмент агитации // Российская история. М., 2009. № 6. С. 28–40.

политических анекдотах при советской власти, выяснение их возможной аудитории.

Кроме общенаучных методов и традиционных исторических (историко-генетического, историко-сравнительного, историко-типологического, ретроспективного и др.) были использованы методы квантативной лингвистики (на основе построения теоретико-графовых моделей семантической структуры фольклорных текстов², что позволяет вычислять силу действия персонажа, его активность как семантического узла, функциональную значимость, уровень подтекста анекдота³ и т. д.) и другие количественные методы. Последние технически были реализованы в СУБД MS Access. В созданную базу данных (БД) были занесены 2114 советских политических анекдотов из различных источников (личного происхождения: материалы устной истории, дневниковые записи⁴, личные коллекции⁵ и т. д.; печатные сборники⁶, периодика и т. д.).

В анекдотах на национальную тематику, в том числе политических, главный персонаж — это представитель определенного народа. В политических анекдотах на украинскую тематику, в том числе и советских, практически всегда главный герой — это представитель украинского народа, который чаще всего обозначается двумя этнонимами: «украинец» и «хохол». Проанализировав выборку из 80 советских политических анекдотов на украинскую тематику (3,7% из всех фольклорных текстов БД, собранных нами на сегодняшний день), можно отметить, что представитель украинского народа изображен с помощью двух основных образов. Первый — это образ, лишенный этнических маркеров, часто несчастный и униженный, в целом положительный. Второй — это комически-негативный образ представителя украинского народа, который часто изображается мелочным, хитрым, наделенным штамповым чертами украинца (шаровары, сало, усы, пародия на украинский язык и т. д.). Проведенный контент-анализ вышеназванной выборки анекдотов

² Москин Н. Теретико-графовые модели структуры фольклорных текстов, алгоритмы поиска закономерностей и их программная реализация. Автореф. дисс. канд. техн. наук. Петрозаводск, 2006. С. 3–4.

³ Скороходько Э. Семантические сети и автоматическая обработка текста. К., 1983. С. 125.

⁴ Єфремов С. Щоденники, 1923–1929. К., 1997.

⁵ Личная коллекция анекдотов Н.П. Полупан. [Рукопись].

⁶ Бореев Ю. XX век в преданиях и анекдотах: в 6 кн. Кн. 3, 4. Харьков; Ростов-на-Дону, 1996; Киевская городская библиотека / Сост. М. Мошков [электронный ресурс] (<http://www.lib.misto.Kiev.ua/html/>; 28.08.2008); Український анекдот. К., 1992; Українські народні анекдоти, жарти, дотепи / Упоряд. П. Кальченко. К., 1967.

показал, что в 74% всех анекдотов, в которых упоминается «украинец», под этим этнонимом раскрывается первый (положительно-несчастный) образ представителя украинского народа, а под этнонимом «хохол» — второй, комически-отрицательный (в 75% анекдотов, где представитель украинского народа называется именно «хохлом» («петлюровцем», «бандеровцем»). Итак, в большинстве случаев украинец и хохол — это не просто два этнонима, это два разных образа: героя и антигероя в советских политических анекдотах на украинскую тематику.

Согласно исследованию этнонимов «украинец» и «хохол»⁷, употребление первого более характерно для тех, кто идентифицирует себя как представителя украинского народа. В то же время использование этнонима «хохол» присуще более для тех, кто дает оценку украинскому народу со стороны. Устноисторические материалы показывают, что во времена советской власти политические анекдоты распространялись в основном в замкнутых группах людей, среди которых присутствовали доверие друг к другу, единое понимание идеи анекдота. Следовательно, можно предположить, что советские политические анекдоты с образом «украинца» преимущественно создавали и распространяли те, кто идентифицировал себя как представителя украинского народа, а образ «хохла» был скорее присущим для политических анекдотов, распространявшихся соседями украинцев. Анализ самих фольклорных текстов и их фиксации в письменных и устных источниках некоторым образом подтверждают это. Анекдоты с образом украинца преимущественно фиксировались в источниках украинского происхождения (авторы источников или респонденты идентифицировали себя как украинцев), и сами анекдоты большей частью пересказывались или фиксировались на украинском языке⁸.

Анекдоты с образом хохла в основном фиксировались в источниках неукраинского происхождения (преимущественно — в русских) и были зафиксированы или пересказывались неукраинским языком⁹. Следовательно, подавляющее большинство анекдотов с «украинцем» можно на-

⁷ Грицай Е. Украина: национальная идентичность в зеркале Другого / Е. Грицай, М. Николко. Вильнюс, 2009.

⁸ Интервью с Майстренко Владиславом Сергеевичем // Личный архив автора (ЛА). Ан. 004; Интервью с Наумовым Сергеем Александровичем // ЛА. Ан. 034; Семенко Ю. Народне слово. Збірник сучасного українського фольклору. Львів, 1992.

⁹ Борева Ю. XX век в преданиях и анекдотах; Интервью с Литовченко Сергеем Дмитриевичем // ЛА. Ан. 011; Интервью с Шильманом Михаилом Евгеньевичем // ЛА. Ан. 010.

звать «анекдотами — взглядом изнутри» на представителя украинского народа, а подавляющее большинство анекдотов с «хохлому» — «анекдотами — взглядом со стороны».

Рассмотрим подробнее существование образов представителя украинского народа в советских политических анекдотах, их трансформацию и общие черты.

Образ представителя украинского народа в политических анекдотах наблюдается с самого начала существования советской власти. В период 1917–1928 годов возникает немного политических анекдотов на украинскую тематику (см. рис. 1), однако в это время в фольклорных текстах присутствует острая политическая тематика: Первая мировая война, деятельность Центральной Рады, гражданская война, неприязнь украинцев к советскому и др. Также характерным для этого периода является то, что в анекдотах на украинскую тематику, популярных в Правобережной Украине, для определения положительного (иногда несчастного) образа представителя украинского народа не используются какие-либо этнонимы (украинец идентифицируется по другим признакам)¹⁰. Однако в западноукраинских политических анекдотах можно встретить такие этнонимы, как «гуцул», «львовянин». Для определения негативно-смешного образа представителя украинского народа в некоторых случаях используется термин «петлюровец». Из вышесказанного можно сделать вывод, что подобное использование этнонимов иллюстрирует более осознанную национальную идентичность (правда, регионального типа) украинцев в западноукраинском регионе и менее зрелую в то время — в Правобережной Украине. Представитель украинского народа в советских анекдотах этого периода политически активен (как «украинец», так и «хохол»), изображается практически без этнических маркеров.

В период 1928–1941 годов наблюдается всплеск активности создания политических анекдотов с «украинцем» и практически не встречается образ хохла (см. рис. 1). Возможно, в нелегкий период коллективизации и индустриализации каждый народ был сосредоточен на суровых общесоветских реалиях, охвативших всю страну, и на своих собственных проблемах. Образ украинца в этот период раскрывается большей частью через персонаж колхозника-крестьянина, который страдает от коллективизации и пытается в пассивной форме высказать свое недовольство (ругает советскую власть, мечтает пожаловаться на нее за границу и эмигрировать). В этот период в анекдотах все чаще начинает использоваться этноним «украинец», как в Западной Украине, так и в

¹⁰ Грицай Е. Украина: национальная идентичность в зеркале Другого. С. 32.

Восточной. Это может указывать на то, что коллективизация некоторым образом способствовала большему осознанию национальной идентичности представителей украинского народа.

Во время Второй мировой войны украинские образы довольно разнообразны: от несчастного местного жителя оккупированной территории, положительного советского партизана и воина УПА до однозначно негативного коллаборациониста и комического хохла. Последний, благодаря своей колоритной украинской непосредственности, выживает даже в газовой камере. Примечательно, что в политических анекдотах на украинскую тематику, посвященных оккупации, крайне редко упоминается советское руководство, а практически все внимание направлено на оккупантов. Можно выделить два региона распространения политических анекдотов на украинскую тематику, посвященных оккупации: восточно- и западноукраинский регионы¹¹. Если в первом можно отметить так называемую «преемственность» в украинских анекдотах общесоветских сюжетов, связанных с оккупацией, то во втором регионе наблюдается другая, специфическая анекдотическая традиция. Здесь противодействие строится между местными жителями, воинами УПА и оккупантами, под которыми понимаются как немцы, так и советские войска. Именно в западноукраинском регионе наибольшее развитие получила тема оккупации в послевоенные годы и в перестроечное время¹².

После 1954 года в украинских анекдотах Восточной Украины постепенно маргинализируется политическая проблематика. Украинские анекдоты на острые политические темы с высоким уровнем подтекста в основном остались в западноукраинском регионе. В этих анекдотах «львовяне» и «гуцулы» выражают неприязнь, иногда ненависть к «москалям», с которыми ассоциируется в анекдотах все «советское». В восточноукраинских анекдотах с «украинцем» в основном отныне обыгрывается украинский колорит и повседневные проблемы, особенности менталитета. В то же время параллельно существуют похожие два образа: «хохла», который в это время уже приобретает свои типичные признаки (негативно-забавный, с набором штамповых черт украинца), и

¹¹ Интервью с Майстренко Владиславом Сергеевичем; Интервью с Мартемьяновым Алексеем Павловичем // ЛА. Ан. 012; Интервью с Литовченко Сергеем Дмитриевичем; Интервью с Наумовым Сергеем Александровичем; Интервью со Щербиной Валерием Петровичем // ЛА. Ан. 013.

¹² Интервью с Мартемьяновым Алексеем Павловичем; Интервью со Щербиной Валерием Петровичем.

«бандеровца», синонимом которого в анекдотах — «взгляда со стороны» является «предатель» и «проигравший».

Примерно с середины 1980-х годов начинают стремительно распространяться украинские политические анекдоты, где обыгрывается украинский национализм, неприятие советского украинцами, «дружественные» отношения с братскими народами. Вспоминаются украинские анекдоты о коллективизации, раскулачивании: в это время они актуализируются. Острая украинская политическая тематика, некогда циркулирующая практически исключительно в западноукраинском регионе, распространилась по всей Украине. Удачные анекдоты про «москалей» и гуцулов из-за своей остроты в УССР рассказывались не только национально сознательными, но и теми, кто таковыми себя не считал¹³. Это говорит о том, что украинский политический фольклор стал понятен широкому кругу жителей УССР. Подобные тенденции, возможно, иллюстрируют начало центробежных процессов в Советском Союзе, которые привели к образованию национальных независимых государств, хотя данное утверждение можно назвать дискуссионным.

Средняя сила действия (параметр, который рассчитывается согласно тому, на сколько объектов в анекдоте действует интересующий нас персонаж; демонстрирует уважение к прототипу персонажа или его значимость для распространителей фольклора) «украинца» и «хохла» довольно сильно различаются. Так, средняя сила «украинца» равна 0,31 (если принять силу действия всех персонажей в анекдотах за 1). Причем, если до Второй мировой войны сила действия «украинца» увеличивается, в дальнейшем заметен её спад (см. рис. 2). Средняя сила действия «хохла» больше: 0,41 (негативный и действенный «хохол» в 85% анекдотов выступает как субъект, а униженный «украинец» выступает таковым лишь в 25%). Причем в колебании силы действия «хохла» наблюдается другая тенденция: к 1991 году она увеличивается. Это иллюстрирует то, что до 1991 года формируются наиболее типичные образы слабого позитивно-несчастливого «украинца» и действенного негативно-смешного «хохла», что в свою очередь свидетельствует о более или менее окончательном формировании стереотипов о представителе украинского народа у самих украинцев и у их соседей.

Таким образом, в советских политических анекдотах формируются два разных образа представителя украинского народа: образ украинца и

¹³ Интервью с Джекобс Любовью Петровной // ЛА. Ан. 039; Интервью с Мартыновым Алексеем Павловичем; Интервью с Литовченко Сергеем Дмитриевичем; Интервью с Наумовым Сергеем Александровичем.

образ хохла. Образ украинца чаще всего положительный или «несчастный». «Украинец» (варианты: «гуцул», «киевлянин», «львовянин») в большинстве случаев страдает от несчастий, чаще объект, чем субъект, весьма негативно относится к «москалям», ассоциирующимся в анекдотах с «советским». Образ хохла преимущественно негативно-отрицательный, чаще субъект, чем объект, с использованием этнических маркеров: пародия на украинский язык, усы, шаровары, сало и т. п. Анекдоты с «украинцем», вероятно, создавались и преимущественно распространялись теми, кто идентифицировал себя как представителя украинского народа, а анекдоты про «хохла» — соседями украинцев. Сила действия «украинца» меньше силы действия «хохла». Активность распространения образов представителя украинского народа в советских политических анекдотах зависела от актуальности украинской тематики в обществе. К 1991 году происходит более или менее окончательное формирование стереотипных представлений о представителе украинского народа у самих украинцев и у их соседей.

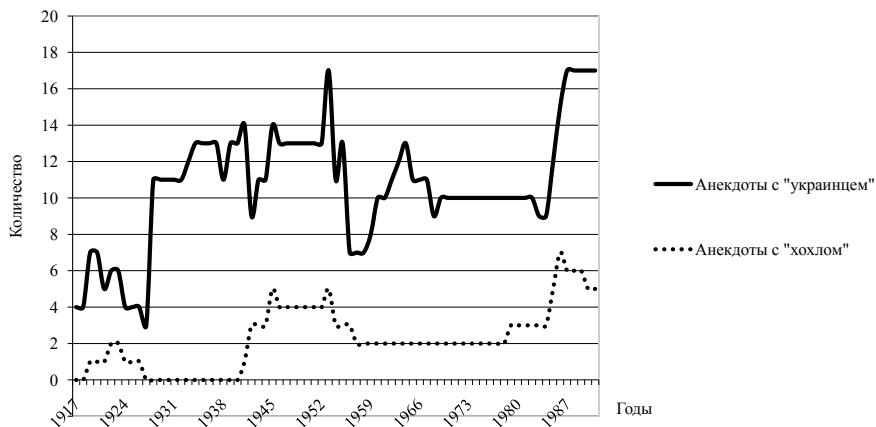

Рис. 1. Активность создания анекдотов с «украинцем» и «хохлою»*

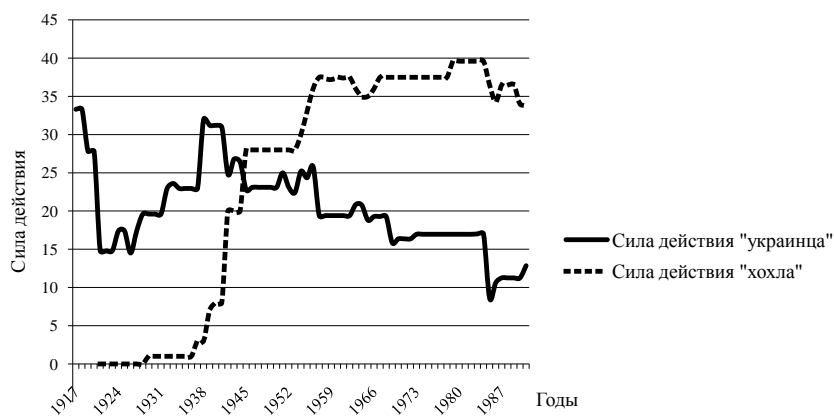

Рис. 2 Сила действия «украинца» и «хохла» в советских политических анекдотах*

* Подсчитано на основе реляционной базы данных «Советские политические анекдоты» / Сост. Еремеева Е.А.

Жабенко Алиса

Европейский университет в Санкт-Петербурге
факультет политических наук и социологии, слушатель, 2 курс
zhabenko@gmail.com

«ЛЕСБИЯНСТВА НЕ БЫЛО»: НЕЛЕГИТИМНЫЙ ГЕНДЕРНЫЙ КОНТРАКТ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

В 2010 году я провела исследование, посвященное родительским практикам в лесбийских семьях¹. Многие из моих информанток были женщинами, которые жили и социализировались в советское время. К сожалению, особенности советского контекста не нашли отражения в моей диссертации, так как мной ставились другие задачи. Тем не менее, истории этих женщин удивительны, поскольку условия их жизнедеятельности и создания семьи в условиях всероссийского запрета гомосексуальности были сложны. Согласно статье 121 Уголовного кодекса Российской Федерации за него наказывали лишением свободы до пяти лет².

В данной работе я постараюсь рассказать о повседневных практиках жизни, любви, создания семьи в условиях запрещенной сексуальности. В работе будут использованы полученные мною данные, а также вторичные материалы авторов нескольких работ, посвященных гомосексуальности в России.

К сожалению, не так много исследователей занимается данным вопросом. На сегодняшний день существует несколько русских и западных работ, посвященных этой проблематике. Из работ, непосредственно касающихся гомосексуальности в советской России, хотелось бы отметить Дэна Хейли³, который занимается вопросом репрессий в отношении мужской гомосексуальности в эпоху сталинского режима. Английская

¹ Исследование родительских практик в лесбийской семье проведено в 2009 году в рамках гендерной программы Европейского университета в Санкт-Петербурге под руководством профессора факультета политических наук и социологии Анны Темкиной.

² Кон. И.С. Сексуальная культура в России. Клубничка на березке. М., 2005.

³ Healey D. Homosexual Existence and Existing Socialism New Light on the Repression of Male Homosexuality in Stalin's Russia // GLQ: A Journal of Lesbian and Gay Studies, 2002. Vol. 8. N 3. P. 349–378.

исследовательница Франческа Стелла исследует лесбийство в России⁴, несколько ее работ посвящены непосредственно советскому периоду. Она анализирует женскую и семейную политику от 1920-х до 1980-х годов, а также конструирует идентичность советской лесбиянки, опираясь на работу Лоры Эссиг. Книга американской исследовательницы Эссиг не касается напрямую советской эпохи. Ее исследования проводилось в 1994 году, уже после отмены статьи за гомосексуализм. Влияние советского периода остается сильным в 1990-е годы, поэтому выводы автора продолжают быть актуальными.

В перечисленных работах вопрос лесбийской семьи напрямую не рассматривается. Моей задачей является восстановление данных об этой важной части повседневности лесбиянок советской эпохи, основанное на первичных данных, полученных в ходе исследования.

Для данной работы мною были использованы шесть полуструктурированных интервью женщин от 42 до 55 лет, состоящих на данный момент или состоявших ранее в длительных отношениях с женщиной и имеющих детей. Пять информанток проживают в Санкт-Петербурге, одна — в Ростове-на-Дону.

Как пишет Анна Темкина в своей монографии «Сексуальная жизнь женщины», в позднесоветский период сценарий сексуальной жизни не являлся жестко регламентирующим повседневность, но он определял основные стандарты: гетеросексуальность, связь брака и деторождения, гендерные различия⁵. Государственная политика в отношении женской сексуальности изменялась на протяжении всего советского периода: от либерализации до умолчания и репрессий⁶.

Либерализация сексуальности была очень недолгой и продолжалась короткий период в 30-е годы, тогда как усиление контроля в отношении женской сексуальности и репродуктивных практик составляло важную часть советской идеологии⁷.

⁴ *Stella F.* The right to be different? Sexual citizenship and its politics in post-Soviet Russia // *Gender, Equality and Difference during and after State Socialism* / Ed. by R. Kay. Palgrave, 2007.

⁵ *Темкина А.* Сексуальная жизнь женщины: между подчинением и свободой. СПб., 2008. С. 18.

⁶ Там же. С. 29.

⁷ *Здравомыслова Е., Темкина А.* Советский этакратический гендерный порядок // *Российский гендерный порядок: социологический подход: коллективная монография* / Под. ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. СПб., 2007. С. 101.

Анна Темкина и Анна Роткирх выделяют три гендерных контракта, существующих в России⁸, в числе которых упоминается нелегитимный контракт. Под ним подразумеваются гендерные нормы и практики, которые подвергались репрессиям, были скрытыми и/или криминальными⁹. Этот контракт связан как с проституцией, так и с гомосексуальностью, — областями, которые в то время были запрещены законодательно и криминально преследовались¹⁰. Лесбиянство и бисексуализм уголовному преследованию не подлежали, поскольку считались в СССР несуществующими.

Несомненной причиной является ценность демографической функции семьи в советское время. Ценность нуклеарной семьи как ячейки общества, ценность материнства и родительства исключало возможность существования ненормативных сексуальностей. Взаимоисключение материнства и лесбиянства существует до сих пор, надо сказать, не только в России, но и на Западе. Современный повседневный дискурс представляет лесбийскую сексуальность в гедонистическом ключе, не связанном с возможностью исполнения материнской роли. В советское время женская сексуальность напрямую была связана с материнством. Советская идеология определяла материнскую роль как естественно присущую каждой женщине. Исходя из этого, сексуальная жизнь женщины и ее репродуктивность строго контролировались государством. Лесбийская сексуальность была идеологически не подходящей, поскольку теоретически была не направлена на рождение детей. Лесбиянство считалось ненормальной, девиантной, нелегитимной сексуальной практикой, подвергалось лечению и искоренению. Как пишет в своей книге Эссиг, лесбиянок отправляли в больницы на лечение собственные семьи¹¹.

До 1993 года не было официальных мест для встречи гомосексуалов. Как я уже отмечала выше, гомосексуальная ориентация крайне осуждалась: *«А он [страх] был неосознанный. Во-первых, вот эта пресловутая статья, которая на мужчин распространялась, но лесбиянства как-то*

⁸ Подробнее об остальных: Темкина А.А., Роткирх А. Советские гендерные контракты и их трансформации в современной России // Российский гендерный порядок: социологический подход: коллективная монография / Под. ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб., 2007. С. 185.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 187.

¹¹ Essig L. Queer in Russia. A Story of sex, self, and the Other. Duke University Press, 1999.

не было. Гомосексуализм был, а лесбиянства не было. Мое поколение, наверное, менее запугано было. Все-таки 50-е годы мы росли, когда не было сталинского режима... статья пошла оттуда, при нем она была. У нас вообще было от родителей, с молоком матери, как говорят, ничего лишнего не говорить вслух. Этот дамоклов меч 37 года, на некоторых он до сих пор висит. А лично моего страха — нет. Когда я приходила куда-то на работу встречать [партнершу] или мы вместе работали. Я могу подойти так же, как ко всем остальным... без... [особого отношения]» (Катя, 58 лет).

Лесбийский опыт не проговаривался вслух. Это была запретная тема и для самих женщин. Как утверждают информантки, они ничем не отличались от всех женщин советского периода, отмечают только короткую стрижку женщин, которых они из своего опыта знали как лесбиянок. Советская лесбийская идентичность не изучается современными исследователями, тем не менее, описание российских лесбиянок можно найти у Эссиг¹². Несмотря на то, что она описывает уже поздний период — 1994 год, можно предположить, что данная идентичность имеет историю. Л. Эссиг отмечает, что лесбиянки в Москве старались носить мужскую одежду и прически, культивируя в себе маскулинность. Описание такого гендерного дисплея не встречается в интервью, наоборот информантки артикулируют невозможность понять по женщине, какой она ориентации: «Видишь, мы же их (лесбиянок) вообще не знали, никто ничего не афишировал, никто о себе не говорил» (Катя, 58 лет).

Несмотря на законодательный запрет, существовавший в те годы, у женщин была возможность найти партнершу, хотя условий для этого не было. Друг друга они узнавали в личном общении по взгляду, разговору: «Ориентация определялась по поведению. Если мы нравились друг другу, если явной была симпатия, то можно было продолжать. Практически все было втемную, “на ощупь”, но люди подобного рода всегда были, есть и будут, они всегда найдут друг друга» (Лена, 52 года).

Обычные места для знакомства в то время: работа, выставки, театр, парк или скамейка на улице.

Работа — это важный период и место для всех информанток, что неудивительно, если посмотреть на это с точки зрения советской идеологии. На работе знакомились, встречались, узнавали об ориентации друг друга, делали камин-аут, сплетничали.

Информантки приводили примеры постоянных отношений знакомых с работы, об ориентации которых они знали: «У нас на работе была

¹² *Essig L. Queer in Russia. A Story of sex, self, and the Other.*

одна врач, я знала ее, а потом мне сказали, что она жила с женщиной тоже с работы. Отношение было обычное, ее не притесняли, не оскорбляли, хотя все знали, все было без проблем» (Мария, 55 лет). *«Я проработала пять лет, наверное, у меня главбух была лесбиянка. Жила с девочкой, на тот момент уже лет пять»* (Катя, 58 лет).

Камин-аут (раскрытие идентичности) на работе имел различные последствия. Если в первом случае женщинам повезло и все обошлось без репрессий, то во втором случае девушку в итоге уволили именно из-за гомосексуальной ориентации. Одна из информанток рассказывала, что на работе ее ориентацию обсуждали на собрании: *«Тогда, когда это выводилось на товарищеский суд, на производственном собрании. Сейчас будем обсуждать Татьяну, что она ведет аморальный образ жизни. Реально было собрано собрание ВЦО, где сидела куча народу и обсуждалась моя аморальная жизнь, вот что, кстати, помогло мне приобрести очень много друзей, честно. Начальство хотело, чтобы мне объявили бойкот, правда, были такие, которые объявили, конечно, но как ни странно, некоторые — нет. Но приобретение друзей было, я очень удивилась»* (Татьяна, 43 года).

Исходя из советской идеологии, другой важной частью жизни женщины была семья. По данным моего исследования, нелегитимный гендерный контракт женщины сочетали с повседневным. У большинства лесбиянок, живших в советское время, были гетеросексуальные семьи. Семья воспринималась как нечто естественное, не навязанное, но необходимое: *«К тому, что надо выходить замуж — относилась естественно, протеста не было. Это не вызывало во мне никаких негативных чувств, не было ощущения насилия. Я хотела ребенка, хотела семью»* (Лена, 52 года).

Траектории жизни информанток очень похожи. Они принимают решения о замужестве в контексте материнства, параллельно у них есть постоянные отношения с женщинами, но ребенок играет ключевую роль при окончательном выборе в пользу гетеросексуального брака: *«Замуж вышла, потому что мой муж мне был сужден, как муж. В этот же период у меня была страстная любовь с девушкой. На фоне этой любви я вышла замуж и родила ребенка. Моя любимая спокойно относилась к этому, заботилась обо мне, когда я была беременная, никакой ревности или протеста не было, хотя мы любили друг друга. Позже и она вышла замуж»* (Лена, 52 года).

Катя приняла окончательное решение о замужестве после беременности первым ребенком, несмотря на то, что находилась в постоянных отношениях с девушкой длительное время: *«Там происходит естествен-*

ная физиологическая задержка. Я думаю, ну а что делать, мне уже двадцать пять, Петровна [партнерша] мне вот-вот скажет «адиос», ну я своему мужу и сказала будущему: “Ну, давай, или делай мне предложение, или...” И пятого января, не самый прекрасный день в моей жизни... но я не жалею, потому что дети, которые родились...” (Катя, 58 лет).

В период замужества некоторые информантки встречались с женщинами на постоянной и случайной основе: «Я ничего не скрывала, мои встречи и общение были у всех на виду, но все относилось к этому как-то естественно и спокойно. Проблем не было. Однажды он [муж] вошел в комнату, когда мы целовались. Мы перестали, он вел себя как ни в чем не бывало, мы тоже. И потом никаких разговоров не было» (Лена, 52 года).

Информантки очень чувствительно отнеслись к либерализации гомосексуальных отношений после отмены уголовного преследования в 90-е годы. Как они сами отмечают, стало больше возможностей для общения, встреч и знакомств. Начали открывать кафе и клубы, ориентированные на гомосексуальную публику. Несколько из таких заведений описывает в своей книге Л. Эссиг. Такие кафе были непримечательны, у них не было особенных вывесок, постоянные посетители узнавали их месторасположение через друзей. Часто они работали днем как обычные кафе. А вечером внутри устраивались встречи для гомосексуалов. Эти возможности позволили лесбиянкам свободнее вести себя в обществе и в семье.

Своим детям информантки часто не рассказывали о своей сексуальности до периода либерализации гомосексуальных отношений (после 1994 года). Именно либерализация дала возможность говорить о гомосексуальности открыто не только в обществе, но и в своей семье: «Перед моим днем рождения это было. Я детей собрала в кафешке, говорю: “Дети, мы с папой будем разъезжаться, а я люблю Женю”. Они уже большие были, взрослые. Они мне сказали: “Твоя жизнь”. Это было семь лет назад, дочери было двадцать три, а сыну двадцать пять».

Некоторые информантки впоследствии разводились с мужьями, строили семью открыто с женщиной, воспитывали вместе детей. С распадом советской идеологии начался распад обязательных нормативных (гетеросексуальных) форм семьи. Женщины получили возможность выбирать приемлемую форму отношений, избегая сложных практик сочетания лесбийской сексуальности и поддержания гетеросексуального брака, сочетания нелегитимного гендерного контракта с повседневным.

Статью за уголовное преследование гомосексуальности отменили совсем недавно, семнадцать лет назад. Эта веха значительно повлияла на дальнейшие практики тех, кто жил и социализировался в то время, впитывая советскую и постсоветскую идеологию, и на тех, кто вырос позже, в период либеральных реформ. Мы не можем игнорировать советский контекст, работая над проблемой однополых семей, поскольку влияние советского периода на вопрос камин-аута и гомофобии очевиден. Практики, как и возможности молодых лесбиянок сегодня очень отличаются от практик и возможностей тех, кто жил в советский период: это новые репродуктивные технологии, организация совместного досуга, новые культурные практики, ЛГБТ-движение и прочее.

Зайцева Оксана

Европейский университет в Санкт-Петербурге,
факультет истории, слушатель, 3 курс
oksana.s86@mail.ru

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРОПАГАНДА КАК СРЕДСТВО ПОДАВЛЕНИЯ ЗАБАСТОВОК НА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ В НАЧАЛЕ 1920-х ГОДОВ

**(на примере газет «Петроградская правда», «Красная газета»,
«Смена»)**

Забастовки на заводах и фабриках Петрограда в начале 1920-х годов имели массовый характер, поэтому их урегулирование являлось актуальной задачей партийных и советских структур. Одним из способов воздействия на рабочих являлась государственная пропаганда.

Особое внимание уделялось молодым рабочим, значительная часть которых являлась членами Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи (ВЛКСМ). Производственная пропаганда ВЛКСМ имела несколько направлений. Первое — убедить работающую молодежь в необходимости наладить промышленное производство, поднять трудовую дисциплину, производительность труда каждого молодого рабочего. Одним из приоритетов пропаганды считалось убедить молодежь в необходимости борьбы против забастовок. Второе направление — ознакомление с организацией предприятий и всей промышленности¹. Главный аргумент при убеждении во вредности вольночек состоял в необходимости исправления недостатков советского правительства. Основная стратегия данного процесса заключалась в сближении партийной и беспартийной молодежи с целью поддержки и пропаганды идей коммунизма. Одним из лозунгов, опубликованных в газете «Смена», был призыв к повышению политической культуры молодых рабочих и усилению проявления их интереса к политике².

Возникновение подобных призывов было вызвано негативным влиянием массовых «вольночек» на отношение молодежи к власти большевиков. Например, некоторые молодые рабочие на заводе мореходных ин-

¹ *Петербургский М.* Подумаем, вырешим и приступим к делу // *Смена.* 1921. 20 февраля.

² Наши недочеты // *Смена.* 1921. 15 апреля.

струментов объявили о коллективном выходе из Союза молодежи и разорвали свои членские книжки. Данный поступок трактовался в опубликованном письме одного из читателей газеты «Смена» как пример проявления трусости и малодушия. При этом подчеркивалось, что Союз молодежи не нуждается в подобных членах³. В «Петроградской правде» существование подобных инцидентов объяснялось психологией, присущей подросткам: невыдержанностью, вспыльчивостью, излишней реакционностью. Отмечалось, что подростки первыми восприняли лозунги меньшевиков и выступили против советского правительства⁴.

Отдельное внимание уделялось детям рабочих, участвовавших в массовых «волынках» в начале 1921 года. Призыв не поддерживать своих родителей содержался в листовках Петроградского комитета РКП(б) и Губернского совета профсоюзов, которые распространялись среди рабочих. Молодежь убеждали в необходимости помочь правительству выйти из кризисной ситуации. Массовость данного призыва осуществлялась при помощи советской прессы. Например, в газете «Петроградская правда» приводился случай, когда большевистская листовка с призывами к молодежи вызывала осознание бесполезности забастовок и «волынок» среди взрослых рабочих⁵.

Основные причины недовольства рабочих, которые нередко являлись поводом для забастовок, заключались в недостатке продуктов питания, несвоевременной выплате заработной платы. Рабочим была предложена следующая версия властей. В ситуации жесткого экономического кризиса, перебоев в движении железнодорожного и городского транспорта случалось, что продукты вовремя не поступали в Петроград и какое-то время находились на промежуточных станциях. Сложность ситуации заключалась в том, что из-за массового характера перебоев в движении транспорта информация не всегда вовремя поступала в государственные организации. Решение этой проблемы видели в привлечении населения к оповещению о задержках в перевозке продуктов питания. Основной акцент делался на убеждении граждан в их возможности изменить положение в стране к лучшему⁶.

Ухудшение положения с топливом и продовольствием иногда трактовалось в качестве неизбежной проблемы молодого «неокрепшего» го-

³ П-в. Письма читателей. Струсил! // Смена. 1921. 15 апреля.

⁴ Гранин А. За работу // Петроградская правда. 1921. 1 марта.

⁵ К. Ф. Около листовки // Петроградская правда. 1921. 1 марта.

⁶ Военмор А. Из пустого в порожнее // Красная газета. 1921. 1 января.

сударства⁷. Позднее на страницах «Петроградской правды» было опубликовано письмо беспартийного рабочего с призывом не верить в виновность большевиков за возникновение экономического кризиса в стране. Главная причина недостатка продуктов питания в стране объяснялась «континентальной блокадой». Аргументом в пользу защиты существующей власти признавалась возможность мести за национализацию собственности бывших владельцев банков и фабрик⁸. Необходимо подчеркнуть, что в подобных статьях наиболее отчетливо ощущается влияние большевистских агитационно–пропагандистских кампаний. В агитационных листовках экономические трудности советского государства в начале 1920-х годов объяснялись участием государства в военных действиях на протяжении семи лет⁹.

Более всего власти опасались распространения антибольшевистских листовок с воззванием поддержать кронштадских мятежников. В листовке рабочих завода «Новый Арсеналец» предлагалось выразить солидарность восставшим и бросить работу. При этом основной акцент делался на уничтожении диктатуры партий и новых «тиранов», а не на уничтожении власти Советов¹⁰. Появление подобных листовок нашло отражение на страницах петроградской прессы. Возникновение подобной печатной продукции объяснялось деятельностью оппозиционной партии социал-революционеров. Необходимо отметить, что официальное название партии в газете не называлось, а преобразовывалось в оскорбительное «социал-предатели» или «социал-прохвосты»¹¹. Следует подчеркнуть, что в разговорный язык рабочих нередко включались слова и выражения, свойственные основным лозунгам большевиков. Например, на страницах газет можно было встретить статьи беспартийных рабочих, где содержались подобные высказывания: «социал-прохвосты всегда старались и стараются вколотить клин среди трудящихся нашей дорогой, еще не окрепшей республики», «буржуа решили, не железные же мы, в самом деле...»¹²

⁷ Обращение беспартийного рабочего завода «Треугольник» И. Яковлева // Красная газета. 1921. 4 марта.

⁸ Федоров П. Отклики и письма // Петроградская правда. 1921. 12 марта.

⁹ Листовка Губернского комитета по трудовому дезертирству // ЦГАИПД. Ф. 16. Оп. 9. Д. 9336. Л. 146.

¹⁰ Листовка рабочих завода «Новый Арсенал» с призывом поддержать Кронштадское восстание не позднее 7 марта 1921 г. // Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». Октябрь 1917–1929. Экономические конфликты и политический протест. СПб., 2000. С. 264–265.

¹¹ Обращение беспартийного рабочего завода «Треугольник» И. Яковлева.

¹² Там же.

Основным врагом коммунистической власти и всех рабочих в 1920-х годах объявлялись меньшевики, эсеры и белогвардейцы. Принципы их действий объяснялись желанием разрушить советскую республику, позволить войти на территорию Советской России иностранным интервентам. Осуществление подобного плана, как отмечалось в антизабастовочных листовках, гарантировало бы возникновение новой войны и беспорядков. Война вызвала бы дополнительные жертвы и позволила бы контрреволюционерам заниматься грабежами и насилием¹³. Особого внимания заслуживали действия эсеров, которые призывали бросить работу на отдельном предприятии по примеру остальных заводов и фабрик. Рабочих призывали не поддаваться на провокацию врагов советской России и уверяли в отсутствии массовых забастовок на предприятиях города¹⁴. Реакция рабочих на подобные публикации иногда отчетливо показывала, что версии властей не верили. Например, в ремонтной мастерской рабочие покинули свои места, так как в газете «Петроградская правда» было опубликовано сообщение о приостановлении работы из-за дровяного кризиса на несколько дней — разумеется, этим воспользовались как удобным поводом¹⁵.

Редкая информация о забастовках содержалась в воззваниях к рабочим. Часто бесполезность проведения на петроградских фабриках и заводах «волынок» объяснялась тем, что забастовка рабочих была направлена прежде всего против таких же рабочих, которые занимали руководящие должности. Во-вторых, по прошествии времени становилось ясно, что экономическая и топливная ситуация только ухудшается из-за остановки работы предприятия, поэтому выбранный метод проявления недовольства явно был неправильным¹⁶. «Волынщики», или трудовые дезертиры, признавались врагами трудящихся и «грабителями чужого труда», поэтому подчеркивалось, что их необходимо держать в лагерях, в полной изоляции от граждан «свободного» государства¹⁷.

¹³ Листовка Петербургского комитета РКП «Кому это надо?». 1921 г. // «Горячешный и триумфальный город». Петроград: от «военного коммунизма» к НЭПу: Документы и материалы. СПб., 2000. С. 231–233.

¹⁴ Листовка Петроградского Совета «Ко всем трудящимся Петрограда». Не ранее 8 марта 1921 г. // «Горячешный и триумфальный город»... С. 32–33.

¹⁵ Докладная записка инструктора хозяйственного отдела ремонтной мастерской об уходе рабочих с производства от 3 февраля 1921 г. // «Горячешный и триумфальный город»... С. 19.

¹⁶ *Гордон Н.* Из воынки и бузы вышел царский генерал // Петроградская правда. 1921. 7 марта.

¹⁷ Листовка Губернского комитета по трудовому дезертирству. // ЦГАИПД. Ф. 16. Оп. 9. Д. 9336. Л. 191.

На страницах большевистских периодических изданий информация о забастовках и волынках рабочих часто скрывалась или появлялась в виде кратких заметок о происшествии на каком-либо предприятии Петрограда. Нередко читатели газет могли встретить письма или статьи о проблемах, существующих на заводах и фабриках, и предложения о мерах разрешения или предотвращения появления подобных задач. Иногда ставился вопрос об ответственности за массовые прогулы, беспричинные остановки заводов не только заводоуправления и членов заводского комитета, но и самих рабочих. Предлагалось перенять опыт наказаний за укрывательство дезертиров Красной армии¹⁸. Появлялись статьи, характеризующие негативное отношение рабочих к неравноправию администрации заводов и его штатных сотрудников. Как правило, подобные статьи содержали краткий обзор основных вопросов, обсуждаемых на конференциях членов профсоюзов различных отраслей промышленности. Нередко эта проблема являлась причиной возникновения забастовок на предприятиях города. Основная задача агитационной работы заключалась в убеждении горожан в сложности установления полного равенства за короткое время. Особо выделялась необходимость приоритета государственных интересов над личными интересами рабочих для скорейшего достижения абсолютного равноправия¹⁹.

Решение экономических проблем агитационный отдел прежде всего видел в увеличении интенсивности труда. Стоит заметить, что в антизабастовочных статьях нередко звучали лозунги большевиков, которые предназначались рабочим: «рабочие не пойдут на провокацию», «дружно все за работу», «к станкам», «не назад к капитализму, а навстречу мировому пролетариату». При этом выражалась убежденность в том, что рабочие сами поймут, кто предлагает им фальшивые лозунги. Полная ликвидация «волынок» трактовалась как «ответ капиталистам и белогвардейским шпионам»²⁰.

Методы убеждения сочетались с методами принуждения. Наряду с агитационными статьями распространялась информация правового характера. Например, в марте 1921 года в «Красной газете» было опубликовано постановление Петроградского отдела труда о лишении заработной платы с 28 февраля рабочих, которые не вышли на работу после

¹⁸ На производственные темы. Круговая порука // Красная газета. 1921. 4 января.

¹⁹ Порт-Янский. Дело в нас самих. (На конференции пищевиков) // Красная газета. 1921. 1 февраля.

²⁰ Агитационный отдел второго городского района. На нас смотрят // Красная газета. 1921. 1 марта.

обращения Петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов²¹. Подобные меры принимались для того, чтобы донести правовую информацию до широких масс рабочих и известить их об административной ответственности за незаконные действия. Кроме того, появлялись статьи с призывами немедленного уничтожения всех недовольных советской властью и прекращения «волынок»²².

Некоторые агитационные статьи ставили в пример рабочих отдельных отраслей промышленности — их нежелание поддерживать провокационные призывы и мешать нормальной работе предприятия. Например, отмечалось, что на собрании секретарей фабричных комитетов всех питерских типографий большинство печатников «расправятся» со всеми, кто хочет восстановить дореволюционный порядок и ввести частную собственность на владение промышленными предприятиями города. Подобные заявления звучали среди молодежи. На собрании молодых рабочих Второй государственной типографии в чрезвычайных условиях была принята резолюция. Основные тезисы, принятые в ней, были направлены на ликвидацию кронштадских бунтовщиков и волынок²³.

Подобная информация приводилась для того, чтобы убедить рабочих в отсутствии конформационных действий среди представителей отдельных отраслей промышленности. Причина распространения таких сведений заключалась в том, что часто забастовки на одном заводе являлись причиной возникновения забастовок на другом предприятии Петрограда. Можно предположить, что подобная стратегия распространения информации была направлена на использование механизмов распространения забастовок для их ликвидации. Прекращение массовых забастовок в одной из отраслей промышленности влияло на ликвидацию забастовок в другой отрасли.

Пытаясь локализовать масштаб забастовок, партийные и советские структуры развернули мощную антизабастовочную кампанию. Она охватила все категории рабочих и призывала отказаться от любых конформационных действий против властей. Особое значение имели антизабастовочные публикации пробольшевистских периодических изданий при запрещении выпуска оппозиционных газет. Чаще всего они публиковались в тех петроградских газетах, которые были предназначе-

²¹ Волыньщики не получают заработной платы // Красная газета. 1921. 2 марта.

²² На борьбу с белогвардейским мятежом. Не «волынить» с врагами // Петроградская правда. 1921. 5 марта.

²³ Отпор шептунам // Красная газета. 1921. 3 марта; Юные печатники // Смена. 1921. 15 марта.

ны для распространения среди рабочих. Увеличение тиража и количества полос большевистских периодических изданий позволило публиковать немало статей агитационно-пропагандистского характера, правительственных распоряжений о политике по отношению к рабочим, что позволяло представить большевиков как защитников рабочих промышленных предприятий. Последствием этого стало ограничение числа забастовочных выступлений, большой отклик рабочих на призыв организовать диалог, отказ от открытых конфронтационных действий, осознание рабочими негативных экономических и политических последствий забастовок на заводах и фабриках.

Иванова Анна

Институт российской истории
Российской академии наук, аспирантка
anna.s.ivanova@gmail.com

МОРАЛЬНАЯ ОЦЕНКА «ПРИВИЛЕГИЙ» И «ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ» В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ДИСКУССИЯ О МАГАЗИНАХ «БЕРЕЗКА» В КОНЦЕ 1980-х ГОДОВ

Тема магазинов «Березка» в советской прессе была табуирована. Про то, что за валюту или за ее заменители — специальные чеки — можно приобрести товары, которых в обычных магазинах за рубли не достанешь, писать было нельзя так же, как и про другие привилегии в распределении материальных благ (за исключением «легальных» привилегий инвалидам, многодетным семьям и др.). Однако о существовании подобных магазинов было известно многим, и разговоры о роли системы валютной торговли в жизни общества, очевидно, велись. Такую реплику, например, приводит в своей книге о жизни в СССР американец Хедрик Смит, живший в Москве в 1970-е годы: «“Это так унижительно, так оскорбительно, что в нашей стране существуют магазины, в которых не принимают наших же собственных денег”, — гневно жаловался мне один служащий. Там не только не принимают советских денег, но и людей, у которых нет туда пропуска, заворачивает стоящая в дверях охрана — предмет особой обиды для некоторых моих друзей из числа русской интеллигенции, усматривающих в этом наглую насмешку над провозглашаемыми идеалами общественного равенства»¹.

Во второй половине 1980-х годов, с началом гласности, эти разговоры вылились на страницы газет. Интересно посмотреть, что именно говорилось про «валютные привилегии», с каких позиций велась дискуссия, и понять, насколько это соответствовало жизненным реалиям. Представляется, что анализ публичной полемики о валютных магазинах в эпоху перестройки может дать материал для размышлений о «морализации» экономики в СССР и в каком-то смысле о представлениях советской морали и отношении к потреблению в целом.

¹ *Смит Х.* Привилегированный класс: дачи и ЗИЛы // Юность. 1997. № 3–4.

Первая статья о «Березках» появилась в газете «Аргументы и факты» в августе 1986 года. Статья о «Березках» была подана в виде ответа на вопрос любопытствующего читателя. Хотя «Березки» к тому моменту существовали уже двадцать пять лет, читатель писал: «Не только меня, но и многих моих товарищей интересует, для чего созданы магазины “Березка”. Кто приобретает товары в них? Почему у этих магазинов толпятся разного рода перекупщики, аферисты?»²

Тем самым первая публикация на эту тему уже представляла собой реплику в неназванной полемике. Статья должна была объяснить людям, почему в СССР существуют магазины для избранных и почему эти магазины создают вокруг себя криминальную экономическую активность.

Однако сам факт говорения о «Березках» не означал обязательного разоблачения и обвинения кого-либо в создании неравенства или поисков причин создания такой привилегии. Наоборот, статья была призвана объяснить, что ничего плохого в таких магазинах нет, и «положить конец измышлениям».

В статье объяснялось, что у магазинов есть экономическая цель — заработать валюту для импорта необходимых всему обществу товаров.

Автор статьи подчеркивал, что большинство посетителей «Березки» — специалисты, работающие в странах, «освободившихся от колониального ига <...> с непривычными для нас, порой тяжелыми климатическими условиями, а подчас и в условиях сложной военно-политической обстановки»³. То есть, об элите, как будто отвечает кому-то автор статьи, речь не идет, напротив — дефицитными товарами награждаются люди, пережившие опыт, которому не позавидуешь.

И, наконец, третий пункт позиции АиФ заключается в том, что, в сущности, и товары, продающиеся в «Березках», не так исключительны: «заметим, что около 40% товаров, продаваемых в магазинах “Березка” на чеки, — отечественного производства», а «количество импортных товаров в “Березке” — менее 1% от общих закупок этих товаров за рубежом, т. е. их можно приобрести не только в этих, но и в других магазинах страны»⁴.

Отвечая на вопрос о спекуляции вокруг «Березки», автор пишет: «ведь туда, где дефицит, “престижные” вещи, люди такого сорта слетаются, как мухи на сладкое»⁵, чем уже абсолютно противоречит своему

² Вопрос — ответ // Аргументы и Факты. 1986. № 34. С. 8.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

тезису о том, что товары из «Березки» можно приобрести в любом другом магазине.

Итак, «оборона» статьи в АиФ строится на трех противоречащих друг другу тезисах. Первое: да, мы снабжаем заграничников как-то особенно, но это потому, что они трудятся в тяжелых условиях. Второе: нам приходится снабжать их особенно, потому что только они приносят нам необходимую валюту. Третье: никакого особенного снабжения в «Березках» нет — все то же можно найти в других магазинах страны.

Примерно через год получили публичное выражение и те тезисы, на которые как бы отвечала статья в АиФ. Рупором «антиберезочной» позиции стала «Литературная газета». Статья Павла Волина⁶ отчетливо делится на две части. Первая — снова о спекуляции: Волин подробно описывает, как цветет торговля «березочными» чеками за рубли около магазинов, какие состояния делаются на спекуляции вокруг «Березок», намекает, что даже сотрудники «Березок» замешаны в махинациях. Волин поясняет, что милиция бороться со всем этим криминальным миром просто не может, так как спекулянтов не за что сажать — доказать их преступление сложно, люди, у которых они покупают чеки за рубли, сами боятся уголовного преследования, а введение любой другой схемы оплаты в магазинах также немедленно будет криминализировано. «Так что же, ситуация безвыходная? Тупик? Нет, — переходит Волин ко второй и главной части своей статьи. — Выход есть. *Отменить чеки* (курсив мой. — А.И.). Вообще. *И закрыть “Березки”*. Все до единой. Только на рубли! Для всех одинаково. Это было бы законно, справедливо и высоконравственно»⁷.

Дальше автор статьи подробно разбирает два аргумента, приведенных в статье АиФ (не ссылаясь на нее). Первое — тяжелые условия труда бывают и у нас в СССР, а специальный доступ дают только заграничникам: «Социальная справедливость не только в том, чтобы труд оплачивался сполна, но и в одинаковой для всех возможности использовать заработанные деньги»⁸. Другой аргумент — о «Березке» как способе получить валюту в казну — Волин опровергает тем, что часть этой валюты все равно идет на закупку товаров для самих «Березок», а оставшаяся часть «составляет десятые доли одного процента годового объема нашего экспорта». Выгоднее было бы, советует автор, не закупать вовсе или эффективнее использовать то оборудование, которое закупается СССР за границей, а потом ржавеет на складе.

⁶ Волин П. В тени «Березки» // Литературная газета. 1987. № 44. С. 12.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

То есть, точка зрения, представленная «Литературной газетой», строится на двух аргументах: «Березки» плодят неравенство и криминал, а экономической выгоды государству при этом не приносят.

Поразительно, но позиция, изложенная в ЛГ, была немедленно рассмотрена на заседании Государственной внешнеэкономической комиссией Совета Министров СССР (образованной, кстати, 19 августа 1986 года — то есть в день публикации первой статьи в АиФ — случайное, скорее всего, совпадение, показывающее, однако, начало переоценки существующих во внешнеэкономической области установок). Совет Министров СССР в феврале 1988 года объявил о своем решении с июля отменить хождение чеков — заменителей валюты, а снабжение в «Березках» сделать безналичным, чтобы дать людям потратить скопившуюся на счетах валюту, а затем магазины «Березка» закрыть.

Несмотря на государственное решение, позиция защиты «Березки» не только сохранилась, но и сохранила те же аргументы. На этот раз рупором защитников «Березки» выступила «Экономическая газета». Нина Яковчук в июле 1988 года писала, что из-за «газетчиков, разжигавших страсти вокруг магазинов», пострадали люди, опять-таки, работавшие в тяжелых условиях: «Этого корреспондента послать бы к нам в Сахару, где мы тянули трубопровод, — цитирует Яковчук возмущенное письмо в редакцию. — На самые знойные месяцы рабочих из других стран увозили, а мы оставались, терпели ради страны»⁹. Однако идеология «страдания ради страны», которое нужно вознаградить привилегией, приходит в противоречие со следующим письмом, цитируемым в статье: «Выезжая на работу за границу, мы заключили контракт, который гарантировал оплату труда в инвалютных рублях, дававших возможность приобрести товары повышенного спроса в специализированных магазинах. Лишение нас этого права считаем торжеством уравниловки и глубокой несправедливостью»¹⁰. Чиновник, занимающийся наймом специалистов для работы за границей, подтверждает: «эта система торговли была мощным стимулом для привлечения квалифицированного персонала в те страны, где СССР ведет значительную работу по экономическому содействию и где купить человеку в сущности нечего. Посудите сами: горняка из Норильска, где он получал почти вдвое больше, мы посылаем в Монголию. Чем его там можно удержать? Вся надежда была на эти чертовы чеки»¹¹.

⁹ Яковчук Н. Назад к уравниловке: решили закрыть магазины «Березка» — а дальше? // Экономическая газета. 1988. № 30. С. 18–20.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

Чеки недаром «чертовы» — такая аргументация действительно подрывает идею о том, что люди работают «ради страны» — скорее речь идет о честном договоре, «контракте», как пишет цитированный выше заграничный работник. Люди работают тогда, когда можно что-то купить, и если они не могут купить за границей, им нужно покупать на Родине.

Продолжая полемику с оппонентами, автор «Экономической газеты» говорит, что «тезис о “социальной несправедливости” приравнивает владельцев чеков чуть ли не к носителям нетрудовых доходов», «ставит на одну доску честных людей и спекулянтов», в результате чего страдают те, кто «по мере необходимости скромно покупал необходимые предметы, которые не всегда бывают в обычных магазинах»¹². Представляется, что уравнение этих двух категорий имеет под собой основание и «скромная покупка необходимых предметов» является для этого уравнения ключевой.

Рассматривая публичную полемику о «Березках» на примере трех этих статей, можно, как представляется, увидеть некие неназываемые, но происходившие в советском обществе процессы. Разговор, хотя и велся в новых условиях, все равно был обусловлен имевшимся на тот момент языком, и шире — сознанием. Оппоненты согласны в том, что «Березки» плодят спекуляцию, а спорят о том, является ли доступ к магазинам привилегией или заслугой за страдания ради страны. Как кажется, терминами «спекуляция» и «привилегии» сложившаяся вокруг «Березок» жизнь не описывалась.

Действительно, до гласности не только разговоры о «Березках» публично не велись, но и вообще эта область считалась секретной. Например, инструкция о том, как должна обмениваться валюта на «березочные» чеки, должна была храниться в специальном сейфе: «Настораживает тот факт, что некоторые сотрудники управления вопреки требованиям инструкции “о порядке работы с документами для служебного пользования (ДСП)” допускают хранение инструкций сборников и других материалов ДСП в открытых столах, тогда как хранение этих документов должно осуществляться только в металлических шкафах. Например, в рабочем столе Т. Кулыгиной хранилась инструкция № 57 “О порядке обмена иностранной валюты на сертификаты”»¹³. Казалось бы, свидетельство привилегии налицо.

¹² Там же.

¹³ «О проверке состояния рабочих мест и хранения документации в Банке для внешней торговли». 19 мая 1976 // РГАЭ. Ф. 7590. Оп.17. Д. 458. Л. 372.

Однако постепенно не только магазины становились чем-то привычным, но даже чековые преступления считались все менее опасными. В соответствии с указом 1976 года «платежные документы в рублях, приобретаемые за иностранную валюту (каковыми являются сертификаты), не являются валютными ценностями»¹⁴. Тем самым, действительно, сближались «спекулянты» и «честно страдавшие» заграничные работники. В упоминавшейся выше статье Яковчук приводятся, среди прочего, слова замминистра торговли РСФСР В. Тихонова на этот счет: «Что ни говорите, а щелоковских времен “уточнение” закона об ослаблении ответственности за махинации с чеками валютного магазина, поскольку они-де не являются валютой, кому-то очень на руку»¹⁵.

Представляется, что в каком-то смысле они были «на руку» всей советской системе, отражая ее постепенную эволюцию. Официально богатых людей в СССР быть не могло¹⁶. Если люди не были «обычными советскими людьми», они были или номенклатурой, или немедленно попадали под подозрение в совершении экономических преступлений. Но работа за границей была способом заработать много денег и при этом еще иметь возможность обратить эти деньги в товары. Тем самым «Березка» как бы создавала некий класс зажиточных людей. Но эта зажиточность была особенная, сформированная государством. Вот что говорит жена бывшего заграничного работника: «А был какой-то способ разбогатеть, кроме работы за границей? — Ну, были, наверное, жулики элементарные и воры. Потому что другие все жили очень скромненько. Другие способы — все только нечестные. Вот наш способ, я могу перед кем угодно сказать, он был абсолютно честный, потому что нам эти деньги платило государство, не то что мы химичили, что-то перекручивали, обманывали — нет, только государство»¹⁷.

Советские граждане довольно быстро поняли, что в противовес морально и уголовно неприемлемому способу разбогатеть существует «честный», государственный. Но и морально и уголовно осуждаемый способ в это время стал получать все большее распространение. В «Березке» интересным образом за свою предприимчивость получали

¹⁴ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 ноября 1976 «О сделках с валютными ценностями на территории СССР» // Социалистическая законность. 1977. № 11. С. 77.

¹⁵ Яковчук Н. Назад к уравниловке...

¹⁶ М. Мэттьюс пишет об этом как о главном отличии советской элиты от западной (*Matthews M. Privilege in the Soviet Union. A Study of Elite Life-Styles under Communism. London, 1979. P. 8.*)

¹⁷ Интервью с В.В.Д., взятое автором 20 августа 2009 года.

дефицитные товары два рода людей: одни — осуждаемые за привилегии, и другие — осуждаемые за спекуляцию. Однако и то и другое осуждение существовало скорее только на словах, которым в конце 1980-х попытались вернуть их значение. Но привилегии в отношении «Березок» уже превратились к тому времени в способ заработать (как мы видели из писем в статье в ЭГ), а спекуляция стала не только и не столько криминальной активностью, сколько важным социальным явлением, формировавшим в СССР общество потребления, при всей условности применения этого термина в данном случае. Забавно при этом, что даже экономически это оказывалось оправданно: «Ну, во-первых, имея советские рубли, поиметь чеки была не проблема, а главное — получалось дешевле купить чеки, чем переплачивать за дефицит из-под прилавка в обычном магазине рублиями»¹⁸.

Итак, структура советского общества, стратегии жизненного поведения сильно изменились, но идеология неприятия самостоятельной экономической активности оставалась, а идеологии «социальной справедливости» пытались возратить ее значение. Даже когда об этом проблемах заговорили публично, язык не годился для реалий.

Тем ценнее, что все-таки гласность донесла до нас и некоторые высказывания людей, которым удалось отчасти вырваться из этой парадигмы. Читатель журнала «Огонек» так критиковал одну из напечатанных там либеральных и «разоблачительных» статей: «Авторы статьи “Черный рынок” (Огонек. 1987. № 3. С. 6–8) досадают, что современные мэнээсы, инженеры, а также интеллигентные пенсионеры не желают “в лучших традициях российской интеллигенции жить скромно, но честно и этим гордиться”. Это нежелание, дескать, выражается в случаях посредничества при перепродаже дефицита. Сам по себе факт посредничества восторга не вызывает, но возникает вопрос: как понимают авторы гордость по поводу жизни скромной, но честной? Должен ли человек гордиться добытой в томительной очереди плохого качества вареной колбасой? Я отнюдь не призываю включить спекуляцию в разряд высокоморальных действий. Я о другом: не надо смешивать экономические и нравственные проблемы»¹⁹.

Однако этот призыв не был услышан. Устремления большинства советских граждан не были переведены на новый язык, идея о том, что материальное благополучие может зависеть лично от тебя, так и не прижилась, а зарабатывание больших денег считается экономическим преступлением в головах большинства населения до сих пор.

¹⁸ Интервью с В.Б., взятое автором в ноябре 2010 года.

¹⁹ Письма читателей: А. Слепаков, Ростов-на-Дону // Огонек. 1987. № 44. С. 4.

Карпова Юлия

Центрально-Европейский университет (Central European University), Будапешт
факультет истории, 2 курс
yukki.karp@gmail.com

ДЕКОРАТИВНОЕ ИСКУССТВО СССР: КОНСТРУИРОВАНИЕ ОФИЦИАЛЬНОГО ДИСКУРСА О СОВЕТСКОМ ИСКУССТВЕ И МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ В КОНЦЕ 1950-Х — НАЧАЛЕ 1960-Х ГОДОВ

Представление о периоде правления Н.С. Хрущева как об эпохе «оттепели» и десталинизации все чаще воспринимается историками как клише, популярный миф, подлежащий развенчанию. Так, развивая популярное сравнение, Стивен Биттнер и Владислав Зубок говорят о «заморозках», «неустойчивой погоде» и «неясных прогнозах» хрущевского времени, Полли Джонс задается вопросом, достаточно ли емко понятие десталинизации для описания (и объяснения) всех важных событий эпохи, а искусствовед Юрий Герчук вообще называет политику Хрущева «в сущности тоталитарной»¹. Но, тем не менее, никто из современных исследователей хрущевской эпохи не решается отрицать её значения как эпохи перемен во всех сферах жизни советского общества.

Одной из таких перемен стала попытка масштабного проекта модернизации материальной культуры², ведущая роль в котором была доверена экспертам. Следствием этого было формирование — точнее, тщательное конструирование — официального дискурса о советской материальной культуре. В данном докладе конструирование хрущевского дискурса об искусстве будет рассмотрено на примере конкретного журнала — «*Декоративное искусство СССР*» (далее *ДИ СССР*). Учрежденный в 1957 новообразованным Союзом Художников СССР,

¹ *Bittner S.V.* The Many Lives of Khrushchev's «Thaw»: Experience and Memory in Moscow's Arbat. Ithaca, 2008; *Zubok V.M.* Zhivago's Children: The Last Russian Intelligentsia. Cambridge; Mass., 2009. *Jones P.* (ed.). The Dilemmas of De-Stalinization: Negotiating Cultural and Social Change in the Khrushchev Era. London, 2006. P. 2.

² Материальная культура — широкое понятие; в данном случае оно обозначает совокупность материальных артефактов, создаваемых, преобразуемых и потребляемых обществом. См: *Buchli V.* An Archeology of Socialism. Oxford, 1999; *Prown J.D.* The Truth of Material Culture: History or Fiction? // *History from Things: Essays on Material Culture* / Ed. by S. Lubar and W.D. Kingey. Washington, 1993. P. 1–19.

этот журнал был посвящен декоративному искусству, дизайну³ и материальной культуре и стал «оживленным форумом для дебатов»⁴. Широкий спектр тем, обсуждаемых в журнале — от рисунков для ткани до статуса художника в промышленности — во многом касался острых социально-политических вопросов современности.

Возникновение подобного журнала стало возможным благодаря укреплению позиций секций декоративно-прикладного искусства Московского и Ленинградского отделений Союза Художников с середины 1950-х годов. Чувствуя себя недооцененными коллегами-станковистами, так называемые «прикладники» все громче требовали признания в профессиональной среде и заявляли о необходимости собственного печатного органа. Требование было озвучено на I съезде советских художников, и вскоре удовлетворено⁵. Редакцию журнала образовала группа энтузиастов, среди которых был лишь один профессиональный журналист, а главный редактор, московский художник М.Ф. Ладур, никогда не работал в сфере издательского дела, но взялся руководить проектом с позиции эксперта в области декоративного искусства⁶.

Подробный анализ журнального дискурса от номера к номеру невозможен в рамках короткого выступления; я ограничусь рассмотрением трех достойных внимания тем. Следовательно, мой анализ будет репрезентативным, а не исчерпывающим; выбор тем обусловлен их малой изученностью в академической среде. Так, если дебаты о стиле, красоте и воспитании хорошего вкуса уже достаточно исследованы⁷, то я фоку-

³ Конечно, термины «декоративное искусство» и «дизайн» так же спорны и многозначны, как и термин «материальная культура». Кроме того, отношение между понятиями «декоративное», «прикладное» и «декоративно-прикладное» было предметом оживленных дебатов в рассматриваемый период и остается таковым по сей день. Задачей данного доклада не является четкая терминологическая дефиниция, для меня важнее стратегии построения дискурса. Поэтому здесь я, в инструментальных целях, придерживаюсь модели самих авторов *ДИ СССР*, где декоративное искусство охватывает всю область творческой деятельности, так или иначе связанную с массовой продукцией и широким потреблением, включая дизайн (его определение дано ниже в тексте).

⁴ Reid S.E. Destalinization and Taste, 1953–1963 // *Journal of Design History*. Vol. 10. N 2: Stalin, Design and the Thaw. 1997. P. 180.

⁵ ЦГАЛИ СПб. Ф. 78. Оп. 4. Ед. хр. 391 (1957).

⁶ Журнал выходил небольшим тиражом, сначала имел всего 2700 подписчиков, но к началу 1959 года их число почти удвоилось (ЦГАЛИ СПб. Оп. 4. Ед. хр. 398 (1958)).

⁷ Reid S.E. De-Stalinization and Taste 1953–1963. P. 180; Reid S.E. Cold War in the Kitchen: Gender and the De-Stalinization of consumer taste in the Soviet Union under

сирую внимание на таких темах, как место декоративного искусства в системе человеческой деятельности, художественный синтез и, наконец, практическое развитие художественной промышленности.

Между «истинным искусством» и промышленностью?

Дилемма «искусство versus промышленность» занимала умы эстетиков и арт-критиков с середины XIX века, легла основу эстетической системы Art Nouveau и становилась все более острой с развитием технологии — и, согласно знаменитому тезису Вальтера Беньямина, с ростом радикальных политических движений в Европе⁸. То, с каким волнением Беньямин говорит об опасности механического воспроизведения для аутентичности («ауры») арт-объекта, заставляет задуматься о границах искусства. В конце 1950-х годов художественные общества, как на Западе, так и в СССР, серьезно занялись обсуждением этого вопроса, что не замедлило отразиться на страницах *ДИ СССР*.

Первоочередной задачей журнала было определить и легитимировать «довольно обширную сферу» декоративного искусства. Несмотря на очевидную путаницу в терминологии, все авторы журнала более или менее придерживались следующей схемы: декоративное искусство включает прикладное искусство, монументально-декоративную живопись, декоративно-оформительское искусство, выставочное дело, промышленную графику, народные ремесла и промышленное искусство (образцы прикладного искусства, предназначенные для массовой продукции). Последний пункт — это, в сущности, дизайн в его западном понимании, официально закрепленном в 1969 году Международным советом обществ промышленного дизайна (ИКСИД): «Дизайн является творческой деятельностью, нацеленной на определение формальных качеств изделий, производимых промышленностью»⁹. Все эти виды деятельности, согласно *ДИ СССР*, объединены на основании их «органиче-

Khrushchev // *Slavic Review*, 2002 (Summer). Vol. 61. N 2. P. 211–252; Buchli V. Khrushchev, Modernism, and the Fight against Petit-bourgeois Consciousness in the Soviet Home // *Journal of Design History*. Vol. 10. N 2: Stalin, Design and the Thaw. 1997. P. 161–176; Gerschuk Iu. The Aesthetics of Everyday Life in the Khrushchev Thaw in the USSR (1954–64) // *Style and Socialism: Modernity and material culture in Post-War Eastern Europe* / Ed. by S.E. Reid and D. Crowley. Oxford, 2000. P. 81–100.

⁸ Benjamin W. *The Work of Art in the Age of Mechanical Reproduction (1935)* (<http://design.wishiewashie.com/HT5/WalterBenjaminTheWorkofArt.pdf>).

⁹ См. About Icsid [электронный ресурс] (<http://www.icsid.org/about/about/articles33.htm>).

ской связи» с утилитарной средой и образуют «эстетическую сторону всей материальной культуры»¹⁰.

Речь здесь идет, конечно, об «эстетике» особого типа, присущего не станковым формам искусства, но архитектуре — искусству, объединяющему художественное и утилитарное начало. Действительно, теоретики искусства хрущевского времени презентовали декоративное искусство наравне с архитектурой в системе искусства¹¹. Вопрос состоял в том, иерархична ли эта система. К примеру, в 1958 году искусствовед и философ М.С. Каган в своей полемической статье «Архитектура и прикладное искусство» обрушился с резкой критикой на коллег за недооценку архитектуры и прикладного искусства, представление их в промежуточном положении между трудом и «высоким искусством». Вполне в духе официальной советской риторики, Каган объявляет такие теории ошибочными, поскольку они отрицают единство труда и искусства, единство художественности и полезности в прикладном искусстве. Стоит признать это единство — и тут же «прикладные искусство и архитектура станут равными и полноценными видами художественной деятельности» — доказательством тому служат успехи советского прикладного искусства. «Только такая методология позволит эстетически выявить подлинную роль искусства в жизни человека и развитии человеческого общества», — утверждает Каган¹². Дидактизм и авторитарность языка, используемого Каганом (и многими другими авторами журнала) — отражение «проекта культурности», начатого при Сталине и реинтерпретированного при Хрущеве как инструмент борьбы с «мещанским сознанием» и излишествами в быту.

Сопоставление труда с искусством и связанная с этим критика «бур-

¹⁰ XXII съезд КПСС и задачи декоративного искусства // ДИ СССР. 1962. № 1. С. 1–2.

¹¹ Примечательно, что Беньямин выделяет архитектуру как особый случай искусства, требующий восприятия не только посредством зрения, но и посредством осязания, а значит, и привычки. Для Беньямина «задачи, возникающие перед человеческим аппаратом восприятия в поворотные моменты истории, неразрешимы лишь оптическими средствами, то есть одним созерцанием. Они развиваются постепенно через привычку, с помощью тактильного присвоения» (*Benjamin W. The Work of Art in the Age of Mechanical Reproduction*). Данное предположение можно отнести и к декоративному искусству (дизайну в особенности), поскольку его продукты воспринимаются тактильно и организуют область привычного — быт. Соответственно, будучи одновременно хранителем старых привычек и генератором новых, декоративное искусство приобретает особую значимость в «поворотные моменты истории», коим хрущевский период, несомненно, был.

¹² Каган М.С. Эстетика и прикладное искусство // ДИ СССР. 1958. № 1. С. 38–40.

жуазного» противопоставления труда и быта, начатая Каганом, получила полное развитие в журнале после 1961 года, когда на XXII съезде КПСС была принята программа ускоренного построения коммунизма. Если различие между бытом и трудом стирается, то, следовательно, труд должен быть облагорожен и украшен так же, как быт, и в это почетная задача художника. В сотрудничестве с архитектором и инженером на него возлагается обязанность по эстетизации труда¹³.

Признание декоративного искусства «настоящим искусством» породило ряд проблем. В частности, оно потребовало от прикладного искусства художественной выразительности и идеологической эффективности. Это противоречие старались решить, апеллируя к специфике художественных форм для промышленного производства. Художник по стеклу Б.А. Смирнов, к примеру, заявлял, что технология сама предоставляет особые средства для создания художественной формы, в то время как машинное копирование традиционных форм ремесла совершенно нелепо. Имитация мелкого гранения, золочения и т. п. «противоречит эстетическим потребностям советских людей и возможностям современной технологии стеклоделия»¹⁴. Мы видим пример дискурса интеллектуала, говорящего за общество, в котором взаимосвязаны эстетические, экономические и, подспудно, идеологические мотивы.

В то же время Смирнов не призывает к абсолютной стандартизации форм искусства, утверждая, что советское прикладное искусство не должно быть аскетическим и безобразным. Задачей художника промышленности была разработка индивидуальных форм и их *адаптация* к условиям промышленности. Эта идея была высказана четко и уверенной после провозглашения Программы XXII съезда КПСС: «ориентация на массовое промышленное производство не снимает необходимости в создании *уникальных* высокохудожественных промышленных изделий, на которые могло бы равняться массовое производство. Создание уникальных образцов — это своего рода *перспективное проектирование*, без которого массовое производство не может совершенствоваться»¹⁵ (выделено в оригинале). Собственно, это не что иное, как переложение западной концепции дизайнера на советскую почву.

¹³ XXII съезд КПСС и задачи декоративного искусства.

¹⁴ Смирнов Б. Художественный облик вещи и способ её изготовления // ДИ СССР. 1958. № 1. С. 17–20.

¹⁵ XXII Съезд КПСС и задачи декоративного искусства.

Художественный синтез по-советски

Принятие идеи дизайна все еще не решает вопроса, присуща ли изделиям массовой продукции идейность? Большинство авторов *ДИ СССР* отвечали утвердительно и критиковали «голый утилитаризм» (иногда связывая его с современным западным техницизмом)¹⁶. Конечно, «идейность» в данном контексте сильно отличается от «идейности» сталинского искусства. Если последняя означает «эстетизацию политики» и использование визуальных штампов для маскировки реальности¹⁷, то постсталинская «идейность» — это, скорее, эмоциональное воздействие на личность и коллектив посредством выразительных и тактильно воспринимаемых художественных форм. Главную эстетическую силу декоративного искусства следует искать не в иллюстративном дидактизме, а в способности пробудить в зрителе-потребителе «радость жизни и полноту бытия»¹⁸. Но, поскольку обнаружить «идейность» в единичном произведении прикладного искусства все-таки сложно, то решение было найдено в концепции художественного синтеза.

Как известно, идея синтеза искусств восходит к античности и имеет фундаментальное значение в истории европейского искусства. Но в культурной атмосфере десталинизации возникла потребность в синтезе нового типа. Эта потребность ясно высказана в статье архитектора Ю. Арндта в 1962 году. Изначально, говорит Арндт, архитектура доминировала в синтезе искусств. В течение Средних веков синтез стал дезинтегрироваться, и в эпоху Ренессанса живопись и скульптура окончательно обособились от архитектуры. С тех пор они развивались параллельно, но в некоторые моменты истории живопись или скульптура выходили на лидирующую роль, приводившую к чрезмерной орнаментации и упадку искусства. Это произошло и в недавнем советском прошлом, что ярко продемонстрировала Выставка достижений народного хозяйства в 1956 году. «Вряд ли можно найти пример большего нагромождения архитектурных излишеств, помпезной живописи и сусаль-

¹⁶ *Темерин С.* Принципы художественного оформления тканей // *ДИ СССР. 1959.* № 5. С. 44–48; *Кантор К.* Где же граница прикладного искусства? // *ДИ СССР. 1961.* № 6. С. 21–23; *Валериус С.* Неотложные задачи синтеза // *ДИ СССР. 1964.* № 11. С. 28–29.

¹⁷ *Гюнтер Х.* О красоте, которая не смогла спасти социализм // Новое литературное обозрение. 2010. № 101 (<http://www.nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/196/1717/1719>); *Groys B.* The Total Art of Stalinism: Avant-garde, aesthetic dictatorship, and beyond. Princeton, NJ, 1992.

¹⁸ *Темерин С.* Принципы художественного оформления тканей. С. 44–48.

ной скульптуры, воплотивших в “художественной форме” период культа личности Сталина»¹⁹.

Теперь, чтобы преодолеть «культ личности» в искусстве, надо снова вывести архитектуру на первое место в художественном синтезе. Новая советская архитектура видится Арндту свободной от излишеств и соответствующей веку атомной энергии, освоения космоса, автоматике и электроники. Но это еще и очень демократичное искусство, не отчужденное от общественного труда, поскольку в нем участвует не только архитектор, но и множество заводов, строительных организаций, а также «целая армия ученых, инженеров, техников и созданных ими механизмов»²⁰.

В результате, в понимании Арндта новый синтез относится не только к конечному продукту, но и к процессу художественного конструирования и производства. Здесь он находит решение проблемы художественно-идеологического образа и, в итоге, современного стиля. Именно стандартная деталь как основа промышленного производства должна, парадоксальным образом, обеспечить выразительность современных зданий и произведений декоративного искусства.

Помимо прочего, идея художественного синтеза прекрасно подошла к возрождаемому большевистскому принципу коллективизма. Необходимые качества современной архитектуры, перечисленные Арндтом — легкость, лаконизм форм, верность материалам, свободный план и т. д. — несомненно, позаимствованы у таких архитекторов как Адольф Лоос, Ле Корбюзье и Мис Ван дер Рое, но в большой степени адаптированы к советской идеологии. К примеру, обоснованием принципа «незамкнутости» (взаимосвязи помещений и открытости интерьера в экстерьер) стало «растущее в современном человеке стремление к большему общению с другими людьми, отказ от замкнутости быта, коллективизм. Защищая человека от атмосферных и акустических воздействий, архитектура не отгораживает его от внешней среды, не замыкает его в четырех стенах»²¹. В этом смысле архитектурное единство увязывалось — и символически, и функционально — с единством социальным и политическим.

¹⁹ Арндт Ю. Новая архитектура и её требования // ДИ СССР. 1962. № 1. С. 22–23.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

Что делать?

Пропагандисты всех этих идей на практике сталкивались с множеством препятствий, которые, тем не менее, при Хрущеве можно было обсуждать открыто. Соответственно, авторы дискурса *ДИ СССР* постоянно переходили от философских и теоретических рассуждений к обсуждению насущных проблем. Безусловно, основной трудностью был «большой разрыв между массовым производством и экспериментальной лабораторной работой в поисках новых образцов для того же массового производства»²². Это общая проблема для науки и технологии того периода — «встреча плановой экономики и неплановой инновации»²³, по словам тогдашнего президента академии наук А. Несмеянова. В результате художественные произведения не шли дальше уровня художественных выставок. Решения, предложенные разными авторами *ДИ СССР*²⁴, можно суммировать в следующих положениях:

1. Подготовка художественных кадров (создание единого учебного плана для художественно-промышленных учебных заведений, открытие специальных кафедр художественного конструирования и т. д.).
2. Поощрение сотрудничества специалистов (художников, архитекторов, инженеров, технологов и экономистов).
3. Улучшение работы периодических изданий по искусству.
4. Привлечение широкой публики к работе художественных советов (полностью в духе хрущевской политики популизма)²⁵.
5. Введение официальной должности художника на заводах и фабриках.
6. Усвоение опыта социалистических и даже, с осторожностью, капиталистических стран в сфере науки, технологии, искусства, дизайна и художественного образования.

В целом дискурс *ДИ СССР* призывал к мобилизации технологических, экономических и художественных ресурсов в попытке реформировать советскую материальную культуру. Это можно охарактеризовать

²² Смирнов Б. Художественный облик вещи и способ её изготовления. С. 17–20.

²³ XX съезд КПСС, стенографический отчёт. М., 1956. Т. 1. С. 371. Цит. по: Berry M.J. Science, Technology and Innovation // Khrushchev and Khrushchevism / Ed. by M. McCaley M. London, 1987. P. 77.

²⁴ Например: Невская И. Нужна экспериментальная база // ДИ СССР. 1962. № 3. С. 8; Лунтов И. Готовить специалистов широкого профиля // ДИ СССР. 1962. № 9. С. 23–28; Манизер М. О художественном образовании // ДИ СССР. 1964. №№ 7–8. С. 1–3.

²⁵ См. McCaley M., ed, Khrushchev and Khrushchevism. London, 1987.

как проект украшения жизни новым, нетоталитарным способом, полагаясь на авторитет специалистов. Художники и искусствоведы, конструирующие дискурс в *ДИ СССР*, старались следовать партийной линии, продвигая в то же время собственные профессиональные интересы. В результате мы видим порой прихотливое переплетение, порой грубоватую смесь идеологических, экономических и эстетических доводов. Дискурс *ДИ СССР* конца 1950-х — начала 1960-х годов демонстрирует не «эстетизацию политики» и не «политизацию искусства», а, скорее, проект внедрения искусства в политику повседневной жизни.

Ковалева Алина

Европейский университет в Санкт-Петербурге
исторический факультет, 2 курс
leguka@yandex.ru

«КИНО-СИЛУЭТЫ» ДЕКАБРИСТОВ: «РЕАЛИЗМ», «НАТУРАЛИЗМ» И ВОЙНА ЗА ТОПОСЫ В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ 1920-Х ГОДОВ

В жизни знаменитого военного историка Г.С. Габаева случился весьма досадный эпизод: его ценные научные замечания касательно декораций и некоторых стилистических особенностей фильма «Декабристы», заявленного в советской прессе чуть ли не как второй «Потемкин», не были учтены. Больше того, Габаева даже не пригласили ни разу на съемки, да и вообще не проявили должного внимания к «бытовой» стороне съемок. Габаев отреагировал на это своеобразно: изложил все как есть на бумаге и сопроводил ироническими куплетами. Этот документ был отправлен в один из влиятельных кинематографических журналов, но... «там его, конечно, не напечатали»... Сама по себе история этого досадного прецедента является ключом к пониманию ранне-советской идеологии, соперничества между реализмом и «реализмом» (в первую очередь в искусстве) и семантики «заказного» кино.

Итак, что говорит Габаев:

В зиму 1924-25 г. в Ленинграде готовили фильм «Декабристы». Ставил известный артист Карвин-Круковский¹.

Он явился на очередное заседание **совещания военных музеев Ленинграда**, в котором я был тогда председателем, и сообщил, что его стремление — поставить этот исторический фильм с максимальным соблюдением исторической правды. Он даже подпустил такую фразу, что хочет поставить фильм так исторически точно, «чтоб даже такой строгий критик, как Габаев, ни к чему-бы не смог придраться». Совещание отнеслось самым отзывчивым образом. Все зав. военными музеями и фондами обещали подготовить нужный графический материал. Я тоже обещал предоставить его осмотру мою, тогда еще немалую, коллекцию по старинным формам и портретам.

¹ На самом деле А.В. Ивановским.

Согласовали с ним время его осмотров, но ни на один он не явился. Только изредка он обращался ко мне по телефону за отдельными справками. При одном таком разговоре я спросил, «правда-ли, что Вы выпускаете Ник. I с усами?» и объяснил, что это явный анахронизм, что Николай начал носить усы только в 1832 г., что для его грима 1825 г. надо пользоваться портретом типа Доу, 1820-х, где Ник. I без усов, а не Крюгера 1830-х гг. В ответ я услышал: «**Да. Но в усах он страшнее!**» Летом 1926 г. я уехал из Лен-града, но слышал от надежных лиц о целом ряде исторических неверностей в постановке. Возмущенный, я написал пародийные стихи «**Декабристские кино-тени**» и послал в «**Кино-журнал**»; но их, конечно, не напечатали.

Г. Габаев. 24.II.1956

“Декабристские кино-тени”

I

Тень Николая I — к тени часового:

Что-ж это, братец, отчего ты одет не по форме?

Зимой в летних панталонах стоишь ты в снегу на платформе?

И отчего это на кивер, вместо султана ты шомпол какой-то надел?

За чем-же фельдфебель да и ротный перед разводом смотрел?

Тень часового —

Виноват, в. вел., не могли про это мы знать,

Как из чихауза киношного каптенармист нас всех велел одевать...

От этих летних штанов все, картчью в кого не попали,

Все, как есть, целым фрунтом насмерть замерзали.*

II

Тень Николая (смотрясь с ужасом в зеркало) —

Что это, Боже мой?! Я это или не я?

И откуда это в двадцать пятом усы у меня?

Ведь, кажется, еще ума не лишился:

Лишь в тридцать втором вопрос об усах разрешился!

Голос каптенармуса киношного —

Не волнуйтесь, в. вел., нам это дело виднее:

Усы вам наклеили, чтобы вы были страшнее!

III

Та же тень (на параде теней кавалергардов в 1826 г.) —

Это что? В двадцать шестом каски с орлами?

Чуть не за двадцать лет до введения их? Силы небесные с нами!

Тот же голос —

Не волнуйтесь, в. вел., нам это дело виднее:

Каски с орлами готовые были, к тому-же не в пример красивее.

IV

Та же тень (перед тенью гв. пехотного строя 1825 г. с тенями знамен образца 1883-1916 гг.; с образами на полотнище) —

Это что за хоругови здесь вместо знамен торчат перед строем?

Им здесь не место! Убрать их немедленно и в храмах хранить за налоем.

Тот же голос —

Не волнуйтесь, в. вел., нам это дело виднее.

Знамена эти из фильма “9 января 1905 года” на два фильма одни.

Это нам удобнее.

V

Та же тень —

Так зачем при трудах и расходах огромных — чуть не сплошь небылица?

Голос —

Ничего, не волнуйтесь: ведь расходы и все нам покрыть должна заграница.

* так было бы при летних штанах. — Прим. автора².

По всей видимости, именно длительное отсутствие в Ленинграде и несистематическое чтение прессы скрыли от Габаева истинное положение дел; история «Декабристов» в советском прокате в первую же неделю превратилась в самостоятельный сюжет.

Дело было так: уже 1 февраля 1927 года, т. е. ровно через пять дней (!) после первого показа в ленинградском приложении к еженедельной газете «Кино» появилась «разгромная» статья «Гора родила мышь»; выпуск статьи сопровождался весьма едкой эпиграммой, в отличие от габавского памфлета, напечатанной.

А.В. Ивановскому (*К выпуску «Декабристов»*)

Здесь, прямо скажем. Все, что надо:

Мундиры, шпоры, царство мод,

И надписей агитных мед,

И, даже, точно для парада —

Вдруг обезвшивленный «народ»...

Но — несмотря на «блеск короны»

От фильм таких бросает в дрожь:

Романовых здесь — на миллионы,

А революции — на грош!!!³

² Габаев Г.С. Кино-силуэты декабристов. Беловая копия // ОР РНБ. Ф. 401. Д. 328.

³ А.В. Ивановскому (К выпуску «Декабристов») // Кино. Ленинград. 1927. 1 февраля. № 5. С. 2.

«Декабристов» клеймили как антисоциальную, «позолоченную» картину без малейшего намека на идеологию, банальную ретроспекцию, невнимательную к «сущности события (т. е. восстания на Сенатской площади. — *А.К.*), его причине и значению»⁴. Особые претензии были предъявлены к декорациям и вообще антуражу; кинематографистам напомнили, что реквизит должен быть только инструментом, но никак не целью. В общем и целом, картину обвиняли в том, что она не просто «не окупала» значительных материальных затрат, но вместо подлинной истории декабризма демонстрирует какую-то позолоченную мишуру.

Неудивительно, что ирония Габаева по поводу недостаточной «историчности» в картине, обвиненной именно в довлении историзма над «подлинностью», пропала втуне. Его памфлет, по меньшей мере, неуместный, не встретил — и не мог встретить — понимания в редакции ведущего киноиздания.

Однако, несмотря на яростную критику, кассовый успех «Декабристов» неожиданно перекрыл успех многих идейно выдержанных лент (чтобы окупить затраты, фильм оставили в прокате, несмотря на все идеологические «огрехи») — и предъявители претензий о «нецелевом расходовании» и пр. оказались в весьма неловком положении. Оно еще и усугубилось после того, как в той же газете появились многочисленные заметки, посвященные проблемам советской официальной критики. Разумеется, и здесь не обошлось без претензий, но на этот раз и вовсе комичных: авторы растерянно или возмущенно сообщали о том, что массы игнорируют мнение авторитетов и диверсионно продолжают потреблять очевидное «не то». «Порнографическую» литературу «зачитывают», раскритикованные спектакли смотрят и, выбирая билеты в кино, с мнением экспертов не соотносятся. «Общественность» недоумевала: «...нельзя же позволять мещанину злорадствовать: “что вы там ни пишете, а кассы будут работать, и на экране будет торжествовать то, что мне, обывателю, видеть угодно” <...> надо, в конце концов, заставить считаться с тем, что говорит наша печать по поводу того или иного события в киножизни, ибо факты, подобные триумфальному шествию “Декабристов” — слишком печальны»⁵.

Как удивительно читать подобные филиппики, зная о разгуле советской цензуры! Но в либеральные годы НЭПа еще допускалась качествен-

⁴ Декабристы. Гора родила мышь; На том же месте// Кино. Ленинград. 1927. 1 февраля. № 5. С. 1.

⁵ Критика или касса? // Кино. Ленинград. 1927. 10 мая. № 19. С. 1.

ная борьба... Фильм запретить не могли или не хотели: но что оставалось делать?

Единственным разумным ответом в сложившейся «нездоровой» ситуации был выпуск «правильной» картины, но такой, чтобы и на нее массы валили валом! Эту непростую задачу поручили руководителям ФЭКС (Фабрики эксцентрического актера) Григорию Козинцеву и Леониду Траубергу. Сценаристами новой «фильмы» выступили Ю.Н. Тынянов и Ю.Г. Оксман.

Впоследствии, читая статью Ю.М. Лотмана, посвященную созданию картины «SVD»⁶, я была крайне удивлена тем, как он, читая те же самые газеты, те же самые статьи и рецензии, не переставал удивляться, что историк Оксман и филолог Тынянов «протащили» вместе с именем декабристов столько невнятного «романтизма», анахронизмов и откровенных фальсификаций (если можно говорить о фальсификациях в картине, где только один исторический персонаж назван своим реальным именем, а все события носят «художественный» оттенок).

В действительности все довольно прозрачно. Изначально «SVD» (фильм озаглавлен в честь выдуманного провокатором Медоксом «заговора» декабристов, якобы спланированного в Сибири; это мнимый заговор возглавлял не менее фантастический «Союз великого дела», или «SVD») был заявлен своими создателями как «историческая мелодрама», в которой исторические события являются только «фоном»⁷, а основной замысел — в противопоставлении оригинальных типажей и не менее оригинальных событий-«декораций». Однако это заявление было сделано до того, как «Декабристы» неожиданно для критиков (между тем, об ожидаемом массовом успехе этой ленты газета «Кино» сообщала с завидным постоянством на протяжении всего 1926 года) стали одной из наиболее популярных в прокате картин.

После упомянутого успеха концепция этой второй «фильмы» поменялась: теперь уже «SVD» называют «исторической драмой», в которую всего лишь «введены элементы из жизни провокатора Медокса», а «основной темой фильма» называют «восстание Черниговского полка... и предательство некоторых декабристов»⁸.

А уже через два месяца, согласно последней версии, «Союз великого дела» — это фильм, посвященный «историческому восстанию Черни-

⁶ Лотман Ю.М. SVD: жанр мелодрамы и история // Тыняновский сборник: Первые Тыняновские чтения. Рига, 1984.

⁷ SVD // Кино. Ленинград. 1927. 8 марта. № 10. С. 2.

⁸ Союз великого дела // Кино. Ленинград. 1927. 21 июня. № 25. С. 3.

говского полка... окончившемуся неудачей благодаря разрыву жожаков-офицеров с солдатскими массами. *Попутно* затронуты похождения известного авантюриста...»⁹ (курсив мой. — А.К.).

В действительности сюжет картины следующий: авантюрист Медокс выигрывает в карты перстень с монограммой SVD — инициалами некой неизвестной нам девушки. Неожиданно его холостяцкую квартиру посещает незнакомка (на самом деле главная героиня, жена декабриста, Вишневская) и требует от Медокса неких любовных писем. Тот упрямится и выставляет ряд, естественно, неприемлемых условий. Внезапно дама выхватывает письма (Медокс нерасчетливо держит их в руке) и бросается вниз по лестнице; шантажист в погоне за ней натывается на своего старого сослуживца Суханова. Суханов собирается арестовать Медокса, но признание последнего в принадлежности к «благородному тайному обществу» и демонстрация перстня его спасают. В дальнейшем картина развивается в двух направлениях: роман Суханова и Вишневской и разнообразные похождения Медокса, который то устраивает дебоши, то пишет подметные письма, то пытается убить Суханова, то переодевается флигель-адъютантом... Словом, в общем объеме фильма «доля» Медокса — примерно сорок — сорок пять процентов общего времени; еще процентов сорок приходится на героические похождения Суханова, десять — на Вишневскую, а все, что в остатке, собственно, на декабристов и восстание Черниговского полка.

Можно ли в таком случае говорить о том, что фильм — исторический, а история Медокса затронута лишь «попутно»? Очевидно, нет. Скорее нам предлагается лирическая драма с погоней, пальбой, романтическими сценами и смертью главного положительного героя на руках любящей женщины (кстати, чужой жены). Тем удивительней может показаться позиция критики: она, в противовес «помпезной исторической халтуре», «Декабристам», была к новой картине благосклонна и ничего «ненатурального» в событиях фильма не усмотрела.

Но не все так просто; как мы помним, советская «общественность» (разумеется, уполномоченная «сверху») рассматривала «SVD» скорее как вторую версию «Декабристов», исправленную и дополненную. Раз публику нельзя было отвлечь от неправильной в своем «натурализме» кинокартины, предполагалось противопоставить ей исторический «реализм» в новой версии.

⁹ Смотрим на этой неделе. «Союз великого дела» // Кино. Ленинград. 1927. 30 августа. №№ 33–34. С. 3.

Действительно, в картине присутствуют принципиально важные с идеологической точки зрения «золотопогонники», они же главные декабристы, жмущие унтер-офицеру руку через платок — и то с большими колебаниями! Обращение в решительный момент к «братьям-офицерам» остается без ответа, зато красноречивый призыв Суханова (в фильме он представляет так называемое «народное» крыло, в противовес «золотопогонникам») выпустить безоружных декабристов из окруженной церкви (!) и позволить им, таким образом, спастись, находит отклик у солдат. В самом деле, несмотря на ярость начальства, они всех выпускают и спасают. Правда, Суханов все равно погибает — от предательской пули «царского» офицера — успев еще немного походить вокруг церкви и обвести туманным взглядом родные березки.

«Популизм» киносьемочной группы не мог не увенчаться успехом — картина была стопроцентно «смотрибельна», так как заключала в себе все без исключения популистские «приемчики», вообще-то довольно последовательно раскритикованные в советской прессе в отношении других картин! Все эти «роковые выстрелы», смерти на руках у жен, матерей и любовниц, харизматичные «злодеи», картины «мещанской любви» (заметим: Вишневская состоит в любовной связи со всеми (!) основными героями, т. е. Медоксом, Сухановым и, естественно, своим мужем Вишневым) в той же газете «Кино» постоянно осуждаются, а режиссеров призывают показать «здоровую» действительность без перехлестов, уголовщины и пр. Создатели «SVD» не повторили «ошибки» своих предшественников и сделали ставку на востребованный «сверху» «реализм», в противовес любимому «низам» «натурализму».

Уже упомянутый Г.С. Габаев не только не был привлечен к созданию «SVD», но и само по себе это творение советской кинематографии осталось им незамеченным. А жаль...

Как бы то ни было, именно эти два фильма, вкуче с самой широкой агитацией, развернутой в честь столетнего юбилея Сенатского восстания, привлекли симпатии широких масс на сторону декабристов-«революционеров» (в глазах первого поколения «советских граждан», знакомых с отечественной историей преимущественно по трудам М.Н. Покровского, образ «корыстных буржуа» — декабристов нуждался в последовательной легитимизации), а впоследствии декабристов вообще. Сейчас обе картины находятся в Госфильмфонде и являются кинематографической редкостью.

Кочеткова Елена

Европейский университет в Санкт-Петербурге
факультет истории, 1 курс
lena-kochetkova2008@yandex.ru

«НОВЫЕ СОВЕТСКИЕ ФИННЫ» КАРЕЛИИ 1930-х ГОДОВ И ВОПРОС РАБОЧЕГО СОПРОТИВЛЕНИЯ

Революционный порыв большевистской проповеди интернационализма как равенства всех пролетариев в начале 1920-х годов сменился поисками определения статуса разных этнических групп. Одной из причин стала очевидность того, что этносы в культурном отношении сильно отличаются друг от друга, и потому не могут рассматриваться как полноценно равные.

В первые годы советской власти была создана трехчленная схема распределения этнических групп в зависимости от ряда критериев, фактически сводившихся к уровню их развития. Первую позицию в градации заняло понятие «наций», разделявшихся на коренные и некоренные. Согласно предложенной И.В. Сталиным схеме, все члены этноса, претендовавшего на национальный статус, должны были быть объединены общим языком, территорией проживания, общей историей и культурой. При отсутствии хотя бы одного из признаков этническая группа характеризовалась как национальность или народность, т. е. переводилась в категорию более низкого порядка¹. Под коренными нациями понимались этнические группы, соответствовавшие всем критериям и проживавшие при этом на своей исконной территории. Так, например, финны Финляндии, воспринимавшиеся в имперском мышлении как инородцы, в советском варианте становились нацией.

В отношении жителей Карелии советское понятие нации создавало явное противоречие. С одной стороны, коренное население республики — карелы, исконно проживавшее на ее территории (не считая присоединенные к республике в начале 1920-х годов русские области), было объединено общей культурой и являлось титульным. С другой стороны, отсутствие письменного языка, занятие натуральным хозяйством и промыслами не позволяло карелам считаться нацией и, согласно сталинской

¹ Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века. Петрозаводск, 2009. С. 102.

схеме, переводило их в статус национальности. В то же время, учитывая некомпактность их расселения, принимая во внимание карел, проживавших в Тверской земле, чаще всего говорили о собирательном аморфном понятии «карельский народ», что еще более затрудняло возможность четкого определения статуса карел в советской национальной палитре. Все это привело к складыванию любопытной ситуации: название республики не соответствовало идее титульной нации. И, хотя карелы и составляли к этому времени 40,6 % населения, они не могли получить прав нации, о которых было заявлено в 1923 году на XII съезде ВКП(б). Там, в частности, говорилось о необходимости борьбы с «великорусским шовинизмом» и предоставлении коренным нациям равных экономических возможностей и политических прав², что практически означало возможность участия в управлении республикой.

Выход из запутанной карельской дилеммы был найден логическим образом: обосновывалось, что карелы принадлежат к финно-угорской группе и потому являются племенными братьями финнов, которые могут в буквальном смысле заменить первых, помочь им преодолеть отсталость. Поэтому именно финское население, признанное фактически национальным для Карелии, было поставлено во главу угла национальной политики «корелизации», по содержанию и характеру приобретшей форму «финнизации». Такая политика была явным отклонением от принципов 1923 года, и «работала на вырост» — еще живы были идеи о революционизировании и присоединении Финляндии к Советскому государству. При этом число финнов в самой Карелии к началу десятилетия достигало не более 1 %, большая часть их была представлена иммигрантами из Финляндии («красными» финнами), бежавшими по идеологическим мотивам в страну Советов³, т. е. не являлось коренным.

В 1929 году была принята окончательная программа «финнизации»: увеличение национального (читай — финского) населения и создание национальных рабочих кадров (финских), введение финского языка, расширение издательской деятельности на финском языке и т. п.⁴ В июне 1930 года в докладе ЦК ВКП(б) 16-му партийному съезду И.В. Сталин подчеркнул значимость продолжения политики «корелизации».

² *Вишавайнен Т.* Национальная политика ВКП(б)/КПСС в 1920-е — 1950-е годы и судьбы карельской и финской национальностей // *В семье единой.* Петрозаводск, 1998. С. 18.

³ Там же. С. 20.

⁴ *Кангаспуру М.* Финская эпоха Советской Карелии // *В семье единой.* С. 136.

Выполнение первых положений программы было возможно только за счет «вливания» финского населения извне Советского Союза, обращения к внешнему фактору для решения внутренних задач. Это приобретало дополнительную важность вследствие того, что новый этап национальной политики хронологически «развернулся» в период проведения индустриализации, в случае с малонаселенной аграрной Карелией требовавшей поиска рабочих кадров. Таким образом, политическая составляющая соединилась с экономическими задачами и неизбежно приводила к необходимости поиска ресурсов со стороны.

Фатальным образом задачи индустриализации и национальной политики по времени совпали с так называемой «великой депрессией», вызвавшей резкий рост безработицы в капиталистическом мире и, особенно, в США и Канаде. В Северной Америке находилась значительная группа финнов, переселившихся из Финляндии в начале XX века, которые были заняты в основном в лесной промышленности и, как иммигранты, в первую очередь теряли работу. В то же время многие из них поддерживали социалистические настроения, что вызывало политическое давление «сверху» и массовые депортации со стороны американского и канадского правительств. Напротив, в активно строящейся на фоне мирового кризиса советской стране, как казалось, их ждали, в чем убеждала развернутая среди североамериканских финнов советская пропаганда и печать. Многие финны искренне верили в построение социализма в СССР и лучшую жизнь в Карелии, которую могли рассматривать как край, близкий к их родине — Финляндии. Такие настроения поддерживались советской пропагандой, действовавшей через созданные в США и Канаде специально организованные Комитеты технической помощи Карелии, собиравшие финансы и технику для отправки в СССР. С 1931 года с решения Москвы начался плановый «завоз» «американцев» и «канадцев», составивший значительную волну финской иммиграции в страну Советов — около шести тысяч человек⁵.

Финские переселенцы вполне отвечали задачам национальной и экономической политики. Многие из «новоиспеченных» националов имели специальности, в которых остро нуждалась карельская индустриализация, опыт работы в деревообрабатывающей промышленности — лесозаготовительной, бумажной, целлюлозной и т. п.⁶ Иммигрантам, имевшим приоритет перед местным населением Карелии в квалификационной

⁵ Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века. С. 102.

⁶ НА РК. Ф. Р-685. Оп. 1. Д. 3/33. Л. 3.

подготовке, был дан ряд преимуществ в обеспечении продуктами питания, одеждой, более высокой заработной платой⁷.

Однако «благополучие» финских рабочих, вызывавшее зависть со стороны местного населения, было именно советским, разрушавшим идеалы, двинувшие переселенцев в Карелию и навязанные советской пропагандой. Так, в первой половине 1930-х годов в рабочем поселке одного из карельских предприятий по производству бумаги типичной, как и для большинства районов республики, была нехватка жилой площади, ежедневные длинные очереди в столовой, некачественные продукты питания, что во многом объяснялось отдаленностью региона от центра и плохими коммуникациями⁸.

Советские условия жизни и труда разрушали представления иммигрантов, в отличие от советских людей до прибытия в Союз не имевших представления о реальном положении дел в стране, но, вероятно, на основе сообщений советских каналов пропаганды и лозунгов, создавших себе образы идеального общества социализма. Это несоответствие порождало противоречие выстроенных в воображении финнов ожиданий и реалий советской действительности.

Можно говорить о столкновении в практике финнов трех реальностей: североамериканской, романтической и советской. Так, для большинства финских семей нормой в США и Канаде было иметь свой автомобиль, дом, небольшой участок, членство в клубе, где проводились творческие вечера. Начавшаяся с 1931 года пропаганда, организованная советским каналом в обеих странах — Комитетами технической помощи Карелии — оказывала влияние на представления финнов о жизни за океаном. Сохранились данные о том, что в американских и канадских клубах будущие переселенцы в Карелию проводили беседы о возможностях в СССР, где строились иллюзии и создавался поистине сказочный образ Союза, на который возлагались все надежды, о чем свидетельствует то, что люди продавали свою собственность и закрывали счета в банках⁹. Наконец, охарактеризованная выше советская реальность вызывала разные реакции, которые можно объединить в понятие «неудовлетворенность». Глубокое разочарование и невозможность изменения реалий приводило к тому, что финские рабочие выражали протест: радикальный, проявлявшийся до 1933 года, пока шла вербовка и имелась возмож-

⁷ НА РК. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 14/149. Л. 48.

⁸ НА РК. Ф. Р-685. Оп. 2. Д. 16/217. Л. 12.

⁹ Подробнее см.: *Линдстрем В.* Канадские финны и десять лет Великой депрессии // Устная история в Карелии. Вып. 2. Петрозаводск, 2007. С. 8–25.

ность возвращения из СССР, и пассивный, выражавшийся в разных формах до начала массовых репрессий конца 1930-х годов.

Активный протест выражался в жалобах в администрации предприятий и хозяйственные структуры, однако попытки найти справедливость встречали характерные устные ответы — «уезжайте обратно», «нахлебники» — и письменные отказы. Материальные условия, являвшиеся грубым нарушением заключавшихся трудовых договоров, вызывали недовольство и становились причиной конфликтов на экономической почве с местным населением.

Пассивные формы протеста заключались в нескольких сознательных и бессознательных формах. Во-первых, в снижении производственной и партийной активности. Так, из-за плохого питания у многих рабочих начинались проблемы со здоровьем, поэтому они не могли работать полноценно и не были заинтересованы в перевыполнении норм, выдвижении рационализаторских предложений, к чему их подталкивала администрация. Это снижало партийную активность и степень участия в просветительских мероприятиях: люди переставали интересоваться делами партии.

В то же время, в отличие от местных советских жителей, финны активно занимались творчеством — театральной и художественной самодеятельностью, организацией своих, финских оркестров, культурных кружков, участием в проведении финских праздников, общественной деятельности¹⁰, что также можно трактовать как игнорирование советской реальности.

Кроме того, финны проявляли инициативность в решении сложных бытовых вопросов: строительстве столовых при заводах на сохранившиеся сбережения и доход от проданных вещей, ремонте бараков, создании клубов и пр. Так, на вопрос, приводившийся в отчете инспекционной комиссии по обследованию жилищно-бытовых условий рабочих «В каких целях построил дом?» одному из финских рабочих, тот отвечал с иронией: «Был жилищный кризис, хотел его ослабить»¹¹.

Еще одной формой протеста были закрытые вечера, иногда проводившиеся на квартирах иммигрантов. Характерным примером этого является то, что, например, в г. Петрозаводске устраивались вечера, где в «буржуазной» одежде финны проводили досуг, слушали музыку, беседовали, и где на подносах разносили еду и напитки¹². Таким образом, но-

¹⁰ НА РК. Ф. П-1690. Оп. 1. Д. 1/8. Л. 95.

¹¹ НА РК. Ф. П-33. Оп. 1. Д. 2/28. Л. 67.

¹² Из частной беседы с Р.А. Нисканен.

стальгия по Карелии как малой родине, являвшаяся одним из сопутствующих мотивов переселения финнов в республику, сменилась в первые годы после эмиграции ностальгией по «капиталистическому Западу» — США, Канаде.

Существовавшие сложные условия финны соотносили с политическим режимом и с особенностями уровня культурного развития местных жителей, экстраполируя бытовые проблемы на неспособность советской власти создать приемлемые условия жизни населения. Не случайно в сводках спецорганов указывалось, что среди политических высказываний финнов преобладают «потребительские настроения»¹³, что вполне объяснимо желанием людей проживать в приемлемых условиях. Бытовой примитивизм и прочие советские реалии финны соотносили с национальными особенностями местных этносов, в т. ч. карел. Они, как и русские, являясь людьми «низкой культуры», по мнению иммигрантов, не способны были создать «нормальное» общество. Априорно возникла идея превосходства финской нации, «пропитанности» советской реальности ложью и беспочвенными лозунгами. Это увеличивало дистанцию между пришлыми финнами и местным населением.

В 1936 году были ликвидированы привилегии для иммигрантов, начались репрессии, причины которых до сих пор вызывают споры. Возможно, отчасти справедливо утверждение о том, что репрессивные акции были вызваны стремлением руководства пресечь растущее недовольство условиями и избежать открытого противостояния советской власти со стороны финнов¹⁴. Финны стали «разменной монетой» в неудачном финском проекте: чуждый элемент, выражавший недовольство, легче было ликвидировать, обвинив в шпионаже и буржуазном национализме, симпатиях к вражеской Финляндии, нежели попытаться проводить действенную политику интеграции.

¹³ Неизвестная Карелия. Т. 1. Петрозаводск, 1997.

¹⁴ Suomen kansallisarkisto. P. Renvallin kokoelma. Kotelo 159.

Кузнецова Людмила

Европейский университет в Санкт-Петербурге
факультет истории, соискатель
africa-s@yandex.ru

СОВЕТСКИЙ КУРОРТ КАК МЕСТО ПАМЯТИ

Не секрет, что ностальгия по советскому прошлому за последнее десятилетие переросла из «тоски по родине» в целую индустрию. В интернете существует несколько десятков сайтов, посвященных ушедшей эпохе; советская символика активно используется в рекламе и производстве разных товаров, интерес к различным аспектам советского прошлого невероятно высок. Этому феномену еще предстоит стать объектом изучения.

В московском ГУМе в 2008 году вновь открылся «Гастроном №1», который репрезентировался как «преемник старого», советского, «легендарного»¹ гастронома. Также в ГУМе были открыты «Столовая №57» и «Кафе Фестивальное». В оформлении столовой, в наборе блюд и в их названиях используется эстетика 1930-х — 1950-х годов². Дизайн «Кафе Фестивальное» отсылает к **VI Всемирному фестивалю молодежи и студентов**, который проходил в 1957 году в Москве.³ Это лишь несколько примеров «большого» культурного тренда.

Однако, осознавая присутствие подобной тенденции, мы пока плохо ориентируемся внутри нее. Уже сейчас можно заметить, что какие-то элементы советского «продаются» лучше других. Например, мода или кулинария СССР становятся объектами пристального изучения, но история дизайна советской мебели привлекает значительно меньший интерес. Возможно, имеет смысл пристальнее рассмотреть, как «продается» советское в отдельном, конкретном случае — поэтому мы обратимся к примеру советского курорта.

«В Сочи, хоть один раз в жизни, отдыхал каждый человек», — говорила героиня фильма «Москва слезам не верит», насыщенного образами «узнаваемого прошлого». Действительно, отдых на курорте стал

¹ Официальный сайт ГУМа: <http://www.gum.ru/projects/gastronome/history.php>; 27.02.2011.

² <http://www.gum.ru/projects/s57/>; 27.02.2011.

³ <http://www.gum.ru/projects/cafe/>; 27.02.2011.

одним из символов советской эпохи. Образ курорта был сформирован фильмами, литературными произведениями, путеводителями, открытками, фотографиями на память и многочисленными воспоминаниями отдыхающих.

К тому же, в отличие от некоторых других специфически советских явлений, образ советского курорта практически не омрачен негативными коннотациями. Казалось бы, этот всеобщий интерес к СССР можно использовать в рекламе различных лечебных местностей для привлечения особой категории туристов, которым интересны артефакты советской империи. Но востребован ли этот ресурс на деле?

Данный текст представляет собой наблюдения, которые появились в результате поездок в различные курортные регионы: в Крым, на черноморское побережье, на курорты Кавказских минеральных вод, а также посещений местных санаториев Пермского края.

Курорт Усть-Качка, который находится неподалеку от Перми, стал первым объектом изучения. Основанный в 1936 году, он начал активно развиваться с конца 1950-х и впоследствии стал курортом всесоюзного значения. По сути, он стал «градообразующим предприятием» для небольшого поселка. Практически все жители этого населенного пункта так или иначе связаны со здравницей. Встречаются настоящие трудовые династии среди работников санатория.

В Усть-Качке на протяжении нескольких десятилетий проводилась активная политика комеморации: действовал музей истории курорта, существовало общество ветеранов труда, работавших в здравнице, выпускались памятные издания и сборники воспоминаний старшейших работников. Советское прошлое в этом случае очень востребовано — оно является стержнем, вокруг которого жители поселка выстраивают свою локальную идентичность. В общем наборе воспоминаний присутствуют сюжеты о врачах — основателях курорта, о некоторых представителях региональной политической элиты, например, о руководителе Западно-Уральского совнархоза А. Солдатове (занимал этот пост в 1957–1961 годы), который многое сделал для развития Усть-Качки. Обращение к эстетике советской эпохи прослеживается и в оформлении пространства курорта. Два основных здания санаторного комплекса: корпус «Русь» и ванница были построены в конце 1950-х в стиле сталинского ампира. В 1960-е — 1980-е годы на курорте были построены еще несколько корпусов, но классицистические, богато декорированные здания «Руси» и ванницы до сих пор являются архитектурной доминантой курорта.

Однако в последние годы ситуация изменилась: если заслуженные работники курорта склонны обращаться к советскому прошлому, то но-

вая администрация настроена иначе. В 2007 году сменился владелец здравницы, и новая управляющая компания не намерена поддерживать существующие комеморативные практики, предпочитая определять курорт Усть-Качка как современный, «один из крупнейших в России, многопрофильный санаторно-курортный комплекс»⁴. Таким образом, новые управленцы не принимают в расчет потенциальную возможность использования культурно-исторического туризма для развития курорта. Так ли это неожиданно?

Крымские курорты обладают значительными ресурсами для развития культурно-исторического туризма. Они могут привлечь как тех, кто интересуется дореволюционной историей, так и тех, кого привлекают останки советской империи. Однако более близкое знакомство со стратегиями репрезентаций крымских здравниц показывает, что обращения к советскому наследию очень редки. Как правило, экскурсионные туры и путеводители акцентируют внимание на дореволюционной эпохе, совершенно игнорируя советский период. Так, экскурсия по Ливадийскому дворцу рассказывает о жизни царской семьи и об Ялтинской конференции глав государств антифашистской коалиции в 1945 году. То, что в 1925 году в Ливадии был открыт первый крестьянский санаторий, не было отражено в экскурсии, как и послевоенное развитие курорта. На вопрос об этой странице истории экскурсовод ответила, что данный аспект никого не интересует и поэтому не упоминается.

Подобная ситуация характерна и для других курортов Крыма. Очевидно, что дореволюционная история «продается» лучше, чем советская. Это сопровождается практически полным отсутствием попыток сохранения памяти о недавнем прошлом. На крымских курортах, как правило, нет музеев отдельных здравниц, работники не объединены в общества, а памятные издания, в большинстве своем, посвящены истории до 1917 года. Следует отметить и то, что местное профессиональное историческое сообщество мало интересуется вопросами развития крымского туризма в советский период.

Некоторым исключением служит курорт Саки, где находится уникальный санаторий для лечения спинальных больных, носящий имя академика Н. Бурденко. В этом санатории работает музей, а также существует общество ветеранов — работников курорта. Но здесь необходимо обратить внимание, что в Саки в санаторно-лечебной сфере занято большинство жителей города. Кроме того, узкая специализация сакского са-

⁴ Официальный сайт курорта Усть-Качка: <http://www.amaks-hotels.ru/hotel/ust-kachka/ust-kachka/about/>; 27.02.2011.

наторного комплекса и лечебный профиль требуют серьезной профессиональной подготовки не только старшего, но и младшего персонала, в отличие от других курортов.

Нежелание обращаться к советскому прошлому на крымских курортах может быть вызвано и сложностями процессов самоидентификации. Крым, как часть независимого государства Украина, возможно, не готов определять себя, используя советское наследие. Однако этим объяснением вряд ли можно удовлетвориться, поскольку схожие процессы можно наблюдать и в России.

Кавказские минеральные воды — один из старейших курортных регионов с богатой и интересной историей. Однако и там свидетельства, относящиеся к дореволюционному периоду, более востребованы, чем советские. Так, Пятигорск знаменит прежде всего как место дуэли М. Лермонтова. Большая часть местных достопримечательностей также относится ко времени до 1917 года. Советский период пополнил копилку символов Кавминвод не количественно, но качественно. Речь идет о романе И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев», действие одной из глав которого происходит у пятигорского Провала. Пожалуй, упоминание в романе этой достопримечательности способствовало росту интереса к ней больше, чем что-либо другое. И на сегодняшний день Провал остается одним из основных туристических объектов. В Пятигорске установлены памятники Остапу Бендеру и Кисе Воробьянинову. Тем не менее, Кавказские минеральные воды вряд ли склонны выстраивать свою репрезентацию, используя образ советского курорта. Научных исследований, посвященных советскому периоду развития курортного дела КМВ, очень мало.

Определенные комеморативные практики на курортах Кавказских минеральных вод все-таки присутствуют, однако зачастую это связано с отдельными санаториями и является результатом действий групп энтузиастов. Так, история санатория им. Горького РАН нашла отражение в литературном альманахе «Горькоккола»⁵ и в подготовленной к изданию, но еще не выпущенной монографии «Санаторий имени Горького Российской академии наук в Кисловодске (1923–2008)». Составителями и редакторами была проделана большая работа с привлечением материалов Государственного архива РФ, источников личного происхождения (дневники, письма, воспоминания) и документов из архива санатория.

⁵ Горькоккола. Рукописный альманах санатория им. А.М. Горького Российской академии наук в Кисловодске / Сост. Горбова А.Н., Соколова Л.Д., Черный Ю.Ю. М., 2007.

И хотя данные примеры свидетельствуют о попытке сохранения и меморализации советского опыта, следует признать, что это скорее исключение, чем правило. Объяснением подобной необычной активности может служить социально-профессиональный статус отдыхающих — сотрудников Российской академии наук.

Конечно, необходимо обратить внимание и на Сочи — крупнейшую в СССР курортную местность. Здесь, однако, есть особенность: дореволюционное наследие Сочи крайне скудно. Фактически его история начинается в 1934 году, когда была начата генеральная реконструкция Сочи-Мацестинского курорта. Кроме того, комплекс старейшего санатория в Сочи «Кавказской Ривьеры», являющийся чуть ли не единственной архитектурной достопримечательностью дореволюционного происхождения, был закрыт в 1998 году, а летом 2010 года часть построек была снесена. Таким образом, Сочи не остается ничего другого, кроме как использовать артефакты советской эпохи. Нужно отметить, что история строительства всесоюзного курорта и проблемы развития рекреационной сферы в этом регионе изучаются как нигде более, существует даже Сочинский государственный университет туризма и курортного дела. Местные исследователи, в большинстве своем, объединяются вокруг Архивного отдела администрации г. Сочи и его руководителя И. Тверитинова.

Образ советского курорта активно «продается» в Сочи. Отдыхающим предлагается экскурсия «по советским санаториям» — она рассказывает о здравницах, которые расположены вдоль Курортного проспекта. Также есть отдельные экскурсии на дачу Сталина и к водному павильону в Мацесте. Они, а также несколько административных построек: Зимний и Летний театры, кинотеатр «Стерео», художественный музей — создают образ «советского» Сочи. Необходимо отметить, что все эти здания были возведены в 1930-х — 1950-х годах, а постройки более позднего времени не включены в список экскурсионных объектов. В 1930-х — 1950-х годах курортная архитектура имела преимущественно дворцовый характер и ориентировалась на классическое наследие. Поэтому, как ни странно, образ дореволюционного крымского курорта и образ советской сочинской здравницы исключительно похожи.

Казалось бы, в главном курортном городе России санатории должны быть заинтересованы в сохранении локальной истории, однако музеи отсутствуют даже в самых крупных здравницах. Исключение составляет лишь Центральный военный клинический санаторий им. Фабрициуса. Там до недавнего времени существовал свой музей. Возможно, это было обусловлено ведомственной принадлежностью здравницы Министерству

обороны. Отсутствуют также какие-либо профессиональные объединения работников курортной сферы.

Таким образом, мы видим, что попытки сохранения памяти о советском прошлом курортов предпринимаются лишь в тех случаях, когда курорт важен для конструирования локальной или профессиональной идентичности. В остальных случаях ностальгия по советскому прошлому, похоже, мало повлияла на процессы меморализации или коммерциализации образа советского курорта. Причины этого вряд ли возможно точно определить. Можно лишь предположить, что дело в специфическом характере объектов ностальгии. Кажется, что особенность ностальгирования по советскому прошлому — в тоске по эстетической цельности символов ушедшей эпохи. Это допущение позволяет отчасти понять, почему «советский курорт» плохо «продается».

Советский курорт никогда не был цельным, т. е. монолитным явлением. Он всегда являлся соединением самых различных идей, тенденций и идеологий. Его история состоит из зазоров между желаемым и действительным. Человек ностальгирующий просто не может выбрать момент, в который советский курорт являл собой завершенный, идеальный по форме и содержанию объект.

Интересным примером здесь может служить вышедший в 2006 году фильм «Парк советского периода», где реконструируется образ советского курорта: утопического пространства, в котором представлены все символы советской эпохи. Образ курорта в фильме получился цельным: привлекательным и страшным одновременно — райское место, где жизнь роскошна, а все желания, даже абсурдные, выполняются, кроме одного — самого естественного желания свободы. Возможно, такой вариант советского курорта мог бы «продаваться» намного лучше, как продаются экскурсии в ад питерских коммуналок. Сложность лишь в том, что такого советского курорта никогда не существовало.

Любавский Роман

Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина
исторический факультет, аспирант
lubavsky@mail.ru

«СОЗДАДИМ НОВЫЙ ХАРЬКОВ!»: ИДЕЯ СОЗДАНИЯ «СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ГОРОДКА» ДЛЯ РАБОЧИХ ХАРЬКОВСКОГО ТРАКТОРНОГО ЗАВОДА В 1930-е ГОДЫ

Построение «нового общества», по мнению лидеров партии большевиков, было невозможно без изменения всех сфер повседневной жизни социума, «пересоздания быта»¹. Особое внимание они уделяли конструированию нового советского города², создаваемого в рамках представлений о социалистическом образе жизни³. В конце 1920-х годов среди дизайнеров новой советской культуры развернулась бурная дискуссия о проектировании поселений такого типа, проживание в которых способствовало бы максимальной коллективизации быта. Несмотря на различные, часто противоположные, точки зрения, все участники обсуждения признавали, что новый быт невозможно строить в условиях старых архитектурных пространств⁴. В связи с этим в прессе неоднократно высказывались идеи о необходимости социалистической реконструкции Харькова и других «капиталистических» городов, создании городов-садов⁵, во многих изданиях в начале 1930-х годов обсуждению проблем строительства «городов социализма» отводились специальные разделы и публици-

¹ Луначарский А. О быте. М., 1927. С. 3–5.

² Города социализма и социалистическая реконструкция быта: Сб. статей. М., 1930.

³ Сальникова А. Здесь будет город-сад! «Культивирование» советского городского провинциального пространства в 1920–1930-е годы // АВ Imperio. 2008. № 4. С. 152.

⁴ Лебина Н. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–1930-е годы. СПб, 1999. С. 167.

⁵ Ейнгорн О. Проект соціалістичної реконструкції м. Харкова // Будівництво. 1935. № 4. С. 18–23; Кузнецов А. Будущий «большой» Харьков и обслуживание его предприятий // Хозяйство Украины. 1928. № 3. С. 136–160; Ожигалов И. О завтрашнем Харькове: к вопросу об устройстве городов-садов в Харькове // Жилищно-коммунальное хозяйство Украины. 1927. № 17. С. 11–14.

ки⁶. Авторы сходились во мнении, что проживание в городах нового типа будет способствовать «накоплению социалистических чувств», формированию социалистического образа жизни, воспитанию нового человека. В связи с этим возникает вопрос о том, были ли предприняты попытки (и чем они завершились) реализовать проект создания локального социалистического мира, в котором должна была воплотиться идея «пересоздания быта»?

Цель данного исследования состоит в том, чтобы на примере «социалистического городка», специально построенного для рабочих Харьковского тракторного завода (далее ХТЗ), так называемого «Нового Харькова», проследить, насколько удалось советской власти создать особые социалистические условия жизни в локализованном пространстве. Выбор этого поселка в качестве объекта исследования не случаен, поскольку он строился одновременно с заводом, который был флагманом советской индустрии, «визиткой» первой пятилетки.

Работы советских историков, посвященные Харьковскому тракторному заводу, даже написанные через десятилетия, переполнены оптимизмом новой эпохи⁷, поэтому мало что могут дать для исследования проблемы. Для решения поставленной задачи использовалась делопроизводственная документация завода, периодическая печать (в том числе заводская), воспоминания рабочих и руководителей завода, планы и чертежи «Нового Харькова».

«Новый Харьков», «территория социализма», находился в десяти километрах от «старого» города. Под строительство была выделена огромная площадь — 180 гектаров. Решение о строительстве ХТЗ было принято в конце 1929 года, но еще до начала строительных работ внимание прессы было приковано не только к заводу, но и к проекту строительства «Нового Харькова» — поселка для рабочих⁸. При обсуждении проекта на страницах периодических изданий журналисты подчеркивали, что в будущем социалистическом городе не будет места старым, «мещанско-индивидуальным» привычкам, а быт его жителей будет организован на новых, социалистических началах⁹. По замыслу проектировщиков, «Новый Харьков» не должен иметь недостатков, характерных для «старого» города (жилищный кризис, антисанитария, «недостатки в органи-

⁶ Революция и культура. 1930. № 1–6; Культработник. 1930. № 7–9.

⁷ Борфин Б., Вольский В. Харьковский тракторный завод и «Новый Харьков». Х., 1930. С. 54; Родионов В., Анненков П. Рожденный дважды. Х., 1981. С. 11; и др.

⁸ Будування міста навколо Тракторного заводу // Вісті ВУВК. 1930. 8 квітня. С. 4.

⁹ Григорович М. Тракторобуд // Культробітник. 1930. № 7. С. 36.

зации быта»)¹⁰. Проект «Нового Харькова» был своего рода вызовом «старому» Харькову, старым традициям градостроительства и организации жизни.

В основу генерального плана строительства поселка была положена идея компактного проживания рабочих рядом с предприятием, создание замкнутого социального организма¹¹, своего рода «социалистического локуса», оторванного от «старого» мира. По замыслу проектировщиков все рабочие завода должны были получить квартиры в новых жилых комплексах. Согласно проекту предполагалось возвести 36 комплексов, каждый из которых состоял из восьми-десяти домов, а также школу, клуб, столовую, детский сад и ясли. Было запланировано, что дома каждого отдельного жилого комплекса будут соединены между собой специальными коридорами-мостами на уровне второго этажа, чтобы, не выходя на улицу, человек мог перейти в помещение клуба, столовой, библиотеки¹² и т. п. Начальник строительства ХТЗ в письме в харьковский городской совет, стремясь подчеркнуть политическое значение «Нового Харькова», писал, что культура и быт его жителей будут соответствовать всем принципам социалистической жизни¹³. В планировке квартир «Нового Харькова» воплотилась идея освобождения женщины от «рабского» домашнего труда (авторы проекта подчеркивали, что одним из бытовых пороков «старого Харькова» было закрепощение женщины в домашнем хозяйстве). Поэтому кухни в квартирах «Нового Харькова» запроектировано не было, рабочие должны были питаться в общественных столовых¹⁴. Характерной чертой планировки поселка была линейная застройка улиц. Жилые дома строились торцами к главным магистралям города, что исключало наличие дворов в жилых кварталах, привычных для «старого» Харькова¹⁵.

При всей важности строительства «Нового Харькова», в сравнении с заводом ему была отведена второстепенная роль. Именно строительство

¹⁰ Будівання міста навколо Тракторного заводу.

¹¹ Дементьев А. Строительство соцгорода «Новый Харьков» // На высшую ступень. 1931. № 14. С. 339.

¹² Фідоровський М. Житлове будівництво на ХТЗ на першому етапі // Строительство. 1932. № 6. С. 201.

¹³ Государственный архив Харьковской области (ГАХО). Ф. 5652. Оп. 1. Д. 2862. Л. 3.

¹⁴ Григорович М. Тракторобуд. С. 37.

¹⁵ Гормосов Г. Тракторострой и «Новый Харьков» // Путь к здоровью. 1931. № 3. С. 10; Плотников В. Побутове будівництво Харківського тракторного заводу // Архітектура радянської України. 1939. № 5. С. 15.

завода было объявлено главным фронтом трудовой борьбы. Практически сразу же после начала работ в 1930 году более 30 строительных площадок новых домов были законсервированы¹⁶. Строительство завода было осуществлено в рекордно короткие сроки (за 15 месяцев), что потребовало от всех колоссальной самоотдачи и напряжения сил. Показательно, что после пуска завода (1 октября 1931 года) многие рабочие считали, что они выполнили свою основную задачу, а жилищное строительство — дело второстепенное. Подобные настроения среди рабочих были настолько распространены, что директор завода подписал несколько приказов, в которых запрещалось распространение «демобилизационных настроений» среди рабочих¹⁷.

Строительство ХТЗ стало одним из достижений первой пятилетки, в том время как план строительства «Нового Харькова» был провален. Более половины рабочих завода не получили отдельной квартиры не только в 1930-е, но и к середине 1950-х годов. Достаточно сказать, что в 1934 году в новых домах проживало около 14 тыс. рабочих (и членов их семей), в то же время около 16 тыс. человек были вынуждены жить в полутеплых бараках временного типа, построенных вблизи завода и недостроенных жилых корпусов¹⁸. Рабочие жили в бараках в чрезвычайной тесноте. По официальной статистике, в 1937 году в бараках на одного человека приходилось 4,8 кв. метра жилой площади¹⁹, и эти показатели были значительно хуже аналогичных по «старому» Харькову, в котором на одного жителя приходилось 6 кв. метров жилой площади. В нарушении всех санитарно-гигиенических норм в бараках, рассчитанных на 60 человек, нередко проживало до 100 человек. Комиссии Наркомздрава УССР неоднократно делали выводы, что санитарное состояние барачников было неудовлетворительным²⁰. Ситуацию не могли кардинально улучшить ни регулярная дезинфекция, ни конкурсы чистоты, ни дни здоровья²¹.

¹⁶ Дементьев А. Закончить жилстроительство — такова задача строителей на ХТЗ // На высшую ступень. 1931. № 16. С. 431.

¹⁷ Приказ № 153 по второму району Индустрия строительства Харьковского тракторного завода // На высшую ступень. 1931. № 14. С. 372; Приказ № 223 по второму району Индустрия строительства Харьковского тракторного завода // На высшую ступень. 1931. № 16. С. 456.

¹⁸ ГАХО. Ф. 5652. Оп. 1. Д. 642. Л. 126–127.

¹⁹ Там же. Л. 126.

²⁰ О состоянии столовых и общежитий на предприятиях г. Харькова // Врачебное дело. 1931. № 15–16. С. 861.

²¹ Чацкий Л. Конкурс чистоты на тракторострое // Путь к здоровью. 1930.

Проект «Нового Харькова» предполагал, что все рабочие ХТЗ будут питаться в общественных столовых. В июне 1930 года на территории «Нового Харькова» работало восемь столовых, которые обслуживали восемь тысяч рабочих. Этим столовым катастрофически не хватало, так как коллектив рабочих насчитывал почти десять тысяч человек. Поэтому многим жителям «социалистического городка» приходилось приспособивать в новопостроенных домах часть жилой комнаты под кухню.

Проект «Нового Харькова» в ходе строительства претерпел существенные изменения. На воплощение в жизнь грандиозных планов строительства социалистического поселка повлияла нехватка средств. С целью удешевления строительства не были построены коридоры-мосты между построенными домами²². По проекту предполагалось возвести 288 жилых дома, из которых в 1939 году было построено 50²³.

Итак, проектировщики «Нового Харькова» рассматривали его в качестве «социалистического локуса», который станет альтернативой «старому» Харькову. Авторы проекта видели в «Новом Харькове» модель идеальной организации жизни, универсум нового быта. Однако безупречная с точки зрения авторов проекта идея «социалистического города» оказалась непосильной задачей для практической реализации. Можно констатировать, что задуманный проект «Нового Харькова» был реализован лишь в общих чертах. При всей идеологической важности проекта, его воплощение продемонстрировало все слабости жилищного строительства, создания инфраструктуры, которые станут характерной чертой советской жизни и в последующие десятилетия. Если говорить о построенном городке, его планировка, архитектурно-пространственная среда во многом детерминировали повседневную жизнь его жителей, в том числе ее отрыв от крупного мегаполиса. «Новому Харькову» не удалось стать тем «оплотом социализма», каким его видели авторы проекта, поэтому очень скоро как об идеологической составляющей строительства городка, так и в целом о провале этого проекта на официальном уровне предпочли не упоминать.

№ 23–24. С. 27; *Соломко Л.* День здоровья в бытовых коммунах // *Медицинский работник. 1931.* № 20. С. 3.

²² *Дементьев А.* Строительство соцгорода «Новый Харьков» С. 339.

²³ *Плотников В.* Побутове будівництво Харківського тракторного заводу. С. 15.

Лях Екатерина

Университет им. Генриха Гейне (Дюссельдорф, Германия)
кафедра истории Восточной Европы, докторантка
k_lyakh@yahoo.de

«ЗАПОРОЖЕЦ»: КОНЦЕПТ И ВОПЛОЩЕНИЕ ИДЕИ СОЗДАНИЯ ПЕРВОГО СОВЕТСКОГО МАССОВОГО АВТОМОБИЛЯ

В прошлом 2010 году в Запорожье, а также Львове, Мелитополе и Крыму проведением автопробега в 3333 км широко отмечался 50-летний юбилей начала выпуска на бывшем заводе сельскохозяйственной техники «Коммунар» (Запорожье, Украина) первой советской микролитражки — «Запорожца» ЗАЗ-965 — одного из самых знаковых советских автомобилей.

«Настоящим подарком для рабочего класса», согласно Н. Хрущеву, должен был стать этот новый мини-автомобиль. Обретение желанной, хотя и трудно дефинируемой, частной свободы (в виде контроля над собственным временем, организации досуга и расширения социальных контактов) обещало владение этой доступной микролитражкой, само название которой обладало сильными коннотациями свободы («запорожское козачество») и региональной укорененностью («Запорожский край», «малая Родина»). Экономичным и доступным каждому советскому трудящемуся должен был стать этот новый продукт советской промышленности, не в пример недоступным элитарным «Победам», «Волгам» или «Чайкам».

В то время как в конце 1930-х годов в Советском Союзе существовала практика предоставления права пользования или владения предметами роскоши, включая автомобили, исключительно избранным (партийным функционерам, деятелям науки и искусства, передовикам производства), а И. Сталин был ярким противником развития частного автовладения, первая послесталинская декада принесла не только определенное смягчение политического климата в стране, но и породила серьезную интенсификацию, пользуясь понятиями того времени, «частнособственнических настроений». Идея создания маленького дешевого частного автомобиля буквально витала в воздухе. Центральные и региональные газеты регулярно публиковали результаты разработок НАМИ и преимущества того или иного прототипа маленького автомобиля. На имя первых лиц государства при-

ходили сотни писем с просьбой организовать производство небольшого автомобиля, лишенного всяческих необязательных для советского человека предметов роскоши вроде радио, отопителя и стеклоподъемников¹; просители даже предлагали организовать специальный целевой заем для постройки завода-гиганта, который бы в самое короткое время удовлетворил потребность советских людей в автомобилях².

Как показывает исследование, новый долгожданный советский продукт ЗАЗ-965 (являвшийся внешне точной копией итальянского «Фиата-600»), которому готовилась роль стать первым советским массовым автомобилем, не стал ни дешевым, ни по-настоящему массовым товаром — всего в период между 1960 и 1994 годом было выпущено 3 422 444 «Запорожцев» различных модификаций, а удельная себестоимость его была значительно выше удельной себестоимости «Москвича» или «Волги». Тем не менее, его производство стало знаковым явлением, отражающим все противоречия и неоднозначность хрущевской социально-экономической политики постсталинского периода.

Целью моего исследования является анализ такого неоднозначного для социалистического общества предмета как микролитражный автомобиль «Запорожец» в его трех ипостасях: как идею (концепт), как событие советского медиапространства и как реальный предмет потребления (Konsumgut). Непосредственными исследовательскими задачами являются анализ формирования государственной политики в сфере производства частных массовых автомобилей в середине 1950-х годов; исследование возможностей лоббирования тех или иных проектов автомобильного производства в правительственных кругах; изучение реакции общественности на информацию про запуск в производство доступной автомашины; описание покупательских и потребительских стратегий советских граждан и влияние опыта частного автолюбительства на трансформацию советского послесталинского общества, включая изменения в самопонимании советского человека (по схеме «получатель — покупатель — требователь»).

В то время как функции, влияние и миф частного легкового автомобиля в социальной и политической жизни западноевропейских стран и США исследованы достаточно глубоко, проблемы производства, использования и значения частных автомобилей с Советском Союзе и

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 94. Д. 1052. Л. 38–40об.

² ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 90. Д. 1194. Л. 1–4; Там же. Оп. 93. Д. 1079. Л. 34–34об.

странах социалистического лагеря (за исключением ГДР³) — еще только ждут своего изучения. Исключение тут составляют первый концептуальный труд известного социального историка истории России Льюиса Сигельбома⁴, сравнительные исследования Люминиты Гатейель по истории потребления в странах соцлагеря с фокусом на истории автомобилевладения в СССР, ГДР и Румынии в 1960–70-х годах⁵, а также отдельные исследования по истории отдельных автомобильных марок или автозаводов⁶.

Чрезвычайно важным вопросом при анализе того, какой задумывалась первая советская микролитражка, является анализ дискуссий, проводимых в высших правительственных кругах, относительно выпуска такого «подозрительного» продукта как дешевый и массовый частный автомобиль. Следовало выяснить, кто именно и по каким резонам продвигал идею частного автомобилизма, какого рода эффект ожидался от запускаемого производства и возможно ли трактовать выпуск частного доступного автомобиля как своего рода импульс, посыл, предвещавший некую демократизацию, легализацию частной сферы на фоне «роста благосостояния» и некоторых социальных преобразований послесталинского периода.

Среди специалистов Автомобильного отдела Госплана, Госэкономкомиссии при Совете Министров СССР и Минавтопрома разгорелась дискуссия про принцип организации производства массового автомобиля. Соревновались две концепции. Первая предполагала построение завода-гиганта, оснащенного новейшей технологией по закупленным зарубежным лицензиям с привлечением иностранных специалистов. Вторая заключалась в реорганизации уже существующего предприятия,

³ Ср.: *Kirchberg P.* Plaste, Blech und Planwirtschaft. Die Geschichte des Automobilbaus in der DDR, Berlin, 2000; *Röcke M.* Auto-Alltag in der DDR, 2009; *Bauer R.* PKW-Bau in der DDR: zur Innovationsschwäche von Zentralverwaltungs-wirtschaften. Frankfurt a. M.; Berlin u. a., 1999.

⁴ *Siegelbaum L.* Cars for Comrades: The Life of the Soviet Automobile. New York, 2008.

⁵ *Gatejel L.* Sozialistische Volkswagen. Trabant, Lada und Dacia im Kalten Krieg // Osteuropa. 2009. Vol. 59. N 10. P. 167–183; *Gatejel L.* The Wheels of Desire. Automobility Discourses in the Soviet Union // Towards Mobility. Varieties of Automobility in East and West / Ed. by C. Kuhr-Korolev. Hannover, 2009. P. 31–41.

⁶ *Рубец А.* История автомобильного транспорта России, 2008; *Журавлев С., Зезина М., Пихоя Р., Соколов А.* АВТОВАЗ между прошлым и будущим. История Волжского автомобильного завода, 1966–2005. М., 2006; *Thofß K., Kirchberger M.* Škoda — Bewegte Geschichte. Plexus; Miltenberg, 2006.

использование имеющихся мощностей которого позволило бы сэкономить государственные средства и сократить срок подготовки производства с пяти-шести до двух-трех лет. Первый вариант поддерживали собственнo специалисты в области промышленного производства и автомобилестроения — Госплан, Минавтопром и, в частности, производитель А. Косыгин.

Второй вариант массового автомобилестроения назывался ведущими специалистами «кустарщиной» — т. е. непрофессиональным подходом к делу, ремесленничеством. Защитником второго плана был, например, Всесоюзный комитет ветеранов войны, который настаивал на скорейшем выпуске дешевых автомобилей, предполагая, что, в частности, удастся параллельно с новым автомобилем запустить производство и автомобиля с ручным управлением для инвалидов войны, производство которого на Серпуховском мотоциклетном заводе катастрофически хромало⁷.

Очевидно, второй вариант был одобрен и Н. Хрущевым, которого привлекала идея использовать уже существующие разработки и мощности и в кратчайший срок запустить такое знаковое производство, согласующееся с провозглашаемой им программой повышения жизненного уровня трудящихся. При этом советского лидера не смущали технические сложности такого переноса производства. Высказывания Никиты Сергеевича относительно автомобилестроения выдавали его довольно поверхностный подход к организации такого сложного производства; он искренне полагал, что покупка новейших технологий (лицензий и оборудования) способна решить проблему технологического отставания Советского Союза, а проводить сборку нового предмета производства можно будет на любых уже имеющихся площадях.

Кроме того, Н. Хрущев был ярким противником расширения уже существующих заводов в крупных городах — Москве, Ленинграде, Киеве, Харькове. При нем же вышло постановление, запрещающее и в Запорожье расширять заводские площади, хотя при реорганизации площадь завода «Коммунар» все-таки расширилась в два раза.

Сообщения в советской прессе про планируемый выпуск нового автомобиля всколыхнули советскую общественность. Вопрос о влиянии прессы на формирование общественного мнения по отношению к частновладельческой сфере вообще и автомобилизму в частности еще предстоит изучить. Но анализ сообщений в советских масс-медиа о запуске нового производства, с одной стороны, и многочисленных писем, запросов и жалоб, направляемых во все официальные инстанции, от органов

⁷ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 92. Д. 753. Л. 66–72.

соцобеспечения до Совминов союзных республик — с другой, уже сейчас позволяет выдвинуть тезис о том, что не столько появление в продаже более доступных автомашин, но и даже само появление в СМИ в конце 1950-х годов информации и возможном начале такого производства обозначило начало изменения в понимании населением своих гражданских прав, что в свою очередь вылилось во все растущее давление на правительственные структуры со стороны населения, заставлявшее руководство страны постепенно и непоследовательно, но все-же «сдавать» и «уступать» частному сектору сферу за сферой.

Исключительно важным для понимания динамики развития советского общества является анализ механизмов, закономерностей и противоречий развития рынка в условиях планового, вне рыночного способа хозяйствования. Развитие автомобильного рынка как наиболее показательного сектора советских товарно-денежных отношений представляет, в связи с этим, особый интерес для историка.

В 1950-е — начале 60-х годов существовали серьезные ограничения при покупке или продаже автомобилей. Покупка-продажа проходила исключительно через государственную торговую сеть. Покупка была возможна только по прописке — и с этим выходили курьезы, например, житель поселка, работающий в городе, не имел права стать на очередь в городе, а на села машин не хватало. Владелец автомашины долгое время не имел права продать ее другому лицу, даже родственнику, а также подарить, переписать или передать по наследству. Органы ГАИ строго преследовали использование посторонними лицами автомобилей для инвалидов, за рулем которых имели право находиться исключительно владельцы данного транспортного средства, получившие его бесплатно или с небольшой доплатой в пользование согласно строгому перечню медицинских показаний.

Однако, как и в случаях с любым другим дефицитным товаром, советская действительность представляла, наряду с жесткими ограничениями, достаточное количество возможностей обхода норм и предписаний. Автомобильный черный рынок развивался стремительно, а покупательские стратегии отличались разнообразием и находчивостью «предпринимателей» — от переоформления номеров в очереди на приобретение машины на другое лицо до внесения посторонних лиц в список работников предприятия, получавших право купить автомобиль по квоте данного предприятия, от продажи списанных автобазами машин до расхищения запчастей с ремонтируемых автомобилей⁸.

⁸ ГАРФ. Ф. Р-9477. Оп. 1. Д. 625; там же. Д. 9056.

Более того, анализ политики распределения автомобильной продукции на уровне высших органов государственного управления показывает, что в условиях стремления к «ручному управлению» всеми процессами в государстве органами власти на уровне как законодательства, так и распространенных практик, даже при распределении квот, расписанных согласно плану и строгим предписаниям, всегда закладывалась возможность «в особых случаях» обходить установленные нормы и правила. Например, Совмину СССР выделялось определенное количество автомобильной продукции для «резерва». Этот резерв мог использоваться либо для внеочередного распределения «в виде исключения» между выдающимися или же «особо нуждающимися» гражданами, либо для удовлетворения неожиданно возникшей потребности в автомобилях в той или иной сфере народного хозяйства⁹. Естественной представляется потребность в создании таких резервов и попытка таким образом сделать более мобильной неповоротливую плановую систему управления хозяйством. Но одновременно с этим сама возможность обхода ограничений плана, очереди, квоты имела и более глубокие последствия для советского социума. На протяжении долгих лет советский человек, положительное решение проблем которого ставилось в зависимость от решений местных органов власти и соцобеспечения, от справедливости медицинских комиссий (определявших наличие показаний к выделению инвалидных средств передвижения согласно строго прописанным и утверждаемым на уровне Совминов союзных республик медицинским показаниям) и от персональной «милости» глав правительства, становился человеком просящим, апеллирующим, уговаривающим и жалующимся.

Таким образом, история микроавтомобиля «Запорожец» предстает показательным примером непредсказуемых последствий непоследовательных экономических и социальных изменений периода «оттепели». Анализ возникновения автомобильного рынка в 1960-х годах позволяет углубить наши представления о советском «обществе потребления», в особенности о развитии частно-собственнического сектора в рамках государственной плановой экономики. А сама история Запорожского автозавода, вынужденного функционировать в тисках между конкуренцией различных государственных учреждений, игнорированием ответственных органов снабжения и давлением необходимости выполнения спущенных сверху планов, предстает для исследователя своеобразным «микрокосмосом» всей советской промышленности товаров широкого потребления.

⁹ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 93. Д. 1071. Л. 26.

Мухаматулин Тимур

ИРИ РАН, аспирант
timurina@rambler.ru

«ПРИСВОЕНИЕ ИСПАНИИ»: ИСПАНИЯ В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ В 1936–1939 ГОДАХ

Испанская Гражданская война стала по-настоящему важным событием почти для каждого советского человека. Мемуаристы отмечают: во многих домах на стенах висели испанские флаги, карты страны, а имя Долорес стало распространенным¹.

Восприятие Испании и испанских событий советским обществом почти не изучалось: более того, почти не изучалось и конструирование этого восприятия. Исследователи ограничивались изучением роли советских добровольцев в войне, проблемой испанского золотого запаса², военными аспектами, констатацией «международной пролетарской солидарности» в отношении Испанской республики³.

Действительное же восприятие Испании и испанских событий оставалось неизученным. Впрочем, в монографиях последнего времени все чаще звучат тезисы о важности Гражданской войны на Пиренеях для всего происходившего в СССР в то время — о том, как «пятая колонна» в это стране повлияла на ход и содержание «большого террора»⁴ и т. д.

В этом докладе, однако, речь пойдет о том, как менялось отношение к Испании в описанный период — от нейтрально-сдержанного к истерично-влюбленному, о том, как Испания входила в обиход советского человека. По сути, мы можем наблюдать «присвоение Испании», появление в общественном сознании родной и близкой советскому человеку «заграницы».

Мятеж 18 июля 1936 года застал Советский Союз врасплох. Долгое время корреспонденции советских газет по этому поводу были скудными

¹ См., напр.: *Лунгина Л.* Подстрочник. М., 2009.

² *Рыбалкин Ю.* Операция «Х». Советская военная помощь республиканской Испании. М., 2000.

³ См. напр.: *Солидарность народов с Испанской республикой, 1936–1939.* М., 1972.

⁴ *Хлевнюк О.* Хозяин. Сталин и становление сталинской диктатуры. М., 2010. С. 292–297.

и сдержанными — по сути, в них сообщались только факты⁵. Активная пропагандистская кампания в СССР началась лишь в первых числах августа. 3 августа в Москве проходит грандиозный митинг солидарности, и начинается беспрецедентное по своим масштабам движение. В газетах публикуются резолюции митингов разных городов⁶. Более того, начинается массированный сбор средств в «фонд помощи женщинам и детям героической Испании»⁷. Очень важная деталь: в уста «простых людей» — колхозников, рабочих Трехгорной мануфактуры в Москве и т. д. — вкладываются слова о том, что события в Испании сродни Гражданской войне в России⁸. Эта мысль продвигается и в газетах — франкистов называют «белыми», оборону Мадрида в ноябре 1936 года сравнивают с обороной Петрограда в мае-ноябре 1919 года⁹.

Интересно, что многочисленные аллюзии на Гражданскую войну в России носили обоюдный характер. Так, сами испанцы с удовольствием называли свои батальоны именами героев той войны — Чапаева и Щорса, прокатывали фильмы «Чапаев» и «Мы из Кронштадта»¹⁰.

«Белогвардейская» компонента в Гражданской войне поддерживалась и в произведениях искусства, созданных «по случаю». Так, в быстро написанной пьесе драматурга А. Афиногенова «Салют, Испания!» одним из самых активных отрицательных героев выступает белогвардеец Иванов, наемник на стороне мятежников.

Испания в тот момент была везде: атмосферу этого передает заметка фельетонистов «Известий» бр. Тур «Испанская осень». В ней говорится о горячих спорах об Испании в «раздевалках библиотек», о том, как влюбленная парочка в Нескучном саду уверяет друг друга, что «они не пройдут», в библиотеках спрашивают Альберти и Сервантеса. «В Москве — испанская осень...», — подытоживают авторы¹¹.

В конце 1936 года в московском Музее революции открывается специализированная постоянная выставка, посвященная испанской революции и гражданской войне. Таким образом, власти, по сути, продемонстрировали преемственность между советской и испанской революциями.

⁵ Известия. 1936. 19–25 июля.

⁶ Известия. 1936. 4 августа. С. 1–2.

⁷ Известия. 1936. 5 августа. С. 1.

⁸ Мы с Вами! М., 1936. С. 10.

⁹ Правда. 1936. 6 августа. С. 2.

¹⁰ Кольцов М. Испанский дневник. М., 1988. С. 43–44; Савич О. Два года в Испании. М., 1981. С. 74.

¹¹ Известия. 1936. 4 октября. С. 3.

Отправленные в Испанию по решению Политбюро ЦК кинооператоры Р.Л. Кармен и Б.К. Макасеев¹² снимали хронику, которая шла в советских кинотеатрах. Желание обладать частичкой Испании доходило до курьезов: в одном из универмагов Одессы выпускались (и активно распродавались) шапочки солдат республиканской армии¹³.

Такое отношение к Испании подтверждалось и желанием многих советских людей отправиться добровольцами в эту страну, органы НКВД даже ловили беспризорников и подростков, намеревавшихся отправиться туда (что сближает Испанию с «хлебным городом Ташкентом»)¹⁴. При этом очень любопытен тот факт, что в советской прессе не было упоминаний об участии советских граждан в интербригадах.

О том, что Испания в 1936–1937 годах обладала особым статусом, говорит такая деталь: советские комсомольцы вели достаточно объемную легальную переписку с испанскими сверстниками — явление, почти невозможное в отношении любой другой страны, пускай эта переписка и контролировалась спецслужбами¹⁵.

Как кажется, с определенного момента (с начала 1937 года) восприятие Испании как страны, напрямую связанной с СССР, возобладало даже среди образованной и власть имущей части общества. Так, существовал проект присоединения Объединенного союза социалистической молодежи Испании к ВЛКСМ¹⁶, решение о проведении в этой стране летом 1937 года Второго международного конгресса писателей принималось на уровне Политбюро ЦК¹⁷. Такую ситуацию можно было бы объяснить тем огромным масштабом помощи, которую СССР оказывал Республике.

Но даже люди, работавшие в ВОКС, как кажется, безапелляционно воспринимали Испанию как часть советского культурного пространства. Так, в фонде этой организации сохранился документ, в котором анонимный сотрудник организации предлагает «немедленно отправить в Испанию» Стаханова, одного из виртуозов-победителей конкурсов, скульптора Мухину, пулеметчицу Чапаева, парашютистов для организации массовых праздников и т. д.¹⁸.

¹² Российский Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 980. Л. 44.

¹³ Известия. 1936. 4 октября. С. 6.

¹⁴ Савич О. Два года в Испании. С. 75.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 533. Оп. 10. Д. 2619.

¹⁶ Там же. Д. 2623.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 985. Л. 14.

¹⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 5283. Оп. 7. Д. 840. Л. 83.

Наверное, одной из причин такого отношения стали материалы, публиковавшиеся в советской прессе. Испанские друзья СССР с удовольствием принимали советские «правила игры». Испанские писатели в газетах, подобно советским, слали «братский привет» советским летчикам и полярникам¹⁹. В личной переписке с Инкомиссией Союза советских писателей писатель Р. Альберти писал, что «любое средство избавиться от изменников Родины кажется нам справедливым...»²⁰, имея в виду Московские процессы. Описание эвакуации испанских детей из Бильбао летом 1937 года, когда столица страны басков была захвачена франкистами, заканчивается здравицами испанских детей в адрес Сталина и Страны Советов²¹.

В процессе «присвоения» Испании сами испанцы оказались в двойственном положении: с одной стороны, они в наибольшей степени оказались допущены в жизнь советского общества. Так, например, писатель П. Пля-и-Бельгран посещал мероприятия по случаю 750-летнего юбилея Шота Руставели в Тбилиси в декабре 1936 года. Особый статус испанского гостя подчеркивается двумя факторами: во-первых, он был единственным иностранцем на мероприятии, во-вторых, — его избрали в президиум торжественного заседания²².

Испанские футболисты, игроки сборной Басконии оказались едва ли не единственными спортсменами международного класса, которые смогли сыграть со своими советскими коллегами. Результат оказался не очень удачным для советского спорта: одна победа при одной ничьей и шести поражениях²³. С другой стороны, не вполне понятно, готовы ли были сами испанцы, приезжавшие в СССР, получать те знания, которые им хотели дать: так, из секретного отчета о приеме испанской делегации, прибывшей на Первомай 1937 года, мы узнаем, что «не учитывалась в достаточной степени политическая необходимость для испанской делегации познакомиться с опытом Гражданской войны в СССР, и особенно с вопросом преодоления трудностей в условиях Гражданской войны и интервенции...»²⁴. Темы, затронутые делегатами страны на Пиренеях в

¹⁹ См., напр.: Литературная газета. 1937. 26 августа. С. 1.

²⁰ Российский Государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 631. Оп. 11. Д. 336. Л. 31.

²¹ Правда. 1937. 24 июня. С. 6.

²² РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 11. Д. 197.

²³ Подробнее о визите футболистов сборной Басконии в Москву см.: Спорт-Экспресс. 2004. 13 февраля. С. 12–13.

²⁴ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 20. Д. 270. Л. 60.

беседе с представителем ВЛКСМ Косаревым, председателем СНК УССР П. Любченко, представителями ВЦСПС, показывают, что в Советском Союзе считали необходимым увязывать «опыт революции в СССР с проблемами в Испании (по вопросам единого командования, <...> борьбы с троцкизмом, коллективизации, дисциплины и т. д.)»²⁵.

Этот процесс сопровождался популяризацией испанской культуры и испанского языка. В театрах ставились пьесы испанского наследия, в Союзе издавались переводы классиков, выпускались даже специальные сборники в помощь библиотекарям²⁶. Организовывались курсы испанского языка. Однако специалистов все равно не хватало: в том же отчете говорится, что необходимо «сейчас же приступить к подготовке обслуживающих кадров» — не хватало людей с испанским языком.

Активная фаза этого процесса продолжалась с осени 1936 до лета 1937 года. Затем Испанию оттеснили на периферию общественного сознания другие события — в первую очередь начало военного противостояния Японии и Китая. Кроме того, повлияли на это позиционная война и отсутствие заметных успехов республиканцев. Более того, происходили отдельные всплески — так, в отчетах о митингах продолжают мелькать флаги «героической Испании»²⁷, а на московском Электрозаводе в январе 1938 года на них записалось 35 человек в первый же день²⁸. Но все это уже не носило массового характера. Испания потихоньку исчезала с газетных страниц, возвращались засекреченные добровольцы. Но это не означает, что проект создания «удаленной части Советского Союза» на Пиренеях не удался. Посеянный в то время интерес к Испании дал плоды — в стране остались испанские спецшколы, а испанские дети — вывезенные из воюющей страны — стали неотъемлемой частью советского общества. Конечно, в сводках о настроениях описывались многочисленные негативные высказывания об Испании, главным образом — о том, что в стране у самих голод, и нечего помогать испанцам, но они соседствовали с искренними проявлениями энтузиазма и солидарности с Испанской республикой²⁹.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 20. Д. 270. Л. 63.

²⁶ Они были выпущены в Москве и Минске в 1936 г.

²⁷ Правда. 1938. 4 мая. С. 2.

²⁸ Правда. 1938. 4 января. С. 3.

²⁹ Подробно этот вопрос рассматривает в своей монографии Ш. Фитцпатрик, ссылаясь на документы из ЦГАИПД Санкт-Петербурга: *Фитцпатрик Ш. Повседневный сталинизм: социальная история советской России в 1930-е годы*: город. М., 2008. С. 205.

Уникальность «испанского проекта», как кажется, заключается в том, что создание «родной заграницы» не повлекло за собой упрощения отношений с внешним миром в целом. Испания осталась, на долгое время, исключением из правил.

Тем не менее, опыт «присвоения» Испании, формирования образа целой страны и его восприятия как «родной и близкой»³⁰, кажется необходимым для «конструирования советского» в отношении отдельных частей внешнего мира, ведь затем нечто подобное происходило в отношении Кубы, Чили, Вьетнама и других стран.

³⁰ Именно такими терминами описывает советско-испанские отношения того времени М. Кольцов, см.: Правда. 1937. 9 апреля. С. 2.

Николенко Юрий

Латвийский университет
историко-философский факультет, магистр, 1 курс
jurij_nikolenko@mail.ru

СОВЕТСКАЯ ЛАТВИЯ 60-х НА ПОЛИТИЧЕСКОМ ПЛАКАТЕ

В двадцатом веке политический плакат прошел очень длинную и непростую историю развития. Его использовали, чтобы запугивать и переманивать на свою сторону, он должен был вдохновлять людей на подвиги и показывать достижения народа. Плакат стал чем-то большим, нежели просто изображением, он стал свидетелем эпохи, раз и навсегда запечатлевшим реалии времени, в котором был создан. Талантливый плакатист мог не просто создавать эффективный инструмент влияния на сознание человека, но и наполнил его неповторимым смыслом, который спустя десятилетия мы можем читать и открывать что-то новое.

В советские времена плакат занимал очень важное место в общественно-политической жизни советского общества. Плакат был очень эффективным и проверенным каналом коммуникации политики и общества. К тому же существовали общие принципы, по которым плакаты создавались, стоит учитывать некоторые региональные особенности плакатов. Политический плакат в Латвийской ССР имел свои особенности и свои символы, чем отличался от плакатов других союзных республик.

60-е годы стали поворотным моментом в истории плаката. В качестве примера можно использовать плакат знаменитого в Советской Латвии Осиса Магониса, созданный в 1964 году; он был посвящен событиям революционным событиям Октября. Многие из плакатов, посвященные этому событию, отражают массовость, героев революции и их подвиг, и тем самым переносят на потомков то, что достигнуто предками, олицетворяя эти достижения. Это, несомненно, имело большой воспитательный характер. Однако к 60-м годам ситуация немного меняется. Вместо героев революции и представителей различных классов приходят молодые люди, которые несут в себе уже другой идеологический смысл, полностью соответствующий той эпохе. Демонстрация ассоциаций с Октябрьской революцией для людей уже не является актуальной; к тому же они перестают ассоциировать себя с героями революции¹.

¹ Реальность утопии: искусство русского плаката 20 века / Сост. К. Вашик, Н. Бабурин. Москва, 2004. С. 181.

В плакатном искусстве 60-х годов в ЛССР меняется система ценностей в обществе. Подобные тенденции сразу же находят свое отражение на плакате. Это связано в первую очередь с использованием национальной символики. Очень часто на плакатах той эпохи мы можем наблюдать большое количество национальных элементов, как в одежде, так и в оформлении плакатов. Данному явлению было несколько объяснений:

1. Политическое руководство считало необходимым использование национальной символики, поскольку это помогало части общества, которая не принимала советскую власть, идентифицируя себя с этими символами. Через эти символы власть могла показывать сомневающимся, что им важно сохранение культурного наследия латышского народа.

2. Сохранение своей национальной идентичности было крайне важным, поэтому использование национальной символики в политическом плакате было обосновано в первую очередь желанием со стороны власти укрепить в обществе советскую власть и положительное отношение к ней.

3. Использование национальных символов на плакатах было сбалансировано с использованием символики общесоветской. При этом доминирование национальных символов не позволялось².

При анализе плакатов, созданных в ЛССР, следует учитывать некоторые особенности, которые присущи местной школе. Поскольку некоторые символы являются общепринятыми (они были таковыми во время Советской эпохи), однако значение этих символов не всегда было одинаковым на всем пространстве СССР. При подробном изучении данной символики представляется возможным видеть некоторые особенности, которые имели место на плакате Советской Латвии. Основываясь на этом, можно также предположить, каким было отношения народа к подобным символам, действиям и знакам.

Важна также одежда, в которой изображен персонаж на плакате. Элементы одежды имеют не меньшее значение для понимания символичности плаката, чем сюжет. Одежда на плакате помогает понять, к какому классу относится человек, дает представление о его профессиональных занятиях. Использование народного костюма на плакате говорит о традиционных ценностях. Причем символичность одежды также указывает на сферу занятий человека и помогает раскрыть задумку и основную идею плаката.

² Latvijas vēsturnieku komisijas raksti 25. Sejums Latvijas vēstures instituta apgāds, Rīga, 2009.

Подобное положение дел в плакатном искусстве начинает меняться ко второй половине 60-х годов. С этого момента национальные символы начинают исчезать с плакатов, на их место приходят традиционные советские символы — флаги, гербы, которые изображены в высшей степени художественно. Это может свидетельствовать о начале стабилизации советской власти в общественном сознании и принятии обществом общих идеалов Советского Союза³.

Можно также сказать, что плакат в это время начинает реабилитировать такие понятия как личное счастье и индивидуальность человека. Хотя массовость и показание конкретной идеи присутствует, однако мы можем видеть, что изменения происходят и на первый план начинают выдвигаться новые ценности и новые образы — изображения людей и событий.

С началом 60-х плакаты Советской Латвии направлены на выражение проблем общества. На плакатах отображаются наиболее острые проблемы. Любопытно заметить, что проблемам экологии на плакате уделялось серьезное внимание, в основном это связано с загрязнением воды. Впрочем, встречаются и плакаты с другим сюжетом, но тематика экологии остается.

Плакаты с социальной тематикой можно условно разделить на две основные группы:

1. Тема здорового образа жизни и развития массового спорта, а также плакаты, посвященные спартакиаде в рамках СССР.

2. Второй темой можно назвать «нездоровый» образ жизни. В этом блоке представлены плакаты, направленные на искоренение таких пагубных привычек, как алкоголизм (стоит отметить, что проблема курения фактически отсутствует). Также к этому блоку можно отнести и проблемы нравственного поведения граждан Советской Латвии.

Важным и неотъемлемым элементом жизни общества Латвийской ССР были праздники. Праздник был направлен на сплочение общества и формирование в нем общих ценностей. Отражение на плакате главных в обществе праздников, и то, как они отображены, говорит об их степени важности и о том образе, который складывался в умах у плакатистов и в рамках общества. Первостепенными здесь были праздники, связанные с партией и коммунистическими церемониями — съезд партии. На втором плане были такие праздники, как 8 марта, 1 мая, 9 мая, 23 февраля⁴.

³ *Bleidere D., Butulis I., Feldmanis I., Stranga A., Zunda A.* Latvijas Vēsture: 20. Gadsimts. Otrās pārdzinātais izdevums. Rīga, 2005.

⁴ *Aulich J., Sylvesrova M.* Political posters in Central and Eastern Europe, 1945–95. New York, 2000.

В Советской Латвии к этому списку добавлялись и местные праздники, которые содержали как национальный, так и партийный элемент⁵.

Плакатное искусство Советской Латвии весьма разнообразно и представляет собой очень важное и неотъемлемое культурное наследие советской эпохи. В принципе, латвийский плакат, ничем не отличаясь от других плакатов своей эпохи, смог запечатлеть её важнейшие символы. Несмотря на свою художественность, политический плакат 60-х годов несет важную информацию о том, чем жило советское общество Латвии, какие проблемы были для него актуальными, как их представляли. Образ, представленный на плакате, является образом собирательным. Плакатисты тонко чувствовали настроение общества и поэтому с такой точностью смогли передать эти сюжеты и образы. Каждая мелочь и каждая деталь плаката Советской Латвии несет свой неповторимый смысл, который уходит корнями в национальную культуру латышей. Подобные символы активно использовались именно в последнее десятилетие. Политический плакат ЛССР показывает нам тот национальный элемент, который присутствовал в интернациональной стране. Он представляет собой зеркало, которое отражает жизнь и проблемы людей общества 60-х, живших на одной шестой части суши в братской республике у Балтийского моря — Латвийской Советской Социалистической Республике.

⁵ Latvijas vēsturnieku komisijas raksti 25. Sejums Latvijas vēstures instituta apgāds. Rīga, 2009.

Резник Александр

Европейский университет в Санкт-Петербурге
исторический факультет, слушатель, 2 курс
reznik07@gmail.com

АКТИВНАЯ (ОП)ПОЗИЦИЯ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОТЕСТ РАБОЧИХ ВО ВНУТРИПАРТИЙНОЙ БОРЬБЕ 1923–1924 ГОДОВ

7 ноября 1923 года в «Правде», центральном печатном органе РКП(б), была опубликована статья Г.Е. Зиновьева «Новые задачи партии». Этим была официально провозглашена дискуссия о внутрипартийном положении. «Отрыв» партии от своей социальной базы, а ее аппарата — от рядовой массы; практика «назначенства» и «рекомендаций», вытеснявшая выборность; возрастание социального расслоения «верхов» и «низов»; подавление свободы слова — эти и другие проблемы оказались в центре внимания «общественного мнения» РКП(б). Как реакция на экономический и социально-политический кризис (забастовки в ряде промышленных центров), в октябре заявила о себе внутрипартийная оппозиция, известная как «троцкистская» и левая. В письмах Л.Д. Троцкого и «Заявлении сорока шести» известных партийных лидеров указывалось на необходимость действительной реализации принципов «рабочей демократии», сформулированных в резолюции X съезда в 1921 году. С принятием 5 декабря резолюции «О внутрипартийной демократии» политическое руководство формально идет на уступки, но политическая борьба разгорается вокруг вопросов о «гарантиях» проведения «нового курса» и перевыборов аппарата. Но «аппаратчики» реализовали курс на «организационный разгром» оппозиции, которая была осуждена как «мелкобуржуазный уклон» к январю 1924 года¹.

Оппозиционность, т. е. поддержка оппозиционных тезисов или вождей, являлась одной из естественных форм выражения социального и политического протеста рабочих-коммунистов в период внутрипартийной дискуссии. Как правило, на партийных собраниях в защиту «точки зрения ЦК» выступали секретари и председатели партийных и советских комитетов — «аппаратчики», зачастую представлявшие собой как творцов, так и

¹ См.: *Вилкова В.П.* От составителя // РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы: Документы и материалы. 1923. М., 2004. С. 5–29.

детей системы «назначенства». В этом контексте выступление в поддержку или защиту вождей оппозиции де-факто являлось выступлением против местной «бюрократии» (обратные или смешанные случаи были редкостью и нуждаются в отдельном исследовании). Нужно учитывать тот факт, что помимо принципиальной поддержки оппозиции, была и ситуативная, «оппортунистическая» оппозиционность, не имевшая, как правило, прямой связи с действительными идеями и, тем более, лидерами оппозиции (что явилось важной причиной ее поражения).

Вопрос о том, что представлял собой политический протест рабочих на собраниях в контексте внутрипартийной дискуссии, является «белым пятном» историографии. Став «заложником» линии победившей фракции еще во время внутрипартийной дискуссии, в советской историографии рабочий-оппозиционер являлся фигурой умолчания. Западные историки, лишенные доступа к архивам, фокусировались на борьбе и идеях элит². С развалом советского блока как «рабочая история» вообще, так и история оппозиции 1923 года на долгое время стали маргинальными темами. Тем не менее, вслед за открытием архивов появились исследования оппозиций на уровне отдельных региональных центров, городских районов и других локальных структур³. Изучая дискурсивные практики на кейсах «коммунистического студенчества», И. Халфин вышел на уровень первичных парторганизаций — ячеек⁴. С. Пирани, сфокусировавшийся на столичном рабочем классе, ограничился изложением некоторых фактов самостоятельной оппозиционности фабрично-заводских ячеек⁵. Единственная монография, целиком посвященная истории «классовой борьбы» на крупном московском заводе, сообщает об общей поддержке оппозиционных докладчиков рабочими, оставляя в тени собственно рабочих как субъектов⁶. Данные исследования обозначили гра-

² См. классический труд: *Daniels R.V. Conscience of the Revolution. Communist Opposition in the Soviet Russia. Cambridge, 1960.*

³ См. например: *Олех Г.Л. Поворот, которого не было: Борьба за внутрипартийную демократию 1919–1924 гг. Новосибирск, 1992; Кружинов В.М. Политические конфликты в первое десятилетие советской власти (на материалах Урала). Тюмень, 2000; Hicks D. Support for the Opposition in Moscow in the Party Discussion of 1923–1924 // Soviet Studies. 1992. N 44(1). P. 137–152.*

⁴ *Halfin I. Intimate Enemies. Demonizing the Bolshevik Opposition, 1918–1928. Pittsburgh, 2007.*

⁵ *Pirani S. The Russian Revolution in Retreat, 1920–24. Soviet Workers and the New Communist Elite. London, 2008. P. 220–222.*

⁶ *Murphy K.J. Revolution and Counterrevolution: Class Struggle in a Moscow Metal Factory. Chicago, 2005. P. 165.*

ницы политических пространств РКП(б), однако рабочая оппозиционность во внутривнутрипартийной борьбе до сих пор исследована поверхностно, «широкими мазками» и без должного внимания к контексту и конкретным практикам ее осуществления.

Одной из главных причин «закрытости» темы является специфика источниковой базы, представляющей собой, в основном, партийное делопроизводство (в единичных случаях известны документы личного происхождения). Это в первую очередь протоколы собраний (стенограммы велись крайне редко) с сухими, в несколько предложений, выжимками из выступлений. Как правило, не были многословными и письма секретарей («личные», «закрытые», «информационные» и т. д.), содержавшие отчеты вышестоящему начальству, к которым иногда прикладывались протоколы собраний и выдержки из печати. Выполняя рутинные служебные обязанности, секретари были склонны описывать оппозиционные выступления работников партаппарата, а не рядовых партийцев. Конкретные формы, механика протестных действий до сих пор оставались в тени.

Рабочий протест эпохи революции и гражданской войны был неоднородным в разных регионах страны⁷. То же самое можно сказать о политическом протесте партийных рабочих в дискуссии о «внутрипартийной демократии». Формы его проявления различались не только по регионам и городам с соответствующими институтами и практиками, но и по ячейкам на разных фабриках и заводах.

22 декабря 1923 года в секретариат Л.Д. Троцкого поступила телефограмма А.Л. Колегаева, главы Москуста — объединения нескольких предприятий различного профиля. Он передал текст небольшого оппозиционного «постановления» общего собрания ячейки завода «Красный кожевник» (Москва), в котором говорилось, что «ЦК и партийный аппарат обнаружили желание диктовать партии свое толкование тезисов ЦК [о внутрипартийной демократии], что явно противоречит тезисам ЦК. В этом есть противоречие, вносящее обострение в дискуссию и создающее возможность таких выступлений, как выступление тов. Сталина против тов. Троцкого»⁸. Стиль этой протестной резолюции сви-

⁷ Чураков Д.О. Революция, государство, рабочий протест: формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России: 1917–1918 годы. М., 2004.

⁸ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 33987. Оп. 1. Д. 569. Л. 334. Автор глубоко признателен Г. Альберту за копии этих и других документов РГВА.

детельствует о «пролетарском» авторстве, несмотря на то, что она не отражала чисто классовых недовольств, а передал ее «управляющий». Напрашивается предположение, что бывший левоэсеровский нарком земледелия Колегаев своекорыстно провел резолюцию в интересах своего патрона Троцкого. «Сам товарищ Троцкий ему [Колегаеву] покровительствовал и однажды даже удостоил своим посещением особняк Москуста», — вспоминал сын работавшего там инженера. Однако, рабочие могли добровольно и самостоятельно протестовать против нападок на «вождя», ведь, по словам того же мемуариста, «кусты являлись изобретением самого товарища Троцкого, Москуст находился под его особым покровительством»⁹. В рамках укоренившихся патерналистских паттернов хотя бы часть трудящихся не могла не связывать свои надежды с фигурой «покровителя». «Мы получили ваше письмо, в котором вы обещаетесь быть у нас, и надеемся на ваше скорое выздоровление, так как все рабочие горячо желают видеть вас», — писали из другого завода Москуста¹⁰.

Резолюции, осуждавшие «резкие выпады на т. Троцкого», принимались во многих ячейках Москвы, констатировали в аппарате ЦК¹¹. Однако, судя по косвенным данным, оппозиционность рабочих чаще проявлялась по другим причинам.

Протестные «выражения и мысли» московских рабочих были зафиксированы в специальном документе, отложившимся в архиве ЦК. Его автор, Рабкин, судя по всему, сотрудник одного из отделов ЦК, составил эту «сводку» по выступлениям в рабочих ячейках и на пленуме Бауманского районного комитета. Выявилось недовольство аппаратом партии (в том числе ЦК), ответственным за ошибочный «старый курс» и пассивность, конформизм рядовых партийцев. Раздавались протесты против «давления сверху» в ходе дискуссии и «однбокости» информации в печати о ней. Доставалось как местным аппаратчикам, так и членам политбюро: «Я первый раз выступаю, до сих пор не давали. Возьмем Аронштама¹²: чуть рот разину — сразу демагог. Такие аппаратчики осу-

⁹ Голицын С.М. Записки уцелевшего. М., 1990. С. 156.

¹⁰ Письмо завкома, бюро ячейки и делегатского собрания завода «Красный поставщик» / РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 569. Л. 306 об.

¹¹ Обзор деятельности и состояния Московской организации РКП(б) за 1923 год / Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 33. Д. 243. Л. 92.

¹² Член Московского комитета РКП(б).

шестить демократию не могут»; «Зиновьев и Каменев забыли, что тов. Ленин в 17 году назвал их дезертирами и штрейкбрехерами»¹³.

Переходя от слов к делу, некоторые ячейки выносили радикальные решения. Так, ячейка Гознака заново приняла в партию бывшего меньшевика, вступившего в РКП(б) в гражданскую войну и имевшего репутацию «смутьяна» за непримиримую борьбу с принудительной подпиской на «золотой заем»; на следующем собрании ячейка потребовала сменить секретаря местного райкома. Как недостаточно демократично, своего секретаря переизбрала ячейка АМО (ныне ГАЗ). Партийцы завода «Метрон» требовали права посещения заседаний любого комитета и прекращения составления аппаратчиками «секретных дел» на членов партии¹⁴.

Общим препятствием для развития оппозиционности в провинции являлась недоступность непосредственной коммуникации с лидерами оппозиции. Часто «аппаратчики» являлись монополистами информации о происходившей дискуссии. Знание как форма власти являлась важным фактором сдерживания рабочей оппозиционности. Неудивительно, что наиболее значимые проявления протестов «низов» возглавлялись работниками парткомитетов разных уровней иерархии.

Высокопоставленный партийный и профсоюзный функционер в письме секретарю ВЦСПС описал конкретную ситуацию внутривнутрипартийной борьбы в Красноярске, где оппозицию возглавили глава губернских профсоюзов В.Ф. Пронский и ряд ответственных профсоюзных работников. Будучи сторонником ЦК, он тенденциозно представлял «массу» исключительно в качестве объектов деятельности оппозиции, которая «разводила демагогию на почве заработной платы, твердила везде и всюду, что губком понижает зарплату». Как бы то ни было, «демагогия» отвечала настроениям рабочих. Тем более сыграло свою роль *повседневное* взаимодействие лидеров и масс: «секретари ячеек первого района были обработаны, как говорят сибиряки на «Ять», секретари сплошь рабочие, хорошие, энергичные ребята, оппозиция проводила все время в районе, они не только работали в ячейках, они индивидуально обрабатывали публику, они проводили все свободное время в районе, спали в районе, выпивали с ребятами, словом все возможное делали, чтобы район был ихний и они в этом больше чем преуспели». Представляется, что такая «демократическая» форма политической коммуникации оппозиционеров в немалой степени подпитывала протестный потенциал рабочих.

¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 306. Л. 6.

¹⁴ Pirani S. The Russian Revolution in Retreat... P. 220–221.

Такие условия благоприятствовали нарушениям привычных норм поведения на собраниях. Когда на очередном собрании секретарь губкома сообщил об исключении из партии только что избранных в президиум лидеров оппозиции, «получился невероятный кавардак в результате большинство членов ушло с собрания с пением Интернационала»¹⁵.

Известны случаи, когда оппозиционно настроенные партийные функционеры, начав внутривнутрипартийную дискуссию, «разоружались» раньше рядовых партийцев, обрекая их на изоляцию и беззащитность перед критикой большинства. 3 января 1924 года состоялось районное собрание парторганизации Мотовилихинского завода (города Перми), на котором докладчиком в защиту ЦК выступил председатель окружного исполкома М.А. Советников, а содокладчиком от оппозиции — руководитель окружного агитпропа А.И. Баранов. В прениях почти половина ораторов выступила в протестном духе. Первый из них, слесарь С.С. Шубин заявил, что ЦК «держал под сукном» резолюцию X съезда о внутривнутрипартийной демократии, а на нижнем этаже иерархии, в ячейках, всем руководят секретари: «что они скажут, то мы и сделаем». Другой рабочий, столяр Г.П. Бурьлов, как бы обозначая свое классовое отличие от профессиональных ораторов типа Советникова, с которым Бурьлов выразил несогласие, начал со слов: «Я плохо говорю, но поучусь». Важно, что заводчанин решил нарушить внутривнутрипартийное табу, заявив, что «некоторые положения Мясникова сейчас приемлемы, а тогда ему зажал Губком рот»¹⁶. Бурьлов «играл с огнем», ведь местная левокоммунистическая оппозиционная группа во главе с рабочим вожак Г.И. Мясниковым (1920–1922), несмотря на уверенную поддержку заводчанами, была разгромлена усилиями ГПУ¹⁷. В заключительном слове Баранов пошел на попятную, заявив, что «в прениях выявлено единство». Советников, заявив, что Баранова «полностью» к оппозиции причислить нельзя, сосредоточился на борьбе с крамольными высказываниями Бурьлова и других коммунистов из «низов». В итоге резолюция в поддержку ЦК получила 95, а «оппозиционная» — 35 голосов¹⁸. После известий о том, что оппозиция по городу в целом получила 40 % голосов, ее лидеры, судя по всему, подчинились дисциплине и прекратили

¹⁵ Письмо председателя Сиббюро ВЦСПС Ю.А. Фигатнера секретарю ВЦСПС А.И. Догадову 28.05.1924 / РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 205. Л. 1–2 об.

¹⁶ Протокол / Пермский государственный архив новейшей истории (ПермГАНИ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 70. Л. 14–14 об.

¹⁷ См.: Аликina Н.А. Дон Кихот пролетарской революции. Пермь, 2006.

¹⁸ ПермГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 70. Л. 15–15 об.

борьбу. Но 9 января, на партконференции в Мотовилихе, делегаты Шубин и Сильгин не побоялись встать в оппозицию секретарю райкома по вопросу о свободе дискуссии. Очевидно, они же и были в числе тех двух человек, голосовавших против резолюции с призывом прекратить дискуссию и сплотиться вокруг ЦК¹⁹.

Как видно на примере Мотовилихи, выражавшие протестные настроения «низов» рабочие были «одиночками», которых не представляло труда противопоставить «массе». В контексте внутривнутрипартийной дискуссии политический протест рабочих-коммунистов принимал разнообразные формы, но, судя по исследованным документам, в целом не нарушал устоявшихся практик и конвенций. Даже яркий случай протестного и солидарного, с пением «Интернационала», ухода с собрания красноярских партийцев отсылал к революционной традиции и даже рутинным формам политических манифестаций. Подобные эффективные меры, попадавшие под запрещенную «фракционную деятельность», предпринимались, судя по всему, в единичных случаях, и в целом не могли предотвратить поражение оппозиционеров.

¹⁹ Протокол / Там же. Л. 81–82.

Синяк Сергей

Белорусский государственный университет
исторический факультет, аспирант, 2 год
berezinec@yandex.ru

ПРОБЛЕМА САМООПРЕДЕЛЕНИЯ НЕСФОРМИРОВАВШИХСЯ НАЦИЙ: БЕЛОРУСЫ (1917–1919 ГОДЫ)

К 1917 году белорусы представляли собой народ, более чем на 90 % состоящий из крестьянства, с низкой грамотностью (ниже российского уровня в 1,6 раза)¹ и, как следствие, неразвитым политическим сознанием. Для белорусского крестьянина того времени обыденные житейские вопросы, удовлетворение первичных жизненных потребностей значили гораздо больше, чем политическое самоопределение Северо-Западного края Российской империи. Крестьянская собственность на землю составляла только 46 % от всей земельной собственности Беларуси², а промышленный пролетариат к 1917 году насчитывал ориентировочно 60 тысяч, т. е. менее 0,5 % от общего числа населения края и был на три четверти белорусским по составу³. Поэтому первым на повестке дня для Беларуси стоял вопрос о земле.

Процессы этнополитической консолидации белорусской нации отставали от подобных процессов у соседей⁴. Значительная часть населения находилась на стадии этнографической массы, национальное самоопределение которой в принципе невозможно, ибо для него необходим определенный уровень культурности этноса⁵.

Таким образом, названные выше обстоятельства обусловили отсутствие в структуре потребностей большинства населения Беларуси ясно-го стремления к политическому самоопределению края.

¹ Шарангович В.Ф. 15 лет КП(б)Б и БССР. Минск, 1934. С. 16.

² Там же.

³ Воронова А.Н. Положение рабочего класса в Белоруссии в конце 19 — начале 20 века // Труды института истории АН БССР. Вып. 3. Минск, 1958. С. 170.

⁴ Ладысеў У.Ф., Брыгадзін П.І. Паміж Усходам і Захадам: Станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі (1917–1939 гг.). Мінск, 2003. С. 96.

⁵ Чудзін-Васілеўскі Ю. Да гісторыі барацьбы за беларускую школу ў Гомельскай губерні РСФСР 1919–1926 гг. // Гомельшчына: старонкі мінулага: Нарысы. Вып. 1. Гомель, 1994. С. 51.

На выборах в Учредительное собрание за белорусские партии и организации проголосовали 19 тыс. избирателей (0,6 % от всего количества), притом самая массовая национальная партия — Белорусская социалистическая громада (далее — БСГ) получила около 10 тыс. голосов (0,3 %). Этой партии не удалось провести в Учредительное собрание ни одного депутата, несмотря на то, что ее кандидаты выдвигались не только на территории Беларуси, но и в местах проживания беженцев-белорусов в России⁶. В результате отсутствия ясной поддержки национальных партий населением у власти в Беларуси становились люди, для которых национальные задачи белорусов ничего не значили, а это еще более усугубляло проблему самоидентификации и поддержки населением идеи самоопределения Беларуси.

Таким образом, белорусский вопрос в 1917 году мог быть решен только административным путем, сверху. Такая возможность появилась с приходом к власти большевиков.

Декларированное советской властью право народов на самоопределение вплоть до отделения предоставляло национальным движениям первоочередное право на участие в устройстве жизни своих народов. Созданный декретом СНК от 14 февраля 1918 года Белорусский национальный комиссариат (далее — Белнацком) получил относительно широкий набор прав и обязанностей по отношению к белорусскому народу. Действуя в рамках своих полномочий, Белнацком, во взаимодействии с белорусскими секциями РКП(б), стремился прежде всего к постепенному расширению сферы употребления белорусского языка, грамотности среди белорусов, знакомил их с белорусской культурой и историей. Культурно-просветительная работа была необходимым условием поднятия культурного уровня народа, на основе которого становилась возможной пропаганда конечной цели — создания белорусской государственности.

Но, даже имея официальное первоочередное право на проведение национально-культурной работы среди белорусов, на пропаганду идеи белорусской государственности, деятели Белнацкома и белорусских секций РКП(б) встречали немало препятствий в своей деятельности.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о негласном делении комиссариатов на главные и второстепенные, или о формировании коллегии Наркомнаца. 15 февраля 1918 года состоялось обсуждение принципов ее формирования. Коллегию составили только «комиссары»,

⁶ *Урбановіч А.* Устаноўчы сход // *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т.* Мінск, 2003. Т. 6. С. 11.

«управляющие делами» в нее не вошли. Для Белнацкома был назначен «управляющий делами», который, таким образом, в решении коллегией вопросов белорусского населения не участвовал⁷. 23 июля 1918 года, в связи с постановлением СНК РСФСР о составе коллегии Наркомнаца⁸, И.В. Сталин через своего заместителя С.С. Пестковского просил утвердить новый состав коллегии в СНК и в ЦК РКП(б). В предложенном составе было налицо нарушение принципа национального представительства: если от латышского и польского комиссариатов выдвигалось сразу по два работника, то целый ряд национальных отделов вообще лишались представительства. Неясная мотивировка отбора кандидатов вызвала у членов СНК вопрос о принципе её формирования. Состав был утвержден условно, с сокращением «лишних» кандидатов от поляков и латышей⁹. 27 июля 1918 года вопрос о принципах формирования коллегии обсуждался на заседании Наркомнаца. Камнем преткновения стала численность коллегии. А.Х. Устилович, стремясь добиться включения в состав коллегии представителя белорусов, апеллировал к решению съезда белорусов-беженцев, но встретил единодушный отпор в лице заместителя комиссара по латышским делам О.Я. Карклина и комиссара по польским делам С.Я. Бобиньского. В.С. Мицкявичус-Капсукас, комиссар по литовским делам, также предложил утвердить состав из девяти человек, без представителя белорусов¹⁰. 30 сентября 1918 года СНК утвердил состав коллегии. Представитель белорусов в нее не вошел, и поднять вопросы, связанные с устройством Беларуси в связи с уходом немецких войск, было некому. Если такие проблемы и ставились на обсуждение, логично, что решающим было мнение представителей народов соседних с Беларусью территорий — Литвы, Латвии и Польши. Таким образом, дела белорусов в коллегии Наркомнаца, на протяжении всего периода её существования, решались без участия белорусов.

Участие польских, латышских и литовских деятелей в решении белорусских вопросов выражалось в разной степени и в иных формах:

- 1) в работе среди белорусских беженцев-белорусов;
- 2) в использовании советских работников-белорусов в своих целях;

⁷ 1 января 1919 года: Временное рабоче-крестьянское советское правительство Белоруссии: док. и материалы. Мн., 2005. С. 217.

⁸ *Чеботарева В.Г.* Наркомнац РСФСР: свет и тени национальной политики 1917–1924 гг. М., 2003. С. 39.

⁹ Там же. С. 40.

¹⁰ Там же. С. 41.

- 3) в негласных, скрытых территориальных претензиях;
- 4) в работе центральных исполнительных органов Беларуси.

Хотя в этническом плане больше всего беженцев в России были белорусами, финансирование беженского отдела Белнацкома было гораздо слабее, чем, к примеру, этого же отдела литовского и польского комиссариатов¹¹. Белнацком по возможности старался посылать своих эмиссаров в города наибольшего скопления беженцев-белорусов. При этом инициатива исходила, как правило, именно от самого Белнацкома, ибо местные власти могли и не позаботиться о том, чтобы делами беженцев-белорусов занимались именно белорусские работники. Так, несмотря на многочисленность белорусского населения в Саратовской губернии, основу которого составляли беженцы (свыше 70 тыс.), своей национальной организации они не имели. Выдвигая аргумент о похожести белорусского языка на русский язык, местные власти в большинстве случаев считали белорусских беженцев беженцами русской национальности. Помощь белорусам оказывалась комитетом русской национальности, руководил которым поляк. Поэтому многие поляки, жившие в Саратове, сотояли на довольствии двух организаций — Польского комитета и Комитета Русской национальности. Эмиссар Белнацкома А. Степанюк прибыл в Саратов в июле 1918 года. 25 июля состоялось общее собрание белорусских беженцев, которое постановило «образовать в Саратове свой белорусский комитет, вокруг которого должны сплотиться все истинные сыны Белоруссии». Однако из-за трудностей организационного и финансового характера оформление комитета завершилось только к осени 1918 года. Например, 14 августа 1918 года эмиссар белорусского отдела написал заявление о передаче ему беженских дел «белорусских» губерний. Дела находились в ведении комитета русской национальности и, возможно, в связи с его ликвидацией были переданы Совету беженцев-поляков. Но саратовский Совет беженцев-поляков, ссылаясь на решение саратовской коллегии о военнопленных и беженцах, отказал эмиссару, заявив, что об этом «не может быть и речи»¹².

По поводу использования работников-белорусов в работе небелорусских организаций известно, что литовская секция при Петроградском комитете РКП(б) занималась мобилизацией лучших работников-

¹¹ 1 января 1919 года. С. 217.

¹² Шалыгин А.А. Национальная политика Советского государства в 1917–1928 гг. и ее реализация в Саратовской губернии: дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02 / ГОУ ВПО «Саратовский государственный ун-т им. Н.Г. Чернышевского». Саратов, 2010. С. 75–76.

белорусов. Проблема обсуждалась на заседании Петроградской белорусской секции РКП(б) 12 декабря 1918 года. Мобилизация, по-видимому, приняла широкий размах. Заседание обсудило доклады по этому вопросу четырех членов секции и постановило обратиться за инструкциями в ЦК РКП(б)¹³.

В условиях, когда национальное самоопределение подчинялось задачам классовой борьбы, заявлять о территориальных претензиях было преступлением против революции. Поэтому такие претензии носили опосредованный, неявный характер, и главным их прикрытием становились как раз таки классовая борьба либо «воля народа», выраженная через съезд Советов. Мы не станем останавливаться на проблеме присоединения к РСФСР трех восточных губерний ССРБ согласно постановлению ЦК РКП(б) от 16 января 1919 года. Эта проблема требует отдельного рассмотрения. Обратим внимание на менее известные сюжеты.

На II съезде Советов Латгалии в декабре 1918 года был решен вопрос о присоединении Латгалии к Латвии¹⁴. Люцинский, Режицкий и Двинский уезды, которые входили в состав Латгалии, были частично заселены белорусами. В таком случае размежевание между Латвией и Беларусью должно было происходить на государственном уровне, в рамках работы специальной комиссии. Такая норма была прописана как в Постановлении о границах Белоруссии¹⁵, так и в Конституции Латвийской ССР¹⁶. Часть партийных работников Латгалии были против присоединения к Латвии. Сторонники присоединения решили вынести вопрос на съезд Советов, что, естественно, и решило исход борьбы в пользу присоединения всей Латгалии к Латвии, ибо представительство латышей на съезде было больше¹⁷. Окончательно эта территория отошла к Латвии по латышско-русскому мирному договору от 11 августа 1920 года.

Потеря Беларусью Вильно впервые произошла в конце 1918 года, с образованием Литовской ССР. На тот момент Вильно и территория вокруг города радиусом 20–60 верст была на 75 % заселена белоруса-

¹³ Центральный государственный архив историко-политических документов г. Санкт-Петербурга. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1350. Л. 13.

¹⁴ Юревич А. В Резекненском уезде // За Советскую Латвию: Воспоминания борцов. 1918–1919. Рига, 1960. С. 505.

¹⁵ Ладысеў У.Ф., Брыгадзін П.І. Паміж Усходам і Захадам... С. 268.

¹⁶ Социалистическая Советская Республика Латвии в 1919 году и иностранная интервенция: документы и материалы в 2 томах. Т. 1. Образование Социалистической Советской Республики Латвии и социалистическое строительство в 1919 г. Рига, 1959. С. 253.

¹⁷ Там же. С. 266.

ми¹⁸. 28 декабря 1918 года И.В. Сталин сообщал в телеграмме В.С. Мицкявичусу-Капсукасу в связи с образованием ССРБ: «Литовская территория остается неприкосновенной и никто Вам больше мешать не будет»¹⁹. По всей видимости, включение Виленской губернии в состав Литовской республики состоялось по желанию литовского комиссара и было поддержано И.В. Сталиным.

Вплоть до повторного провозглашения ССРБ в 1920 году решением вопросов населения Беларуси занимались главным образом армяне, латыши, литовцы и поляки. Так, Северо-Западный комитет РКП(б) и, долгое время — Облискомзап возглавлял А.Ф. Мясников (армянин), важную роль играли также латыши В.Г. Кнорин и К.И. Ландер, а также армянин И.Я. Алибегов. В составе Временного рабоче-крестьянского правительства Беларуси активисты Белнацкома и белорусских секций оказались, в конечном итоге, в меньшинстве. Кроме того, ключевые должности (комиссар военных дел, финансов, путей сообщения и др.) оказались в руках представителей Облискомзапа. Из четырнадцати мест в правительстве Литовско-Белорусской ССР пять занимали уроженцы из Польши, из семи мест в Президиуме им принадлежало четыре. Из белорусов в состав правительства Литовско-Белорусской ССР попал только А.Г. Червяков²⁰.

В историографии основой для объяснения целого ряда указанных явлений служит тезис о том, что территория Беларуси рассматривалась большевиками как коридор для экспорта мировой революции, и всякие меры, содействующие становлению белорусской государственности, были бы только помехой этому. Но, на наш взгляд, вопрос остается открытым.

Таким образом, в процессе самоопределения белорусской нации на советской основе в 1917–1919 годах важную роль играла не только противоречивая практическая деятельность центральных органов советской власти, но и тормозящее действие этнополитического фактора — прямое участие в решении вопросов, касающихся белорусов, представителей латышской, литовской и польской национальных элит. Воздействие этого фактора в значительной степени было обусловлено отставанием процессов этнополитической консолидации белорусов от подобных процессов у соседей, слабостью национального самосознания и, как следствие, относительной слабостью национального движения, низким уровнем его связи с крестьянскими массами.

¹⁸ Знешняя палітыка Беларусі. 1917–1922. Т. 1. Мн., 1997. С. 98.

¹⁹ Ладысеў У.Ф., Брыгадзін П.І. Паміж Усходам і Захадам... С. 266.

²⁰ Иностранная военная интервенция в Белоруссии. 1917–1920. Минск, 1990. С. 57.

Сухарев Анатолий

Тюменский государственный университет
Институт истории и политических наук, студент, 5 курс
tjumener@mail.ru

«ХОЗЯИН ГОРОДА» ИЛИ «БЕСПОЛЕЗНЫЙ УГОЛ КОМХОЗА»: ОБРАЗ ТЮМЕНСКОГО ГОРОДСКОГО СОВЕТА В 1920–1925 ГОДАХ ГЛАЗАМИ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА

Проблема организации местного управления является одной из важных для политической системы любой страны. Отношение к этим органам власти, их образ, формируемый сверху и воспринимаемый населением, в свою очередь позволяет много сказать о состоянии умов правящей верхушки того или иного государства, а так же о политической культуре населения. С другой стороны, реальное значение нововведений той или иной власти, особенно пришедшей в ходе насильственного свержения предыдущей, может быть иным, нежели это ею пропагандируется. Очевидно, что многие теоретические построения на практике оказываются не так легко провести в жизнь, даже если честно стремиться к этому. В этой связи представляет интерес ситуация, сложившаяся в сфере местного управления Советской России в первые годы большевистской власти. Нами она будет рассмотрена с привлечением материала Тюмени в двух аспектах:

- 1) позиционируемый властью образ Совета;
- 2) восприятие Совета глазами депутатов и горожан.

К сожалению, возможности реконструкции народного восприятия власти той поры на основании имеющихся материалов весьма ограничены, однако некоторые тенденции проследить можно. Все же внимание будет уделено в первую очередь попыткам власти создать определенные образы в сознании граждан и эффективности этих попыток.

Возникновение Советов в ходе революции 1905–1907 годов, пожалуй, впервые побудило лидеров российских социал-демократов обратиться к теоретической разработке их положения как составной части социалистического общества. В.И. Ленин написал статью «Наши задачи и Совет Рабочих Депутатов»¹. В ней образующиеся на территории

¹ Ленин В.И. Наши задачи и Совет Рабочих Депутатов // Полное собрание сочинений. Т. 12. М., 1968. С. 59–70.

России органы власти, в которые входили в основном пролетарии, характеризовались как потенциальные центры восстания. Точную роль, которую отводил им В.И. Ленин, установить проблематично, поскольку, находясь в это время в Швейцарии, он считал невозможным давать точные указания своим соратникам, не зная реального положения дел. Однако Советы не были аналогом коммун у К. Маркса и Ф. Энгельса (органом самоуправления народных масс, которые должны распространиться по всему миру), а являлись в первую очередь средством прихода к власти революционных сил.

В дальнейших своих статьях В.И. Ленин более подробно разрабатывал принципы формирования и положение Советов, хотя в целом они оставались скорее среди второстепенных вопросов революционной теории. По задумке лидера большевиков, они должны были составить фундамент народной власти, из которого формируется высший орган власти — съезд Советов. Однако периодичность его сессий не могла обеспечить реального полновластия. Роль съездов свелась к одобрению принятых ранее решений в более «узких» и регулярно работающих органах — ВЦИКе и СНК. На местах сложилась аналогичная ситуация. В целом же В.И. Ленин весьма оптимистично оценивал будущее Советов в рамках отведенной им роли, считая, что это — «свое», а не чужое, для массы рабочих и крестьян². Советы фактически были призваны дать населению ощущение выражения своей воли через избранных ими представителей. Структура политической системы страны строилась как сверху, так и снизу. И именно Советы составляли низовой, «демократический» компонент этой системы.

Большевики местных парторганизаций несколько более конкретно определяли вопрос о задачах горсовета. Так, А. Вадиковский, работник губисполкома, отмечает, что «горсовет есть орган самостоятельности граждан города Тюмени, первое место, куда всякий гражданин может обратиться со своими нуждами, предложениями, вопросом. Он должен комбинировать все эти нужды, вопросы, предложения и затем, сделав из них нужные выводы, принимать соответствующие решения, входить с предложениями в губернские органы»³. На наш взгляд, такое отношение отражает именно связь Совета с населением. Фактически ему уделяется роль лишь накопителя общественных предложений и замечаний о действиях «настоящей» власти, например «губернских органов». Подобные высказывания заметно отличались от официальных высказы-

² Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 36. М., 1969. С. 206.

³ Трудовой набат. 1921. 25 августа.

ваний партийных руководителей и звучали намного конкретнее и правдивее.

Основным способом, которым партия большевиков могла внедрить в общественное сознание нужный ей образ органов власти, была печатная агитация. Эти образы позволят нам понять, какое место определяла для горсовета сама власть. Общегородское значение в исследуемый период имела газета «Трудовой набат». По сведениям редакции, в 1922 году ее выписывало 1200 человек, в 1923 году — 4400. Газета распространялась, помимо Тюмени, на территории всего уезда и значительной части губернии (после административной реформы — округа). В самом городе тогда проживало около 45 тысяч человек. Надо учитывать, что информация, содержащаяся в газете, могла быть сообщена большему количеству людей — зачитываться на заводе, передаваться для прочтения и т. д., поэтому можно ориентировочно оценивать уровень ее распространения как достаточно высокий.

Хорошим примером «правильного» с точки зрения власти отношения к Советам были предвыборные лозунги на страницах «Трудового набата»: «Тюменский городской Совет... является фундаментом для создания общего благополучия всех трудящихся горожан»⁴, «Полезным и работоспособным горсовет будет при условии выбора в него делегатов, несущих в себе идеалы РКП»⁵, «1-го и 2-го сентября Красная Тюмень приступает к перевыборам горсовета, — она пошлет в горсовет только честных беспартийных тружеников и коммунистов»⁶. Как видно, выборы в Совет использовались в большей степени как повод для очередного восхваления большевистской партии.

Другим способом распространения знаний и отношения к Совету среди населения стала непосредственная агитация на местах. Она была централизованной акцией партии, к которой заранее готовились. Так, 26 августа 1921 года (за шесть дней до выборов) в пять часов вечера зачитывались доклады на тему «Горсовет и его роль и значение в нэп»⁷. Было намечено одиннадцать точек в городе, куда было назначено по одному докладчику-коммунисту (главным образом это были работники губисполкома). Выбранные места сбора охватывали основные районы Тюмени.

⁴ Трудовой набат. 1921. 28 августа.

⁵ Там же.

⁶ Трудовой набат. 1921. 30 августа.

⁷ Трудовой набат. 1921. 26 августа.

Интересен вопрос о том, как сами депутаты воспринимали работу в «своем» органе власти. Немаловажным показателем их отношения является посещаемость заседаний. Она на протяжении рассматриваемого периода оставалась на низком уровне, что относилось и к пленумам, и к заседаниям секций. Например, в конце ноября 1922 года мандатная комиссия сообщала о выбытии из состава членов Совета четырнадцати человек, замененных на кандидатов, из них десять ни разу не появлялось на заседаниях⁸. Таким образом, выбыло почти 20% членов Совета за четыре месяца (выборы в этом году состоялись в июле, было избрано 75 членов). А как отмечалось в отчете о работе Совета 6-го созыва (1924–1925 годы), посещаемость колебалась на уровне 40–60 процентов⁹.

Характеристику поведения депутатов во время собраний содержит статья, озаглавленная «Стыд и позор!». В ней автор под псевдонимом «Рабочий» пишет, что на собрании не присутствовали многие члены важнейших городских профсоюзов, «по-видимому... [им] наплевать с высокого дерева и на горсовет и на его работу. На собрании присутствовало 4-5 десятков, и то очень многие не слушали, а вели свои разговоры во время ведения собрания»¹⁰. Наибольший интерес здесь представляет характеристика хода собраний — видимо, всегда и везде представительные органы власти такого типа использовались и будут использоваться как место встреч и обсуждения вопросов, не относящихся к профессиональной деятельности депутатов.

В заметке от 13 мая 1923 года «Недисциплинированность мешает работе» говорится, что секции горсовета «в своей работе похожи на застывшую кучу»¹¹. Здесь приводится еще более впечатляющая статистика посещений — согласно данным мандатной комиссии, на заседания секций является 5–10 % депутатов. Меры этой секции по укреплению дисциплины названы «гласом вопиющего в пустыне». Однако автор призывает ее придумать новые способы воздействия на депутатов, «не останавливаясь перед полумерами», вплоть до исключения из состава Совета¹².

Часть пропусков заседаний объясняется занятостью депутатов. Они должны были решать вопросы жизни города после исполнения основ-

⁸ ГАТО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 336. Л. 62.

⁹ ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 29. Л. 25.

¹⁰ Трудовой набат. 1923. 3 февраля. При этом общая численность депутатов Совета составляла в этот год около 150 человек

¹¹ Трудовой набат. 1923. 13 мая.

¹² Там же.

ной своей должности. Многие из депутатов были рабочими от станка или были задействованы в работе профсоюзных или партийных органов, поэтому не всегда имели возможность посещать собрания. Но нередко были и случаи неявки без уважительных причин. Некоторые считали достаточным основанием непосещения «празднование 5-летия национализации водного транспорта» или «увлечение работой»¹³. Уже это указывает на «важность», с которой некоторые депутаты воспринимали свои депутатские обязанности. Объяснения этим фактам можно найти в том, что работа в Совете фактически велась на общественных началах — за нее не полагалось зарплаты. Выборы в Советы проводились по спискам среди кандидатов от каждого городского профсоюза в его среде. Это иногда приводило к избранию людей, которые или изначально не желали заниматься работой в Совете, а соглашались, лишь подчиняясь воле коллектива, или же переоценивали собственную возможность сочетать разные виды деятельности.

По свидетельству анонимного автора, «сами члены горсовета смотрели на свое учреждение как на совершенно бесполезно занятый угол помещения Комхоза (отдела коммунального хозяйства губисполкома)»¹⁴. Автор предлагает бороться с этим положением, заходя намного дальше мандатной комиссии и выводя вопрос из внутреннего ведения самого горсовета. По его предложению, нужно привлекать к повышению дисциплинированности депутатов партийные и профсоюзные организации, в которых они состоят — делать отметки о неявке в их личных делах и членских билетах¹⁵. Возможно, это действительно помогло бы как-то улучшить положение, но здесь речь идет уже о работе в Совете, как о некой трудовой повинности. Некоторые намеки на подобное восприятие можно было найти еще в произведениях теоретиков коммунизма, но в них работа в органах власти никогда не понималась как жестко контролируемая обязанность, а скорее как потребность каждого гражданина, которой он сам желает овладеть, но еще не обладает необходимыми навыками.

Для населения города назначение местного органа власти также оставалось неясным. А. Вадиковский писал: «...задаешься вопросом: какое значение имел он [горсовет] в жизни трудящихся Тюмени, чувствовали они или нет на себе его влияние, его работу, его руководство?.. Нет, нет и нет. В чем здесь причина? Она несомненно лежит не в области

¹³ ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2. Л. 95.

¹⁴ Трудовой набат. 1923. 28 июня.

¹⁵ Там же.

персональных качеств руководителей горсовета, а в том, что последний не имел ясно определенных прав и ясно очерченных задач»¹⁶. Таким образом, исходя из представления А. Вадиковского, Совет является перед нами неким автономным, не связанным с обществом органом власти. Эту проблему в настоящее время отмечают многие специалисты. Не случаен поток писем из многих губерний в органы центральной власти с многочисленными требованиями наказать руководителей низшего уровня или побудить их более добросовестно исполнять свои обязанности¹⁷. В Тюмени эта проблема также была ясна на местном уровне во властных структурах и открыто обсуждалась на страницах газет.

В официальных резолюциях и постановлениях говорилось, что горсовет должен стать «хозяином города». Эта формулировка была перенесена и на страницы городской печати, не имея конкретного определения. Учитывая особенности сложившейся после Октябрьской революции политической системы (достаточно централизованной), полновластно распоряжаться судьбой города, Советы явно не могли. Им оставалась роль исполнителей воли вышестоящих организаций или хозяйственных органов. Однако первой задачей занимались губернские и уездные (позднее — областные и окружные) исполкомы, назначаемые сверху и независимые от воли народа, а второй — совнархозы и отделы коммунального хозяйства. Таким образом, задачи Совета пересекались с задачами других органов, а его положение становилось несколько туманным и даже двусмысленным. В целом власти не удалось убедить депутатов в значимости участия в деятельности Совета. Их обязанности многими воспринимались как лишняя и не приносящая прибыли повинность, вызывающая апатию и нежелание работать. Население мало замечало работу Совета, и как следствие, обращалось за решением своих насущных проблем к другим органам власти.

¹⁶ Трудовой набат. 1921. 25 августа.

¹⁷ См. например. *Лившин А.Я.* Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917–1932 гг. М., 2010.

Хрипун Вячеслав

Санкт-Петербургский государственный университет
исторический факультет, аспирант
hripun86@mail.ru

ИНОСТРАНЦЫ В ВУЗАХ ЛЕНИНГРАДА В 1950-е — СЕРЕДИНЕ 1960-х ГОДОВ. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Тема подготовки иностранных кадров в СССР до сих пор остается недостаточно изученной. Для большинства работ советской эпохи характерен тенденциозный подход, акцентирование внимания на «интернациональном долге», «бескорыстной помощи» Советского Союза в деле обучения иностранцев, а само пребывание иностранных граждан в Советском Союзе преподносилось как их желание овладеть «основами марксистско-ленинской теории» и получить воспитание в «духе пролетарского интернационализма»¹.

Первая попытка обучения иностранцев в советской России была предпринята еще в 1920-е — 1930-е годы. Так, в 1921 году под эгидой Коминтерна специально для представителей азиатских национальностей был создан Коммунистический университет трудящихся Востока, а для подготовки кадров из европейских стран — Коммунистический университет национальных меньшинств Запада (с филиалом в Петрограде)². Располагались они, в основном, в столице и городах Средней Азии, Закавказья и Забайкалья, оставляя Ленинград на периферии подготовки иностранцев.

Ситуация в сфере подготовки иностранных кадров существенно изменилась после Второй мировой войны, в связи с образованием социалистического лагеря. Укрепление у власти в странах Восточной Европы и Азии национальных коммунистических партий поставило перед ними задачу проведения социалистических преобразований по советскому образцу, что требовало наличия большого количества квалифицированных и лояльных коммунистической идеологии национальных кадров. Уже в

¹ Проблемы подготовки национальных кадров специалистов для зарубежных стран. М. 1982. С. 52.

² Соколов А.А. Коминтерн и Вьетнам. Подготовка вьетнамских политических кадров в коммунистических вузах СССР. 20–30-е гг. М., 1998.

1946 году на учебу в СССР приехали первые 494 студента из «стран народной демократии» (СНД)³.

В отличие от довоенного периода, теперь Ленинграду отводилась роль одного из центров подготовки иностранных кадров. В 1946 году первыми вузами Ленинграда, приступившими к обучению иностранцев, стали Ленинградский медицинский институт, в который было принято двое венгерских граждан⁴, и Ленинградский высший технический институт кинематографии, готовивший кадры для болгарской киноиндустрии⁵. Затем, в 1946–1947 годах к подготовке иностранцев были привлечены такие вузы как ЛГУ, педагогический, политехнический и др., а студенческий состав пополнили представители остальных стран социалистического лагеря, включая Китай и Северную Корею.

При этом номенклатура специальностей, по которым проходило обучение иностранцев, как правило, определялась конкретными потребностями той или иной страны в научно-технических или педагогических кадрах в текущий момент, без четкой ежегодной фиксации количественного и качественного определения этой потребности.

Лидерами по числу иностранных студентов в Ленинграде были университет и Политехнический институт. Так, в ЛГУ по состоянию на 1 октября 1956 года количество студентов из СНД составляло 633 человека⁶, а в ЛПИ на 1 ноября 1956 года училось 403 студента-иностранца⁷. В остальных вузах Ленинграда число студентов и аспирантов было значительно меньше. Например, в 1957 году в Электротехническом институте обучалось 189 иностранцев, Технологическом — 149, а в Педагогическом всего 41 человек⁸. По национальному составу большинство составляли студенты и аспиранты из Китая. В ЛПИ они составляли более 55% от общего числа иностранцев, в Кораблестроительном институ-

³ Проблемы подготовки национальных кадров специалистов для зарубежных стран. С. 8.

⁴ Грекова Т.И. Голиков Ю.П. Медицинский Петербург. СПб., 2001. С. 116.

⁵ Белов В.А. Подготовка кадров для зарубежных стран в советских вузах. Калининград, 2003. С. 78.

⁶ Годовые отчеты о количественном составе учащихся // ЦГА СПб. Ф. 7420. Оп. 15. Д. 1801. Л. 31.

⁷ Статистические сведения о контингенте студентов-иностранцев за 1956/57 учебный год // ЦГА СПб. Ф. 3121. Оп. 28. Д. 832. Л. 3.

⁸ Справки и докладные записки институтов Кораблестроительного, Электротехнического, Точной механики и оптики и др. о работе со студентами-иностранцами в 1957 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 106. Д. 60. Л. 7, 42, 144, 154.

те — около 60 %⁹. На втором-третьем местах по численности находились студенты из ГДР, Болгарии и Монголии, число которых обычно не превышало 30–40 человек¹⁰. Всего в СССР, по данным на 1955 год, обучалось 12,5 тысяч иностранных студентов, аспирантов и стажеров¹¹.

Уровень предварительной подготовки граждан стран СНГ, направляемых на обучение в 1950-е годы, доставлял руководству ленинградских вузов значительное беспокойство. Причиной тому были как разруха в системе образования в СНГ после длительных войн и оккупации, так и еще незавершенные по социалистическому образцу реформы в сфере образования. Поэтому, например, большинство болгарских студентов прибывало в Ленинград, едва окончив рабфак¹². Наиболее слабую подготовку имели студенты из Монголии¹³.

Как показывает анализ вузовских отчетов, в большинстве случаев за два-три года удавалось обучить иностранцев необходимому уровню знания языка, однако в то же время широкое распространение получили и негативные тенденции. Поскольку обучение на кафедре русского языка проводилось параллельно с обучением на профильных факультетах, то студенты со слабым уровнем владения языком не могли в должной мере освоить программы обучения. Возникающие в связи с этим академические задолженности тяготили не только иностранцев, но и преподавателей, которые в ряде случаев снижали требовательность и проявляли снисходительность при оценке их уровня знаний¹⁴. Это, согласно данным профессора ЛПИ М.Д. Каменского, приводило к тому, что, например, «среди китайцев начинаются разговоры, что они выше наших студентов»¹⁵. В то же время, далеко не везде преподаватели проявляли либеральность по отношению к студентам. Так, в Горном институте, наоборот, преподавательский состав твердо стоял на своих принципах, вследствие чего даже

⁹ Справки и докладные записки институтов... // ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 106. Д. 60. Л. 7, 42, 144, 154.

¹⁰ Там же.

¹¹ Белов В.А. Подготовка кадров для зарубежных стран в советских вузах. С. 17.

¹² Стенограмма совещания председателей городских землячеств студентов и аспирантов СНГ, проведенного в обкоме КПСС 3 ноября 1953 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 96. Д. 12. Л. 34.

¹³ Справки и докладные записки институтов... // ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 106. Д. 60. Л. 9.

¹⁴ Протоколы и стенографические отчеты заседаний Ученого совета ЛПИ. Т. 1 // ЦГА СПб. Ф. 3121. Оп. 28. Д. 783. Л. 309.

¹⁵ Там же.

возникла напряженная ситуация с венгерским землячеством, недовольным многочисленными «хвостами»¹⁶.

Другой не менее важной проблемой работы с иностранцами являлась идеологическая работа. Ее ключевые аспекты можно свести к двум положениям: формирование «правильного представления о советской действительности» и противостояние идеологическим колебаниям в среде студентов-«демократов». Суть первого положения заключалась в том, что многие студенты-иностранцы приезжали в СССР «с таким убеждением, что в нашей стране все трудности уже позади, что у нас не может быть недостатков»¹⁷. По словам одного из ведущих сотрудников кафедры русского языка ЛГУ Л.К. Лакаевой, при столкновении в повседневной жизни с дефицитом, низким уровнем сервиса, пьянством у иностранцев «возникают сомнения в необходимости социалистического строя»¹⁸. Иногда дело принимало абсурдные формы. Так, в 1954 году собрание немецкой молодежи ЛГУ строго осудило своего товарища, вернувшегося из Москвы и утверждавшего, что в Москве есть деревянные дома¹⁹.

Особо негативное впечатление производила бытовая неустроенность в общежитиях. Так, 65 иностранных студентов Института киноинженеров в 1950-е годы проживали в общежитии по адресу Фонтанка, 53, на пятом этаже жилого дома с печным отоплением. Студенты сами пилили и кололи дрова, транспортировали их к общежитию, поднимали на пятый этаж. При этом для того, чтобы протопить все 56 печей, им требовалось не менее 350 кв. метров дров²⁰.

Не всегда благополучно обстояло дело и с демонстраций «достижений советской экономики». Неоднократные просьбы студентов ЛГУ в 1954 году показать им организацию труда в колхозах и совхозах ленинградской области оставались без удовлетворения, однако затем руководство вуза, в порядке помощи, отправило группы иностранцев на уборочную, при этом не в передовые, а в отстающие колхозы, которые произвели на них неблагоприятное впечатление²¹.

Серьезным испытанием для руководства ленинградских вузов стали события 1953 года в ГДР и 1956 года в Польше и Венгрии. Источником

¹⁶ Стенограмма совещания председателей городских землячеств... Л. 19.

¹⁷ Протоколы заседаний кафедры русского языка для иностранцев ЛГУ за 1954/1955 учебный год // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 15. Д. 1475. Л. 17.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Справки и докладные записки институтов... Л. 31.

²¹ Протоколы заседаний кафедры русского языка для иностранцев... Л. 17.

брожений 1953 года стали немецкие студенты, вернувшиеся домой после каникул и рассказавшие землякам об июньских событиях в Берлине. Однако как в Москве, так и в Ленинграде решительное вмешательство партийных и комсомольских организаций вузов, проведенные с немцами беседы и собрания позволили убедить их в правоте официальной точки зрения об инспирированных извне беспорядках и тем самым снять остроту вопроса²². Значительно больший резонанс вызвали события 1956 года.

В отчетах комиссий ленинградского обкома КПСС, в 1957 году проверявших работу вузов города со студентами-иностранцами, отмечалось распространение «нездоровых настроений» среди венгров и поляков, обострение их взаимоотношений со студентами других национальностей, стремление уйти от опеки советской стороны, попытки повлиять на советских студентов²³. Так, польский студент Сухарчук из Института киноинженеров публично заявил от имени всех иностранных студентов института, что советская пресса искажает действительное положение дел в Венгрии и Польше, и что в СССР едут учиться далеко не лучшие студенты СНД²⁴. Следствием нездоровой атмосферы было падение дисциплины, снижение успеваемости, случаи пьянства и появление азартных игр в среде студентов из ПНР²⁵.

После определенной растерянности руководство вузов взяло ситуацию в свои руки. В октябре 1956 года в вузах города прошли заседания кафедр социально-экономических наук с привлечением студентов СНД, где польско-венгерские события получили «правильное партийное освещение». Наличие крепких землячеств с партийными организациями и проверенными людьми во главе помогло административными мерами стабилизировать ситуацию²⁶.

В конце 1950-х — начале 1960-х годов количество студентов из СНД в советских вузах стало сокращаться, причиной чему было как формирование в них собственной образовательной системы, способной готовить достаточное количество специалистов, так и идеологический конфликт с Китаем, вследствие которого прекратился приток в вузы СССР студентов из КНР и КНДР²⁷. Кроме того, процесс деколонизации, затронувший

²² Стенограмма совещания председателей городских землячеств... Л. 4.

²³ Справки и докладные записки институтов... Л. 43.

²⁴ Там же. Л. 29.

²⁵ Там же. Л. 53.

²⁶ Там же. Л. 109.

²⁷ Стенографическое совещание секретарей райкомов КПСС, ВЛКСМ, работников вузов, торговли, здравоохранения об организации летнего отдыха и о состоянии и

Африку и Азию в 1950-е — 1960-е позволил советской стороне включиться в борьбу за право готовить кадры для стран «третьего мира».

Массовое появление в Ленинграде студентов из Африки и Азии и Латинской Америки относится к началу 1960-х.

Поскольку уровень как языковой, так зачастую и общеобразовательной подготовки большинства студентов из стран Африки и Азии был невысок, то иностранцы на срок от одного года до трех зачислялись на подготовительные факультеты, которых в 1962 году в Ленинграде было создано два — в Гидрометеорологическом институте и в ЛГУ.

Как и в случае со студентами-«демократами», задачи работы преподавательских кадров и администрации вузов со студентами из Африки и Азии заключались не только в подготовке специалистов, но и в обеспечении их лояльности Советскому Союзу, выработке у них «правильного представления о советской действительности»²⁸.

Однако национальная пестрота, принадлежность к разным политическим партиям и движениям и, вместе с тем, отсутствие идеологически однородных землячеств создавали значительную проблему для советской стороны. По образцу западных государств африканские и азиатские студенты, не удовлетворенные наличием аполитичных землячеств, объединялись во всевозможные организации, стремящиеся уйти от советского контроля. Иракские студенты создали свою Лигу иракских студентов, латиноамериканцы — Ассоциацию латиноамериканских студентов в Советском Союзе. В 1962 году студенты «черной Африки» создали Федерацию африканских студентов в Советском Союзе (ФАСС), с представительствами в городах, где обучались африканцы.

Однако уже в 1963 году ряд оппозиционных групп, представлявших разные страны «черного континента», пошли на раскол ФАСС. Так, в Ленинграде возник Союз африканских студентов в городе Ленинграде и области (ЛАСС), заявивший о своей независимости от ФАСС и занявший независимую от советских структур позицию²⁹. ЛАСС нашел поддержку у студентов из Нигерии, Верхней Вольты, Того. Как отметил в 1965 году проректор ЛПИ по работе с иностранными студентами Г.А. Богданов,

мерах улучшения работы со студентами иностранцами в учебных заведениях города, 11 апреля 1962 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 124. Д. 109. Л. 44.

²⁸ Там же. Л. 86.

²⁹ Стенограмма совещания руководителей высших учебных заведений, совместно с представителями партийных организаций по обмену опытом работы со студентами-иностранцами, обучающимися в Ленинграде // ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 137. Д. 48. Л. 24.

«кучка африканцев пытаются захватить инициативу в свои руки и вести африканцев туда, куда они хотят, а не туда, куда нам нужно»³⁰. К середине 1960-х годов конфликт в среде африканских землячеств разрешить так и не удалось.

Прибыв в Советский Союз, африканские и азиатские студенты принесли с собой и свои привычки, нравы, вызывавшие у советских студентов подчас неконтролируемую реакцию. Так, в Первом медицинском институте появление в обществе студента из Мали в одном нижнем белье вызвало бурю возмущений советских студентов. Объяснение маллийца, что он привык ходить так дома, в расчет принято не было. Собранное по факту «недостойного поведения» собрание с участием афро-азиатских студентов, в отличие от опробованной схемы собраний с представителями соцстран, положительного решения не дало. Студенты из Ливана, Судана и других землячеств отказались осудить поступок маллийца, заявив, что это его право, а нести за него ответственности они не должны. Администрации пришлось ограничиться общим замечанием африканцу³¹.

Кроме того, появление в городе сотен африканцев, отличавшихся внешне от местного населения, провоцировало разнообразные конфликты. В ночь с 10 на 11 ноября 1961 года у Сада трудящихся (Александровский сад) студент пятого курса Горного института Тенигин и курсант Гаврилов избили двоих студентов-конголезцев. Нападавшим не понравилось, что африканцы прогуливались в компании с советской девушкой. Граждане Конго получили телесные повреждения, а одному из них пришлось провести десять дней в больнице³². Хотя нападавшие позднее были задержаны, а их поступок осужден, но, как отметил сотрудник ОК КПСС С.С. Дмитриев по поводу контактов советских девушек с иностранцами: «если кого и надо бить за это, то, прежде всего самих себя — за то, что плохо воспитали девушек»³³.

Поскольку по настоянию Министерства высшего и среднего специального образования СССР иностранцев селили совместно с советскими студентами, то в общежитиях Ленинграда, как и всего СССР, начали про-

³⁰ Стенограмма совещания ректоров, секретарей партийных организаций вузов и средних специальных учебных заведений ... // ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 137. Д. 50. Л. 6.

³¹ Стенограмма совещания секретарей райкомов КПСС, ВЛКСМ, работников вузов... Л. 68.

³² Там же. Л. 49.

³³ Там же.

являться многочисленными конфликты. Случаи чрезмерного употребления спиртных напитков иностранцами, их попыток вступить в контакт с советскими девушками, снисходительное отношение к иностранцам вузовской администрации, пассивно взиравшей на накаляющуюся обстановку, — периодически приводили к открытым столкновениям советских студентов с иностранными, в основном из стран Африки. Так, в декабре 1964 года, возмущенные привилегированным положением африканцев, взбунтовались студенты ЛГУ. В университете и в общежитиях были развешаны плакаты со словами «Африканцы, убирайтесь домой!», дело дошло до драк с африканскими студентами³⁴. Руководство ЛГУ осудило данные акции, заявив, что советские студенты предъявили к иностранцам «обывательские, мещанские требования», утратив при этом не только «политический, моральный такт, но и такое замечательное качество советского народа как его великодушие»³⁵. Впрочем, были отчислены и двое студентов из Нигерии³⁶.

Общим итогом событий в Ленинграде и других городах СССР стало декабрьское Постановление ЦК КПСС 1964 года «О мерах по улучшению отбора зарубежной молодежи в Советский Союз», отметившее необходимость предъявления более жестких образовательных, политических и идеологических требований к кандидатам на обучение в СССР³⁷.

Таким образом, в 1950-е — 1960-е гг. Ленинград стал одним из главных советских центров подготовки иностранных кадров. Крупнейшие вузы города осуществляли обучение не только граждан стран социалистического содружества, но и представителей Азии и Африки, имевших отличные ментальные, политические и идеологические установки. В работе советских учебных заведений по отношению к гражданам «демократических» стран превалировало стремление решения двух задач: собственно подготовка квалифицированных кадров и политическое воспитание иностранцев в духе советской идеологической концепции. В отношении иностранцев из Африки и Азии эти задачи выполнить было значительно сложнее. Попытка применения к представителям афро-

³⁴ Протокол № 8 и стенограмма заседания Ученого Совета ЛГУ, 27 сентября 1965 г. // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 19. Д. 979. Л. 38.

³⁵ Стенограмма совещания ректоров, секретарей партийных организаций вузов и средних специальных учебных заведений... Л. 10.

³⁶ Протокол № 8...Л. 38.

³⁷ Стенограмма совещания ректоров, секретарей партийных организаций вузов и средних специальных учебных заведений... Л. 90.

азиатского региона тех же мер работы, что применялись по отношению к студентам соцлагеря, успеха не имели, ввиду кардинальных социально-экономических и политических отличий, и зачастую производили эффект, обратный ожидаемому, приводя к напряженности в отношениях местного населения и приезжих иностранцев.

Чернобривец Иван

Магнитогорский государственный университет
исторический факультет, студент, 5 курс
hispiety@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА НА ПРАВОСОЗНАНИЕ СОВЕТСКОЙ ЭЛИТЫ

Актуальность темы состоит в том, что исследование коллективной памяти представляет собой одно из новых и перспективных направлений в современной историографии. Изучение этого культурного феномена о тех или иных исторических явлениях открывает новые возможности, дает новые ответы на старые проблемы, а также ставит и решает ряд принципиально иных исследовательских задач.

Значимым событием в мировой истории XX века стал Нюрнбергский процесс 1945–1946 годов как международный судебный процесс над бывшими руководителями гитлеровской Германии. *Степень изученности проблемы* представляется следующим образом. Нюрнбергский процесс представлял интерес для исследователей по следующим аспектам: подготовка Нюрнбергского процесса, формирование нормативно-правовой базы наказания агрессии в международных отношениях, историческое значение Нюрнбергского процесса. В рамках данной проблематики работали такие видные исследователи как Н.С. Лебедева, А.И. Полторац, А.Н. Трайнин, Н.Н. Полянский, Г.Н. Александров, С.Я. Розенблит, Р. Картье, Н. Фрай¹ и др. До настоящего времени практически нет работ, авторы которых изучали бы коллективные представления о Нюрнбергском процессе. Данное исследование является попыткой восполнить этот пробел.

В качестве *объекта* исследования рассматриваются медийные и материальные носители исторической памяти, а именно — политическая риторика советских руководителей, мемуарные и научные тексты, художественная литература, периодическая печать СССР.

¹ *Лебедева Н.С.* Подготовка Нюрнбергского процесса. М., 1975; *Полторац А.И.* Нюрнбергский процесс: основные правовые проблемы. М., 1966; *Картье Р.* Тайны войны. После Нюрнберга. М., 2005; *Фрай Н.* Государство Фюрера. Национал-социалисты у власти: Германия 1933–1945. М., 2009.

Предметом исследования стали представления советской элиты 1945–1953 годов о Нюрнбергском процессе. Образы исторической памяти, как правило, создаются в среде интеллектуальной элиты. В данном случае мы отталкивались от идеи о совместных усилиях политиков, историков, деятелей художественной литературы и искусства по конструированию и трансляции образов прошлого.

Цель настоящей работы — исследовать преломление общеевропейской тенденции демократизации в сознании советского общества 1945–1953 годов на примере представления элиты советского общества о Нюрнбергском процессе и его влиянии на правосознание элиты.

Методология исследования основана на междисциплинарном подходе. Междисциплинарность² как методологический принцип современного научного исследования предполагает широкое использование научной информации независимо от ее дисциплинарной принадлежности, т. е. представляет собой методологическое оформление реального синтеза научных достижений различных дисциплин в научных проектах и исследованиях. Соответственно в данном исследовании использовались теоретические разработки в области философии истории, исторической антропологии, социологии, литературоведения. Методологические основы работы связаны с культурной историей как одним из направлений в современной историографии. Ключевые принципы исследования нашли отражение в ряде оригинальных концепций и теорий зарубежных, а также отечественных ученых и мыслителей. Наиболее значимыми для нас стали труды М. Хальбвакса, П. Бергера и Т. Лукмана, Э. Хобсбаума, Я. Ассмана, Ю.М. Лотмана, П. Рикёра, П. Нора, Х. Уайта, А. Лангеноля, Б.А. Успенского, Ф.Р. Анкерсмита, Х. Гюнтера³. На основе

² Уйбо А. Реконструкция исторического прошлого как междисциплинарная задача // Ученые записки Тартусского университета. Смысловые концепты историко-философского знания. Труды по философии XXXV, 1990. С. 76–92.

³ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007; Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995; Ассман Я. Культурная память. Письмо, память и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004; Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М., 1999; Рикёр П. Память, история, забвение. М., 2004; Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция — память. СПб., 1999. С. 17–50; Успенский Б.А. История и семиотика (Восприятие времени как семиотическая проблема) // Избранные труды: в 2-х т. М., 1996. Т. 1. С. 9–26; Гюнтер Х. Архетипы советской культуры // Соцреалистический канон. СПб, 2000. С. 743–784.

концепций и теорий этих ученых были определены методологические положения исследования.

Источниковая база исследования включает разнообразные продукты культурной деятельности людей прошлого, свидетельствующие о нем. Прежде всего это вербальные, то есть текстовые источники: законодательные, делопроизводственные⁴, научные, мемуарные, публицистические, художественные, и устные воспоминания⁵. Среди прочих были использованы воспоминания советских юристов А.И. Полторака, М.Ю. Рагинского, высказывания и речи главного советского обвинителя Р.А. Руденко; советских военачальников В.И. Чуйкова, Г.К. Жукова, К. Рокоссовского; представителей творческой интеллигенции СССР Б.Н. Полевого, И. Эренбурга, Л.А. Безыменского⁶; советских переводчиков⁷ и др. Специфика источников личного происхождения, заключающаяся в их значительной субъективности, была учтена. Все представленные исторические источники рассматриваются как дискурсы, являющиеся частями советской исторической памяти о Нюрнбергском процессе.

⁴ Документы внешней политики СССР, Т.1. М., 1957; Нюрнбергский процесс: сборник материалов. М., 1951–1952; Нюрнбергский процесс. Суд над нацистскими судьями: сб. материалов. М., 1970; Нюрнбергский процесс над главными военными преступниками: сборник материалов в 3-х тт. М., 1965–1966; Тегеран. Ялта. Потсдам: сб. документов. М., 1970.

⁵ *Безыменский Л.А.* Германские генералы — с Гитлером и без него. М., 1964; *Кейтель В.* 12 ступенек на эшафот. Ростов-на-Дону, 2000; *Королева М.А.* Триста пятнадцать в Нюрнберге. Интервью с Татьяной Алексеевной Рузской, переводчицей на Нюрнбергском процессе (http://www.world-war.ru/printer_642.html; 01.02.2011); *Полевой Б.Н.* В конце концов. Нюрнбергские дневники. М., 1968; *Полторака А.И.* Нюрнбергский эпилог. М., 1965; *Рагинский М.Ю.* Нюрнберг: перед судом истории: воспоминания участника Нюрнбергского процесса. М., 1986; *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь: воспоминания. Книга 5–6. М., 1966; *Чуйков В.И.* От Сталинграда до Берлина. М., 1985; *Рокоссовский К.К.* Солдатский долг. М., 1968; *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. М., 1971; Германия и немцы в письмах красноармейцев весной 1945 // Новая и Новейшая история. 2002. № 2. С. 137–151.

⁶ *Полторака А.И.* Нюрнбергский эпилог; *Рагинский М.Ю.* Нюрнберг: перед судом истории...; Нюрнбергский процесс: сборник материалов; Нюрнбергский процесс над главными военными преступниками...; Нюрнбергский процесс. Суд над нацистскими судьями: сб. материалов. М., 1970; *Чуйков В.И.* От Сталинграда до Берлина; *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления; *Рокоссовский К.К.* Солдатский долг; *Полевой Б.Н.* В конце концов. Нюрнбергские дневники; *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь: воспоминания; *Безыменский Л.А.* Германские генералы — с Гитлером и без него. М., 1964.

⁷ *Королева М.А.* Триста пятнадцать в Нюрнберге...

Проявление тенденции демократизации на Нюрнбергском процессе

После Второй мировой войны по Европе прошла волна демократизации, которая затронула все сферы жизни общества: на освобожденных от фашизма территориях смягчаются политические режимы, расширяются социальные гарантии населению, развивается правовая база, расширяется перечень прав и свобод человека⁸. В СССР также наблюдалось стремление к демократизации общества⁹: представители советской творческой интеллигенции, а также военнослужащие многомиллионной Советской Армии во время военной кампании по освобождению европейских государств от фашизма на собственном опыте могли лицезреть западную культуру, высокий уровень жизни, институты самоуправления в освобожденных странах. Означенные явления порождали элементы демократических настроений. Широкие слои советского общества надеялись на улучшение условий быта, повышение уровня жизни, признание своих заслуг от власти, справедливо считая, что советский народ внес весомый вклад в Победу. Стремление держав-победительниц, и прежде всего их политических элит, к демократизации общества нашло отражение в подготовке Нюрнбергского процесса — международного судебного процесса над бывшими руководителями гитлеровской Германии, проходившего с 20 ноября 1945 по 1 октября 1946 года в Международном военном трибунале в Нюрнберге. Международный военный трибунал как международный судебный орган по преследованию и наказанию главных военных преступников Второй мировой войны 1939–1945 годов был образован по Лондонскому соглашению¹⁰ 8 августа 1945 года между правительствами СССР, США, Великобритании и Франции. Таким образом, Нюрнбергский процесс явился юридическим аспектом сотрудничества

⁸ *Лиддел Гарт Б.Г.* Вторая мировая война. М.; СПб., 1999; *Тейлор А. Дж. П.* Вторая мировая война: два взгляда. М., 1995; *Типпельскирх К.* История Второй мировой войны. СПб.; М., 1999; *Уткин А.И.* Вторая мировая война. М., 2002; *Якобсен Г.А.* 1939–1945. Вторая мировая война. Хроника и документы. М., 1995; Вторая Мировая война: актуальные проблемы // Новая и Новейшая история. 1996. №6; Об исследованиях по истории Второй Мировой войны // Новая и Новейшая история. 1987. № 5.

⁹ *Баранович-Поливанова А.* Впечатления послевоенной поры // Знамя. 1996. № 5. С. 145–158.; Мир мнений советского человека 1945–1948 гг. // Отечественная история. 1998. № 4. С. 99–108; Общественная атмосфера после войны (1945–1946) // Свободная мысль. 1992. № 6. С. 4–14.

¹⁰ *Лебедева Н.С.* Подготовка Нюрнбергского процесса.

союзников по антигитлеровской коалиции, влияние данного события на правосознание в большей степени советской элиты и в значительной мере советских граждан и их понимание справедливости представляет научный интерес для исследователей.

Тенденция правящей элиты СССР к демократизации сознания и прежде всего правосознания советского общества просматривается в согласии руководства СССР на судебный процесс по правилам «западной» системы правосудия¹¹, которая предусматривала:

Состязательность судебного процесса (входившей в явный контраст с утвердившимися в СССР судебными «тройками»).

Открытость суда (предполагалось освещение Нюрнбергского процесса средствами массовой информации, в том числе и советскими журналистами).

Широкую доказательную базу, включавшую в себя различные материалы, от свидетельских показаний до кино- и фотодокументов.

Также значимым является факт назначения главным обвинителем от СССР на Нюрнбергском процессе не генерального прокурора СССР А.Я. Вышинского, весьма одиозной фигуры, символизирующей советское правосудие довоенной эпохи (притом, что союзные державы назначали обвинителями своих генеральных прокуроров или министров юстиции), а Р.А. Руденко — генерального прокурора Украинской ССР. Этим жестом советское руководство показало не только отход от принципов советского правосудия 1930-х годов, но и возросшее правовое значение союзных республик СССР, которые также на равных правах вошли в ООН (Белорусская и Украинская ССР). Данный факт также свидетельствует о демократической тенденции в правосознании советского руководства.

Нюрнбергский процесс, ставший правовой основой наказания агрессии в международных отношениях, явился продолжением линии советского руководства, заложенной еще наркомом иностранных дел М.М. Литвиновым, разработавшим Декларацию определения агрессора 1934 года¹².

¹¹ *Лебедева Н.С.* Подготовка Нюрнбергского процесса; *Полтораки А.И.* Нюрнбергский процесс: основные правовые проблемы; *Сухарев А.Я.* Нюрнбергский процесс и проблемы международной законности // Журнал российского права. 2007. № 1. С. 87–94.

¹² *Майский И.М.* Воспоминания советского дипломата. 1925–1945 гг. Т., 1980; *Блищенко И.П.* Дипломатическое право. М., 1972.

Таким образом, Нюрнбергский процесс в известной мере явился следствием тенденции демократизации общества и политического руководства держав — победительниц во Второй мировой войне.

Нюрнбергский процесс в исторической памяти советской элиты 1945–1953 годов

Образы исторической памяти, как правило, создаются в среде интеллектуальной элиты. В данном случае мы отталкивались от идеи о совместных усилиях политиков, юристов, историков, деятелей художественной литературы и искусства по конструированию и трансляции образов прошлого. Таким образом, основой исследования стали источники личного происхождения: мемуары и воспоминания участников, свидетелей и современников Нюрнбергского процесса. При анализе исторических источников был сделан ряд выводов о влиянии Нюрнбергского процесса на элиту советского общества. Можно выделить следующие векторы влияния Нюрнбергского процесса на элиту советского общества:

— Формирование и утверждение пацифистских настроений в обществе.

«Ужасы Второй мировой войны, которые были раскрыты на Нюрнбергском процессе, вели к пониманию неприемлемости войны как средства политики. «Нюрнбергский процесс был призван своей деятельностью укрепить международную безопасность и способствовать единству людей в борьбе за самое дорогое, что у них есть — в борьбе за мир»¹³ (А.И. Полторак — помощник главного обвинителя от СССР на Нюрнбергском процессе).

— Знакомство с бытовой, повседневной жизнью западного мира вело к усилению тенденций демократизации советского общества.

— Открылась возможность сотрудничества со странами капиталистической ориентации, при сохранении идеологического противостояния.

Ведь как отмечает А.И. Полторак, «в целом Нюрнбергский процесс прошел под знаком единства четырех держав»¹⁴.

— Произошло снижение идеологизации правового сознания общества:

«Когда я увидела подсудимых в первый раз, я была просто в недоумении: облик этих обыкновенных, а некоторых даже интеллигентной,

¹³ Полторак А.И. Нюрнбергский эпилог. С. 328.

¹⁴ Там же. С. 407.

респектабельной внешности людей никак не вязался с тем, что я о них слышала» (Т. Рузская¹⁵ — переводчик на Нюрнбергском процессе от СССР).

— Появилось юридическое обоснование опасности экстремистской идеологии:

«Впервые в лице подсудимых мы судим не только их самих, но и преступные учреждения и организации, ими созданные, человеконенавистнические «теории» и «идеи», ими распространяемые в целях осуществления давно задуманных преступлений против мира и человечества» (из вступительной речи главного советского обвинителя на процессе Р.А. Руденко¹⁶).

— Проявилась необходимость отстаивания итогов Второй мировой войны и Нюрнбергского процесса как их правовой гарантии.

— Происходило повышение интереса к юриспруденции и повышение правовой грамотности населения на бытовом уровне.

Наряду с вышеупомянутым влиянием сохранялись и сугубо советские особенности правосознания:

А. В советском обществе не возникало критики Нюрнбергского процесса с позиций суда *победителей над побежденными*, в то время как уже на самом Нюрнбергском процессе обвиняемые, их адвокаты, а также часть прессы западных стран подвергали сомнению законность, справедливость и легитимность Нюрнбергского процесса с данных позиций. К тому же уже в 1940-х годах в западной прессе публикуются первые мемуары и воспоминания осужденных на Нюрнбергском процессе лиц: Риббентропа, Кейтеля¹⁷ и др., в отечественной прессе данные материалы появились только после развала СССР в 1991 году.

Для советского общества были характерны подобные мысли, высказанные в воспоминаниях В.И. Чуйкова, советского полковника в Великой Отечественной войне: «У нас есть полное моральное право судить и агрессора, и тех, кто развязал ему руки... Разум требует не забывать уроков истории. Пусть помнят о них и те, кто строит новые планы агрессии...»¹⁸

Б. Сохранение идеологических рамок советской системы, ее влияние на поведение деятелей творческой интеллигенции СССР и их настроения.

¹⁵ Королева М.А. Триста пятнадцать в Нюрнберге...

¹⁶ Нюрнбергский процесс: сборник материалов.

¹⁷ Кейтель В. 12 ступенек на эшафот.

¹⁸ Чуйков В.И. От Сталинграда до Берлина. С. 699.

Примером подобных процессов может послужить цитата: «Нюрнбергский процесс длился долго — десять месяцев; очень скоро журналисты начали разъезжаться. Все было известно заранее — до процесса»¹⁹ (И. Эренбург — советский литератор и журналист, присутствовавший на Нюрнбергском процессе). Эренбург подчеркивает предсказуемость советской системы довоенного правосудия, в которой желание «справедливости» зачастую превалировало над понятиями презумпции невиновности.

Характерны и подобные высказывания: «Я записываю все это без особой надежды когда-либо опубликовать...»²⁰ (Б. Полевой — советский литератор и журналист, присутствовавший на Нюрнбергском процессе); подчеркивается строго сохраняющаяся в СССР цензура и закрытость судебных процессов, в то время как открытый и состязательный Нюрнбергский процесс входит в явный диссонанс с этим явлением.

В. Особое мнение, оставленное советским судьей И.Т. Никитченко в приговоре, отражает особенности советского правосознания. Трибунал объявил преступными организации СС, СД, гестапо, руководящий состав национал-социалистической партии (НСДАП), но не признал таковыми СА, германское правительство, генштаб и верховное командование вермахта. Член Международного военного трибунала от СССР И.Т. Никитченко с этим изъятием (кроме СА), как и оправданием троих обвиняемых (Г. Фриче, Ф. Папен, Я. Шахт), не согласился. Он также оценил как мягкий приговор о пожизненном заключении Гесса. Советский судья изложил свои возражения в Особом мнении. Оно было оглашено в суде и составляет часть приговора²¹.

Несмотря на то, что союзные державы договорились принимать все решения на Международном военном трибунале в Нюрнберге совместно, советская юридическая делегация ввиду особого отношения советского человека к понятию справедливости ни могла не оставить если не для приговора, то для истории свое «Особое мнение».

В целом демократическая тенденция, имевшая место в послевоенный период, подготовила сознание советского общества к изменениям второй половины XX века — постепенному смягчению политического режима, повышению уровня жизни и социальных гарантий населению. В конечном итоге опыт знакомства советской армии в освобожденных

¹⁹ Эренбург И. Люди, годы, жизнь: воспоминания. С. 318–326.

²⁰ Полевой Б.Н. В конце концов. Нюрнбергские дневники. С. 302.

²¹ Лебедева Н.С. Подготовка Нюрнбергского процесса; Полторак А.И. Нюрнбергский процесс: основные правовые проблемы.

европейских странах с уровнем жизни, бытом, демократическими тенденциями, с одной стороны; элиты советского общества (то есть творческой, научной интеллигенции) на Нюрнбергском процессе, с другой стороны, позволили расширить рамки сознания и правосознания в дальнейшем историческом развитии советского общества.

Заключение

Сотрудничество союзников по антигитлеровской коалиции и Нюрнбергский процесс посеяли в сознании и правосознании советского общества ростки перемен, которым понадобились долгие годы, чтобы воплотиться в полной мере. Среди них принципы пацифизма, приоритет общечеловеческих ценностей над идеологическими. Таким образом, уникальность представления элиты советского общества, а именно военной, политической, юридической, культурной, идеологической элиты, состоит в постепенном осознании необходимости демократизации общественного устройства СССР, смягчения политического режима, отхода от идеологизации.

**КОНСТРУИРУЯ «СОВЕТСКОЕ»?
ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ,
ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ,
НОВЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ**

**материалы научной конференции
студентов и аспирантов**

14–15 апреля 2011 года, Санкт-Петербург

Корректор — Е.Н. Дудко

Издательство Европейского университета
в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург
ул. Гагаринская, 3
тел.: +7 812 579 2133
факс: +7 812 275 5139
e-mail: books@eu.spb.ru
Интернет-магазин Издательства:
WWW.EUPRESS.RU

Подписано в печать 04.04.11
Формат 60x88 1/16. Тираж 200 экз.

Отпечатано в типографии
ООО «Политехника-Сервис»
191023, Санкт-Петербург, ул. Инженерная, 6